This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

33

gift of

Lt. Col. Leon Curtis

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОТЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ

КНЯЗЬ ДМ. ГОЛИЦЫНЪ
(МУРАВЛИНЪ)

Golitsyn, D. A.

ОТЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ

РОМАНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1902

PG3460
G6408

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1481

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

— Да вѣдь это Иванъ Сергѣевичъ! вскрикнула Соня и быстро повернула нѣсколько разъ подъ рядъ кнопку каретнаго звонка.—Сеня, посмотри, вотъ тамъ, около подъѣзда Бергамаско.

— Какой Иванъ Сергѣевичъ? спросила Ксенія.

— Да Хрустовъ же! Мнѣ надо сказать ему два слова.

Соня опустила раму, высунулась изъ окна и крикнула кучеру: — Петръ, остановите налѣво, тамъ гдѣ фотографъ.

Ея красивое лицо со строгимъ профилемъ и матово-нѣжною кожей сразу зарумянилось отъ мороза. Зеленые глаза сверкали оживленно, а золотисто-рыжій цвѣтъ волосъ придавалъ особую энергичность ея облику.

Когда карета остановилась, Соня позвала:

— Иванъ Сергѣевичъ!

Нѣсколько прохожихъ оглянулись, но не тотъ, который былъ ей нуженъ.

— Иванъ Сергѣевичъ! повторила она такъ громко, что Ксеніи стало неловко.

— Перестань, на насъ всѣ смотрятъ. На что онъ тебѣ?.. Онъ навѣрно сегодня придетъ.

Хорошенькая блондинка съ голубыми глазами, Ксенія совсѣмъ не походила на свою двоюродную сестру. Въ ней было много спокойствія, мягкости. Ея обычнымъ настроеніемъ была тихая радость, потому что ей жилось хорошо.

Сонѣ тоже было непріятно, что на нее всѣ оглядываются, но она настояла на своемъ и крикнула въ третій разъ: — Иванъ Сергѣевичъ!.. А! услышалъ. Ce n'est pas malheureux...

Ксенія сказала:

— Какъ онъ похожъ на медвѣдя!

Эти слова видимо не понравились Сонѣ. Она ничего не отвѣтила, но на мигъ сдвинула брови.

Между тѣмъ Иванъ Сергѣевичъ приближался къ экипажу. Широкоплечій, толстый, съ громадными руками, онъ дѣйствительно походилъ на медвѣдя. Ему минуло не болѣе двадцати восьми лѣтъ, но онъ казался старше. У него было довольно красивое, но грубое лицо съ чрезмѣрно крупными чертами. Глаза смотрѣли рѣзко, нагло.

— Двѣ княжны, и безъ охраны! усмѣхнулся онъ.—Здравствуйте, Софья Васильевна... Ксенія Владиміровна, мое почтеніе... Откуда и куда?

Въ его тонѣ было много дѣланнаго ухарства, словно пріятно было ему хвастнуть неблаговоспитанностью.

— Сеня взяла меня съ собой... Мы ѣдемъ смотрѣть казенную квартиру дяди Володи, объяснила Соня.

— Ахъ, да, казенную квартиру... И вамъ *лестно увидѣть ореолъ* его новой власти? Какъ же,

теперь держись! Захочетъ прихлопнуть и прихлопнетъ. Ему даже городовые отдаютъ честь... а? По нынѣшнимъ временамъ даже князю Могилову-Стольному впору этимъ дорожить.

— А вамъ городовые не кланяются и даже на васъ косятся! съ внезапнымъ задоромъ разсмѣялась Ксенія,—и васъ непремѣнно арестуютъ. Я увѣрена, что васъ слѣдуетъ арестовать.

На лицѣ Сони мелькнуло злое выраженіе. Хрустовъ не моргнулъ.

— Арестуютъ? Нѣтъ. Я вчера крестилъ у старшаго дворника. Кто это сдѣлалъ, тому нечего бояться. Теперь не столоначальникъ управляетъ судьбами, а старшій дворникъ.

Онъ захохоталъ гораздо громче, нежели произнесъ эти слова.

— Soyez prudent, шепнула Соня.—Мы остановились для того, чтобы спросить васъ, будете ли вы у дяди... сегодня воскресенье.

— На казенной квартирѣ? криво усмѣхнулся Иванъ Сергѣевичъ,—успѣю... всѣ тамъ будемъ.

— Не на казенной... дядя переѣзжаетъ только завтра... Приходите обѣдать на Милліонную... Мнѣ хочется васъ разспросить кое о чемъ. Вѣдь вы были вчера на выносѣ тѣла Достоевскаго? Насъ не пустили.

— Ну, еще бы васъ пустили! Выдумали тоже. Конечно, я былъ. Разскажу. Но вотъ вы меня приглашаете на Милліонную, а мнѣ кажется, что должна была бы это сдѣлать и княжна Ксенія Владиміровна. Она также дочь хозяевъ.

— Il faut vous inviter maintenant!.. Вы и такъ приходите каждое воскресенье, сказала Ксенія.—Соня, поѣдемъ, я замерзла.

Хрустовъ поклонился.

— До свиданія. Приду къ обѣду. Люблю обѣдать у генераловъ.

Пока кучеръ сворачивалъ на Малую Морскую, Соня успѣла раза два дружественно кивнуть Ивану Сергѣевичу.

— Мнѣ онъ не нравится, сказала Ксенія.

Ея двоюродная сестра промолчала.

— И не нравится мнѣ, что у него одинаковое имя и отчество съ Тургеневымъ... обидно какъ-то...

Соня встрепенулась.

— Что же, по твоему онъ такая ничтожная личность, что оскверняетъ даже свое имя и отчество?...

— Не сердись, съ искреннею улыбкой проговорила Ксенія,—я не виновата, что онъ мнѣ не по душѣ... У него такая непріятная манера, когда онъ упоминаетъ о папѣ... Папа князь, папа получилъ такую должность... И то и другое оскорбляетъ господина Хрустова. Мнѣ кажется, что это глупо.

— Это его убѣжденіе. Убѣжденія свободны.

— Да вѣдь его убѣжденія не помѣшали ему крестить у старшаго дворника... Почему же они ему мѣшаютъ быть вѣжливымъ и не... не препятствуютъ бывать у насъ?

— Ну, есть вещи, о которыхъ тебѣ рано говорить. Ты слишкомъ молода.

— Черезъ два года, когда мнѣ будетъ девятнадцать лѣтъ, какъ тебѣ, я тоже буду находить Хрустова симпатичнымъ? со смѣхомъ спросила Ксенія.—Ну, ну, не сердись... Вотъ мы и пріѣхали. Посмотримъ ту казенную квартиру, которая приводитъ Ивана Сергѣевича въ такое *безпокойство.*

II.

Оставшись одинъ, Хрустовъ самодовольно улыбнулся и продолжалъ путь. «Въ сущности, мнѣ больше нравится Ксенія», подумалъ онъ. «Собственно какъ женщина. Но изъ Сони выйдетъ прокъ. Ишь, какъ ноздри раздуваются. Окликнула, чтобы узнать, былъ ли я на выносѣ тѣла Достоевскаго... И хотѣла убѣдиться въ томъ, что мы съ ней сегодня увидимся... Слѣдовательно, ей по душѣ все то, что я говорю... А, Могиловы-Стольные, аристократы проклятые, наплачетесь съ нею! Соня клиномъ вобьетъ въ вашу среду столько невзгодъ, что и вы ослабнете. Не чувствуете сами, что пришла пора сдаваться, такъ вамъ покажутъ... И Соня прехорошенькая. Я люблю рыжихъ. Въ рыжихъ есть что-то революціонное... А въ Сонѣ еще говоритъ кровь акушерки Нефедовой».

На Полицейскомъ мосту, обогнавъ худощаваго брюнета, небольшого роста, Иванъ Сергѣевичъ оглянулся и сказалъ:

— Здравствуйте, Илліодоръ Ѳедоровичъ... Прогуливаетесь?

Брюнетъ вздрогнулъ, оторванный отъ задумчивости. На его нервномъ молодомъ лицѣ, некрасивомъ, съ безпорядочно торчащими усами, ясно обрисовалось неудовольствіе. Держа подъ правою рукой портфель, онъ небрежно протянулъ Хрустову лѣвую.

— Здравствуйте... Вовсе не прогуливаюсь. Иду къ Мерлону.

— Вотъ кстати! Я тоже. Мы съ нимъ пріятели.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. А я называю его негодяемъ. Иду къ нему, потому что вчера мы съ нимъ одновременно были у моего двоюроднаго брата, и Мерлонъ укралъ у меня портфель съ нужными бумагами.

Иванъ Сергѣевичъ даже обрадовался:—Укралъ?

Злая усмѣшка перекосила лицо его собесѣдника.

— Можетъ быть и не укралъ, а только нечаянно унесъ мой портфель вмѣсто своего, но тѣмъ Мерлонъ и удобенъ, что про него всегда можно подумать: «укралъ», «обманулъ», «сдѣлалъ подлость».

Они пошли рядомъ. Хрустовъ старался подладиться подъ быстрые короткіе шаги Илліодора Ѳедоровича. Ему это было очень трудно. Выраженіе лица сдѣлалось у него почти не наглое. Видно было, что Илліодора Ѳедоровича онъ побаивается.

— Послушайте, Рыбовскій,—сказалъ онъ,— я радъ, что встрѣтился съ вами... Давно мы не видѣлись... Помните, мы когда-то говорили другъ другу «ты», въ технологическомъ...

Илліодоръ Ѳедоровичъ оборвалъ:—Говорили. Теперь не говоримъ. Излишне.

Съ дѣланнымъ смѣхомъ Иванъ Сергѣевичъ повторилъ:

— Излишне. Оно, конечно, что̀ и толковать, совершенно излишне, потому что мы рѣдко видимся. Я даже удивляюсь тому, что васъ такъ рѣдко встрѣчаешь у Могиловыхъ-Стольныхъ... Вѣдь вашъ двоюродный братъ ведетъ дѣла князя...

— А я тому удивляюсь, что вы такъ часто тамъ бываете.

Хрустовъ пожалъ плечами.

— Что же дѣлать! Съ дѣтства бываю въ домѣ, потому что князь Владиміръ Андреевичъ въ былое время поставилъ на ноги моего отца. Я, конечно, наслѣдственной благодарности не признаю и даже не особенно люблю старика-князя, который весь завернутъ въ традиціи, какъ мумія въ пелену. И жена его мнѣ противна, и братецъ, жирный дуракъ Василій Андреевичъ, но очень мнѣ нравится Софья Васильевна. Не въ пошломъ смыслѣ, конечно, а какъ типъ. Она человѣкъ новый. Это новое вино, которое разорветъ старые мѣхи.

— Нѣтъ, я не про то, сказалъ Илліодоръ Ѳедоровичъ. — Я удивляюсь тому, что васъ тамъ принимаютъ.

Съ высоты своего огромнаго роста Иванъ Сергѣевичъ гнѣвно посмотрѣлъ на Рыбовскаго.

— Послушайте, это слишкомъ...

Тотъ презрительно разсмѣялся.

— Такъ и отмѣчу, что сегодня, перваго февраля 1881 года, Иванъ Хрустовъ на меня обидѣлся. Это вовсе не слишкомъ, не слишкомъ много и не слишкомъ мало: а въ самый разъ. Я удивляюсь тому, что васъ принимаютъ Могиловы-Стольные, потому что князь Владиміръ Андреевичъ человѣкъ очень стойкихъ и опредѣленныхъ взглядовъ, и ему не можетъ не быть извѣстно, что вы придерживаетесь, такъ сказать, разрушительныхъ убѣжденій.

— Тише! взмолился Хрустовъ и посмотрѣлъ по сторонамъ. Въ сущности ему было пріятно, что разговоръ касается его убѣжденій.—Тише. Сами знаете, какія теперь времена.

— Преподлыя времена! согласился Рыбовскій,—когда всякая дрянь забираетъ силу...

— Вотъ, вотъ, засуетился Иванъ Сергѣевичъ.

Илліодоръ Ѳедоровичъ его перебилъ:

— Погодите радоваться. Мы, будьте увѣрены, подъ словомъ «дрянь» разумѣемъ разное. Я говорю о той самой сволочи, которая сѣетъ страхъ и преступленіе, о тѣхъ карьеристахъ невзгоды, которые добиваются власти для того, чтобы ее расшатать, о людяхъ, которымъ желательно разодрать Россію на части, чтобы выкроить себѣ изъ кусковъ выгоду. Они иногда произносятъ благородныя слова, но только для того, чтобы затемнить смыслъ своихъ дѣйствій. Они сбиваютъ съ толка молодежь и, не видя лѣса изъ-за деревьевъ, топчутъ всѣхъ въ болото. И Россія знать ихъ не хочетъ. Вся ваша краснота—сыпь здоровомъ тѣлѣ, сыпь, которая пройдетъ, когда тѣло будетъ вымыто.

— Точно искреннихъ людей не бываетъ!

— Бываетъ. Какъ же. Но это какіе-то искренніе иностранцы. Чужаки. Простота, которая хуже воровства. Да, чортъ знаетъ, что̀ у насъ дѣлается. Изолгались всѣ. Перепутались. Безъ прошлаго всѣ стали. Какіе-то подкидыши, либо шарлатаны и фальсификаторы настроеній какъ... какъ вы, напримѣръ.

Хрустовъ махнулъ рукой.

— Знаете, Рыбовскій, на васъ и обижаться нельзя.

— Еще бы. Ни мнѣ на васъ, ни вамъ на меня обижаться невозможно. Во мнѣ каждый атомъ долженъ быть для васъ оскорбителенъ. Я для того и существую, чтобы давать пощечины душамъ такихъ личностей, какъ вы. А одно ваше пребываніе на свѣтѣ есть уже для меня оскорбленіе. Вся Россія теперь состоитъ

изъ людей, другъ друга оскорбляющихъ. Всѣ ошалѣли въ какомъ-то чаду. Одинъ кричитъ «шпіонъ», другой кричитъ «убійца».

— Старыя формы гибнутъ, заявилъ Иванъ Сергѣевичъ,—молодое желаетъ пробить себѣ дорогу.

— И все вы врете. Не молодое и не новое, а просто напросто чужое. Никто никому кланяться не хочетъ, а желаетъ, чтобы всѣ передъ нимъ преклонялись. Это называется торжествомъ личности. Какъ же! Иванушка дурачекъ стремится быть Иваномъ, не помнящимъ родства съ прошлымъ. А вы всѣ кругомъ занимаетесь свистопляской и называете это настроеніемъ.

— А вотъ я вамъ объясню, что̀ я называю настроеніемъ, съ усмѣшкой сказалъ Хрустовъ.

— Слушайте. Иду я вчера утромъ по Литейной, направляясь въ Кузнечный переулокъ, чтобы попасть на выносъ тѣла Достоевскаго. Останавливаюсь я какъ-то у магазина «Забава и Дѣло»... Знаете, такой магазинъ, гдѣ всякой чепухой торгуютъ. Рядомъ со мной стоитъ и смотритъ генералъ какой-то. Глаза у него маленькіе, слезливые, а сѣдые усы торчкомъ. Смотритъ глубокомысленно и съ полною очевидностью маловажные предметы въ умѣ перебираетъ. Вдругъ подходитъ къ нему молодой человѣкъ въ пледѣ и съ большимъ чувствомъ ударяетъ его пальчикомъ по носу, сперва снизу вверхъ, а потомъ сверху внизъ, и говоритъ, «вотъ тебѣ забава, вотъ тебѣ дѣло»... Генералъ сконфузился и убѣжалъ, а какая была тутъ публика, та была очень довольна!

Блѣдный, съ рѣзкимъ взглядомъ, Рыбовскій схватилъ *лѣвою рукой* собесѣдника за локоть.

— Хрустовъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—вы знаете, что я хотя и маленькаго роста, однако свертываю мѣдный пятакъ въ трубку... Знаете? Помните? Если вы еще разъ осмѣлитесь при мнѣ разсказать подобную пошлость, я вамъ кости переломаю...

— Отпустите локоть, съ притворнымъ равнодушіемъ произнесъ Иванъ Сергѣевичъ,—знаю я вашу ultima ratio! Городовой и кулакъ. Одно меня утѣшаетъ: что вашъ бѣшеный характеръ когда-нибудь доведетъ васъ до висѣлицы.

Молча дошли они до Большой Садовой, свернули направо.

— Вотъ мы и пришли, сказалъ Хрустовъ.

Онъ первый вошелъ въ подъѣздъ, Рыбовскій за нимъ. Во второмъ этажѣ Иванъ Сергѣевичъ позвонилъ у двери, гдѣ была надпись: «Меблированныя комнаты».

— Сейчасъ приведемъ старшаго дворника въ безпокойство! съ хихиканьемъ проговорилъ онъ.— Помилуйте, двое пришли въ гости къ третьему... очевидный заговоръ!..

Илліодоръ Ѳедоровичъ пожалъ плечами.

— И большой у васъ запасъ такихъ словъ?

Горничная отперла дверь.

— Дома Степанъ Николаевичъ?

— Дома... вотъ тутъ направо.

— Степанъ великолѣпный, прими благосклонно двухъ одиночекъ, парочки ни мало не составляющихъ! шутовски задекламировалъ Хрустовъ, входя въ комнату Мерлона. — Се азъ и спутникъ мой случайный, хранилище рукописей тебѣ возвращающій.

Степанъ Николаевичъ Мерлонъ отвѣтилъ дряблымъ *теноромъ*:—Милости просимъ. Очень пріятно.

Онъ былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти.

Когда актеры хотятъ загримироваться красавцами, то обыкновенно выбираютъ такую наружность: небольшая шелковистая бородка, густые и тщательно расчесанные усы, широкія темныя брови и матовый цвѣтъ лица. Мерлонъ очевидно сознавалъ цѣну своихъ физическихъ качествъ, старался быть изящнымъ, ухаживалъ за собой. Онъ любилъ нравиться и поэтому охотно смотрѣлъ въ сторону отъ собесѣдника, чтобы виденъ былъ его правильный профиль. Сѣрые глаза его постоянно шмыгали, словно избѣгая прикосновенія чужого взгляда.

— Я только на минутку, сказалъ Рыбовскій, — вотъ вашъ портфель. Отдайте мой.

— А я на цѣлый часъ. Вмѣстѣ поѣдемъ къ Могиловымъ, объявилъ Иванъ Сергѣевичъ и, сбросивъ пальто въ уголъ, развалился въ креслѣ.

— Что вы такъ торопитесь, Илліодоръ Ѳедоровичъ? очень ласково произнесъ Мерлонъ.— Вы такой рѣдкій гость!

— Некогда. Давайте портфель. Тамъ бумаги, которыя мнѣ нужны.

— Сейчасъ, сейчасъ... А въ моемъ ничего особеннаго, какъ вы могли убѣдиться... служебные черновики.

Внезапно озлившись, Рыбовскій крикнулъ: — Я не смотрѣлъ, что̀ у васъ тамъ. Это вы бы посмотрѣли, не будь мой портфель замкнутъ на ключъ. Скорѣй, я тороплюсь.

— Вотъ, вотъ... получите.

И Степанъ Николаевичъ изящнымъ жестомъ подалъ портфель. Онъ спросилъ:

— Вы будете *сегодня* у Могиловыхъ-Стольныхъ?

— Нѣтъ. Некогда. Я сегодня уѣзжаю. Въ Америку.

Хрустовъ насторожился, удивленный, а Мерлонъ покачалъ головой:

— Скажите... Мнѣ вчера сообщилъ Парменъ Владиміровичъ, что вы внезапно рѣшили ѣхать заграницу, но я никакъ не думалъ, что въ Америку... Это интересно.

— Тѣмъ болѣе, что не соотвѣтствуетъ вашему образу мыслей, съ усмѣшкой замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ. — Вамъ бы слѣдовало въ Китай.

Къ этимъ словамъ Илліодоръ Ѳедоровичъ отнесся довольно спокойно.

— Моему образу мыслей прежде всего соотвѣтствуетъ уйти какъ можно дальше отъ васъ и вамъ подобныхъ. Вы мнѣ всѣ надоѣли. Мнѣ здѣсь опротивѣло все. Мнѣ противно видѣть, какъ шарлатаны баламутятъ и какъ имъ подчасъ вторятъ добросовѣстные люди, воображающіе, что проповѣдуютъ добро, а въ сущности, созидающіе кавардакъ. Мнѣ хочется увидѣть что-нибудь другое. Я уѣзжаю. Америка тѣмъ хороша для меня, что она далеко. Я уѣзжаю, но оставляю вамъ свое мнѣніе о васъ. Вы его не забудете. Прощайте.

Не дотрагиваясь рукой до барашковой шапки, Рыбовскій кивнулъ и вышелъ.

— Какой горячій! сказалъ Мерлонъ,—онъ хочетъ перевернуть Россію...

— Я очень радъ его отъѣзду! вырвалось у Хрустова. — Онъ меня изводитъ... Послушай, я хотѣлъ тебя спросить: зацапали?

Онъ кивнулъ по направленію къ коридору.

Степанъ Николаевичъ отвѣтилъ:

— Да.

— Сегодня ночью?

— Ночью. Очень спокойно. Я почти ничего не слышалъ.

— Ничего не нашли?

— Ну, этого я не знаю... Право, я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь. Еще влопаешься въ исторію.

— Ну, еще бы...Боишься, что тебѣ испортятъ прическу.

— Нѣтъ, но у меня другія средства дѣйствія... Читалъ ты въ газетѣ сегодня мою замѣтку о старшихъ дворникахъ?.. И цензурно, и раздражаетъ...

Хрустовъ дополнилъ:

— И гонораръ получаешь.

Мерлонъ захохоталъ:

— Вотъ именно!..

III.

— Папа, я тебѣ не помѣшаю? спросилъ Андрюша.

Князь Владиміръ Андреевичъ оторвался отъ работы, посмотрѣлъ на сына, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, войди... Я люблю, когда ты около меня...

Андрюша вошелъ въ кабинетъ и, какъ всегда, забрался на диванъ въ тотъ уголъ, откуда ему было хорошо видно, какъ папа сидитъ за письменнымъ столомъ и занимается. Сѣлъ онъ съ иллюстрированною книгой Жюля Верна въ рукахъ и задумался. Какой папа красивый, съ такою *широкою бѣлою* бородой... Какое у папы

доброе лицо. Видно, что онъ очень умный... Съ самыхъ праздниковъ папа постоянно работаетъ... Иногда онъ такой невеселый; какъ будто горе случилось съ нимъ... Папа, папа, дорогой папа!

И десятилѣтній Андрюша чувствуетъ, какъ къ его глазамъ откуда-то изъ горла подходятъ слезы. Ему хочется плакать, но только потому, что ему очень хорошо. «Папа, это то счастіе, которое всегда было и всегда будетъ. Когда я былъ совсѣмъ маленькій, думаетъ Андрюша,— папа уже былъ, и совсѣмъ такой, бѣлый, красивый, какъ рисуютъ того добраго старика, который приноситъ елку... Папа мой добрый, потому что далъ его Богъ... Папа меня любитъ, такъ любитъ! А я-то папу люблю! Господи, я хочу умереть, чтобы папѣ было хорошо. Мама тоже добрая, но она иногда сердится и кричитъ. И маму почему-то не жалко, а папу жалко. Смотришь на него, и такъ пріятно сердце болитъ. И пусть болитъ. Это хорошо, пріятно, словно молишься».

Князь Владиміръ Андреевичъ Могиловъ-Стольный продолжалъ быстро водить перомъ по бумагѣ, изрѣдка поглядывая на сына. Каждый разъ, какъ взглядъ его касался Андрюши, особенное чувство овладѣвало имъ. Тепло становилось на душѣ. Передъ собой онъ видѣлъ маленькое хилое существо, которое дороже всего было ему на свѣтѣ. Иногда ему казалось, что вся душа его живетъ въ тѣлѣ сына. Вся радость его жизни была въ Андрюшѣ. И ему, семидесятилѣтнему, счастіемъ было видѣть, что судьба послала ему большую радость на конецъ жизни, такую радость, что все время мучительно боязно ее потерять. Да, десять лѣтъ тому на-

задъ ему было покойнѣе. А теперь онъ безпокоится какъ бѣднякъ, проведшій цѣлую жизнь въ нищетѣ и внезапно получившій милліоны... Постояннно мучимый за свое богатство, боишься его потерять, не смѣешь отойти... Любовь къ сыну живетъ въ его сердцѣ неумолкающимъ вдохновеніемъ. Почему подступаютъ слезы, когда видишь ласковый взглядъ Андрюши? Старику нельзя имѣть маленькихъ дѣтей. Отцу маленькихъ дѣтей нужно молодое сердце, чтобы выдержать ту новую жизнь, которую даютъ дѣти.

— Папа, ты пишешь для службы или для себя? спросилъ Андрюша.

Старикъ улыбнулся и отвѣтилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Для тебя, мой милый... Когда будешь большой, прочитаешь.

И ему стало невыносимо больно при мысли, что, когда Андрюша будетъ читать и перечитывать его записки, можетъ быть лѣтъ черезъ пятнадцать, его-то, нынѣ близкаго къ могилѣ, давно уже не будетъ на свѣтѣ. Не потому сдѣлалось ему тяжело, что онъ боялся смерти, а оттого, что онъ не могъ безъ страданія представить, что сынъ пойдетъ въ жизнь безъ него, будетъ, пожалуй, окруженъ недоброжелательными людьми. Какая еще будетъ жизнь черезъ пятнадцать лѣтъ? До чего дойдутъ къ тому времени разрушители? Что̀ останется святого и что̀ тогда будетъ считаться святымъ? Многое увидѣлъ онъ за семьдесятъ лѣтъ, но, конечно, самое страшное еще впереди.

«Однако, я былъ счастливъ!» подумалъ князь, когда мысль его коснулась прошлаго. «Мнѣ было хорошо».

Андрюша спросилъ:

— Папа, гдѣ ты жилъ, когда былъ маленькій?

Старикъ съ радостью посмотрѣлъ на сына. Сколько разъ замѣчалъ онъ, что ребенокъ точно угадываетъ его мысли. Одна душа, одно сердце.

— Въ Смоленской губерніи, въ деревнѣ, милый.

— Въ Смоленской губерніи... По дорогѣ видно Бородино?

— Да, и мой отецъ, твой дѣдушка, былъ раненъ при Бородинѣ... Мнѣ тогда былъ второй годъ.

Мальчикъ задумался... Бородино, раненый дѣдушка, папа «еще маленькій», все это казалось ему страннымъ. Но онъ не хотѣлъ разспрашивать. Лучше думать и смотрѣть на папу.

Пришли на память князю первые годы его, проведенные въ деревнѣ. Это были свѣтлые годы, какъ бы здоровый фундаментъ дальнѣйшей жизни. Затѣмъ ученіе въ Петербургѣ, здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, подъ наблюденіемъ родителей, періодъ духовнаго укрѣпленія, зарожденія вѣры въ силу добра и правды. Ему было двадцать шесть лѣтъ, когда умеръ шестидесятилѣтній отецъ, черезъ годъ послѣ рожденія брата Васи. Туго развился Вася, потому что получилъ жизнь отъ старика... Господи, неужели и въ Андрюшѣ скажется, что жизнь дана ему старостью!.. Черезъ годъ умерла мать. Ему пришлось замѣнить брату родителей. Кажется, онъ ни въ чемъ себя не можетъ упрекнуть. Прежде всего надо было укрѣпить здоровье Васи. Зима въ Соренто. Зима въ Алжирѣ. Потомъ рядъ образовательныхъ путешествій. Вспомнивъ о нихъ, Владиміръ Андреевичъ не въ первый *разъ подумалъ:* «а не воспользовался ли я этими

поѣздками больше, чѣмъ мой братъ? Когда я женился, Васѣ было десять лѣтъ. Бѣдная Анна, какъ она его любила! Первыя дѣти оба умерли совсѣмъ маленькими, и Анна утѣшалась тѣмъ, что воспитывала Васю. Ксенія родилась тогда, когда Вася былъ уже женатъ и самъ имѣлъ троихъ дѣтей, родилась на восемнадцатомъ году счастливаго супружества. И два года спустя умерла Анна, подаривъ мнѣ двадцать лѣтъ любви, дружбы и радости».

Умерла она, и Владиміру Андреевичу казалось, что ему больше не жить. Слишкомъ велико было горе. А года черезъ три онъ женился вновь, на княжнѣ Гжатской, которая дала ему сына. Почему онъ женился? Боязно было одному воспитывать дочь? Было страшно оставаться одному? Хотѣлось заглушить душевную боль? Всего вѣроятнѣе послѣднее. Что же, жаловаться нельзя. Онъ счастливъ. Но далеко до прежняго. Теперь бодрость дается ему тѣмъ, что его вновь призвали къ дѣятельности. Послѣ смерти Анны онъ оставилъ губернаторскій постъ, удалился на покойную должность, а нынѣ вспомнили о немъ. Когда онъ сказалъ: «я старъ», ему данъ былъ отвѣтъ: «еще министромъ будешь, погоди... силъ въ тебѣ много». Да, конечно, сила еще не ушла. Онъ не боится предстоящей работы. Сегодня въ послѣдній разъ могъ онъ посвятить часъ своимъ запискамъ, закончить воспоминанія о годахъ Севастопольской кампаніи. Отнынѣ свободной минуты не будетъ. И мало осталось минутъ. Успѣетъ ли онъ хоть что-нибудь спасти?..

— Можно войти? раздался за дверью жирный голосъ князя Василія Андреевича.

— Пожалуйста.

Братъ князя Владиміра Андреевича былъ широкоплечій плотный блондинъ съ тягостно-глупымъ выраженіемъ лица. Его свѣтлые глаза на-выкатѣ, медленная рѣчь и угловатыя движенія были смѣшны. Будучи сорока пяти лѣтъ, онъ казался старше, потому что рано облысѣлъ и носилъ очки. Онъ считалъ себя дѣльнымъ и обладалъ порядочнымъ апломбомъ.

— Я къ тебѣ не надолго, сказалъ онъ, входя,— хочу съ тобой потолковать. Надо, наконецъ, потолковать.

Владиміръ Андреевичъ отложилъ перо.

— Отлично.

«О чемъ толковать?» подумалъ онъ. «Бѣдный Вася, такая у него страсть къ разсужденіямъ».

Сѣвъ въ кресло около письменнаго стола, Василій Андреевичъ началъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло. Моя дочь сейчасъ вернулась домой. Она была съ твоею дочерью на твоей казенной квартирѣ и нашла ее совсѣмъ готовою...

— Да, я знаю, я думаю перебраться туда сегодня вечеромъ, а семья переѣдетъ на дняхъ. Это кстати, такъ какъ намъ всѣмъ въ этомъ домѣ становится тѣсно.

Василій Андреевичъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Правда. Но вотъ въ чемъ дѣло: значитъ, ты безповоротно рѣшилъ идти на эту должность?

— Милый, что̀ за вопросъ?.. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я назначенъ. А казенная квартира мнѣ тѣмъ удобна, что находится въ двухъ шагахъ отъ дома министра.

— Въ томъ-то и дѣло... Въ двухъ шагахъ...

Младшій князь Могиловъ-Стольный примолкъ. Видно было, что онъ старается вспомнить, о чемъ собственно ему хотѣлось потолковать. Его братъ смотрѣлъ на него дружелюбно, съ тайнымъ сожалѣніемъ.

— Да, вотъ что. Я нахожу, что эта должность для тебя слишкомъ незначительная... Въ сущности, въ родѣ директора департамента.

— Вася, милый, ты забываешь, что мы уже объ этомъ говорили. Я радъ тому, что возвращаюсь къ работѣ, и для меня дѣло не въ томъ, высока ли ступень, которую мнѣ отводятъ.

— Да, да, объ этомъ былъ разговоръ, спокойно согласился Василій Андреевичъ,—въ сущности, это по твоей части. Я нигдѣ не служилъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: ты не боишься, что тебя убьютъ?

Владиміръ Андреевичъ откинулся на спинку кресла.

— Послушай, сдѣлай мнѣ большое удовольствіе, не говори объ этомъ ни со мной, ни съ кѣмъ бы то ни было. Я терпѣть не могу страховъ за себя. Обстоятельствами послѣдняго времени нѣсколько уравнивается, пожалуй, рискъ гражданской и военной службы. Вотъ и все. Да прибавь къ тому, что ты преувеличиваешь опасность до смѣшного, что должность моя не изъ тѣхъ, которыя обращаютъ на себя вниманіе злоумышленниковъ, и что я, наконецъ, сумѣю въ нужную минуту не потеряться.

Такое обиліе доводовъ нѣсколько утомило Василія Андреевича.

— Въ томъ-то и дѣло, пробормоталъ онъ.

И вдругъ вспомнилъ:

— Да, я хотѣлъ тебя спросить о Мерлонѣ...

Я хочу послать его ко мнѣ въ деревню. Я увѣренъ, что управляющій меня обманываетъ. Надо провѣрить.

— Почему именно Мерлона хочешь ты послать?

— Ну, все-таки, знаешь, его отецъ долго служилъ у тебя управляющимъ, ты облагодѣтельствовалъ всю семью...

— Да, но самъ молодой Мерлонъ человѣкъ сомнительной нравственности.

Съ удивленіемъ посмотрѣлъ Василій Андреевичъ на брата и спросилъ:

— Почему же ты его принимаешь?

— Вотъ именно потому, что его отецъ долго у меня служилъ, честно велъ дѣло и умеръ бѣднякомъ... Однако, Вася, прости. Я очень занятъ.

— Очень занятъ? Въ томъ-то и дѣло. Ухожу, ухожу, я не люблю мѣшать.

Отошедши нѣсколько шаговъ, Василій Андреевичъ вернулся и толстымъ мягкимъ пальцемъ тронулъ брата между плечъ.

— Вотъ сюда, сказалъ онъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ безпокойствомъ.

— Что съ тобой?

— Вотъ сюда могутъ нанести ударъ, сзади... Сзади всегда могутъ ударить.

— Ахъ, ты опять свое... Оставь пожалуйста.

Съ уходомъ брата, князь Владиміръ Андреевичъ снова принялся за работу, углубился въ писаніе и не слышалъ, какъ подошелъ Андрюша.

— Папа.

— Что, дорогой мой?

Мальчикъ широко раскрытыми глазами смо-

трѣлъ на отца. Глубокая, недѣтская тоска была въ его взглядѣ.

«Онъ слышалъ слова Васи, онъ боится за меня!» съ болью въ сердцѣ угадалъ старикъ.

— Чего ты хочешь, милый?

Заговорить о томъ, о чемъ думалъ сынъ, онъ не рѣшался. Надо загладить, надо, чтобы онъ забылъ... Господи! Этотъ проницательный страдальческій взглядъ...

— Что же ты не отвѣчаешь, славный мой...

«Только бы не заплакалъ! Господи. До чего доводятъ ребенка! Какъ глупъ Вася!»

Но Андрюша не заплакалъ. Блѣдный, онъ спросилъ:

— Папа, ты сегодня пойдешь на новую квартиру?

Принявъ беззаботный видъ, отецъ весело проговорилъ:

— Да... меня очень радуетъ мое новоселье. Тамъ очень хорошо. Очень большія комнаты...

— Папа, мнѣ будетъ скучно безъ тебя... Возьми меня съ собой...

Князь не сразу отвѣтилъ. Онъ боялся, что голосъ его дрогнетъ... «Ангелъ мой... я знаю, о чемъ ты думаешь»...

Оправившись, онъ сказалъ:

— Взять тебя? Я согласенъ. Очень хорошо... Видишь, я занятъ... Садись, читай.

— Да, хорошо, я пойду читать. Пиши, папа.

Стараясь скрыть свое волненіе, Владиміръ Андреевичъ придвинулъ къ себѣ рукопись. Вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовавъ, что Андрюша прикрываетъ рученкой какъ разъ то мѣсто на его спинѣ, котораго коснулся мясистый палецъ Василія.

Быстрымъ движеніемъ старикъ повернулся въ креслѣ, схватилъ сына, посадилъ его къ себѣ на колѣна и тѣсно, тѣсно прижалъ къ груди. Онъ ощущалъ горячіе торопливые поцѣлуи мальчика, его нервное объятіе. Ему одновременно хотѣлось плакать, радоваться и благодарить, какъ во время вдохновенной молитвы. Быть старикомъ и любить своего маленькаго ребенка, который готовъ отдать тебѣ свою молодую жизнь, и которому ты можешь отдать только послѣдніе свои дни, это мучительное счастіе.

Андрюша шепталъ:

— Мой дорогой папа, мой милый папа... Я буду молиться Богу.

IV.

— Все это прекрасно, сказалъ Парменъ Владиміровичъ Рыбовскій, откинувъ голову назадъ и принявъ ораторскую позу передъ своимъ письменнымъ столомъ,—я нисколько не отрицаю, что въ лицѣ Достоевскаго русское общество чествуетъ великаго писателя. Но, позвольте, одного ли писателя оно чествовало, одному ли ему поклонялось, когда, напримѣръ, вчера запрудило толпой весь Кузнечный переулокъ и Владимірскую площадь? Не изливало ли оно свое стремленіе къ протесту противъ отжившихъ порядковъ, въ силу которыхъ иные склонны цѣнить человѣка по соображенію его чиновъ и внѣшнихъ отличій? Не хотѣло ли оно подчеркнуть, что мы вступили въ дни торжества мысли, господства идеи, тріумфа общечеловѣческихъ началъ? Изъ принесенныхъ шестидесяти четырехъ вѣнковъ болѣе половины, *навѣрно, были* преподнесены тому, который испы-

талъ ужасы мертваго дома, пострадалъ и страданіе свое подарилъ человѣчеству, говоря: «поучайся»...

Слушателей у него было двое. По другую сторону письменнаго стола сидѣла жена его, Василиса Антоновна, а поодаль въ темномъ углу молодой князь Николай Васильевичъ Могиловъ-Стольный, стройный въ мундирѣ вольноопредѣляющагося одного изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ.

— Мнѣ тридцать лѣтъ, продолжалъ Парменъ Владиміровичъ,— и на моихъ глазахъ совершилась великая эволюція. Абстрактное одержало верхъ надъ конкретнымъ, выработались формы общественнаго духа, общество приняло обликъ опредѣленнаго организма, здравыя понятія расчистили себѣ почву. Отживающее судорожно бьется и, чѣмъ рѣзче отстаиваетъ оно свое право на существованіе, тѣмъ яснѣе становится, что день ото дня оно дѣлается все безсильнѣе и безличнѣе. Общество пріобрѣтаетъ мощь и порабощаетъ все своимъ идеаламъ, даже литературу. Мы отошли отъ барскаго отношенія къ ней, мы болѣе не требуемъ искусства, праздно услаждающаго пѣснопѣнія. Намъ нужна безжалостная правда, ведущая за собой правду. Мы хотимъ, чтобы насъ вдохновляли на житейскіе подвиги, а не на мечтаніе въ гамакѣ.

Въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго онъ часто говорилъ въ судѣ гладкія и безсодержательныя рѣчи. Это развило въ немъ склонность къ произнесенію многочисленныхъ фразъ по каждому поводу. Наружность у него тоже была какая-то безсодержательная, точно самъ по себѣ онъ не имѣлъ *значенія*, а только былъ на кого-то

похожъ, кому-то подражалъ, къ кому-то приноравливался. Не то блондинъ, не то брюнетъ, съ неуловимымъ и перемѣнчивымъ выраженіемъ лица, Парменъ Рыбовскій былъ словно созданъ для того, чтобы примѣняться къ окружающему.

— А мнѣ дѣла нѣтъ до вашей политики, грубовато отрѣзалъ молодой князь,—для меня Достоевскій прежде всего великій писатель, и я думаю, что для самого себя онъ былъ болѣе всего писатель, художникъ, мыслитель... И ему теперь должно быть очень противно, что его пріурочиваютъ къ тенденціямъ.

Угрюмый, онъ сердито тряхнулъ головою. Его коротко остриженные рыжіе волосы придавали ему злобный видъ. И все-таки онъ былъ красивъ. Въ особенности находила это Василиса Антоновна, которая не сводила съ него томнаго взгляда голубыхъ глазъ. Она была хорошенькая блондинка лѣтъ двадцати восьми, задорно-курносая.

— Потому что въ васъ говоритъ барство, возразилъ адвокатъ,—погодите, молодой человѣкъ, оно съ васъ сойдетъ. Нельзя отставать отъ вѣка.

— По вашему барство, а по моему здравый смыслъ.

— Юноша, на княжествѣ нынѣ далеко не уѣдете.

Николай пожалъ плечами.

— И что̀ за пошлости вы говорите!

Наступило очень неловкое молчаніе. Видно было, что Парменъ Владиміровичъ оскорбился и что онъ хочетъ это скрыть. А Николай покраснѣлъ, съ жесткимъ выраженіемъ темныхъ глазъ. *Испуганная*, Василиса Антоновна смотрѣла то на

мужа, то на гостя. У нея было совсѣмъ гадко на душѣ.

— Какая вамъ всегда охота ссориться! проговорила она, стараясь придать своему голосу дѣтскую игривость.

Рыбовскій улыбнулся.

— И то правда. Мы съ княземъ постоянно сцѣпляемся. Это по дружбѣ. Вчера, напримѣръ, изъ-за того, что я не одобрилъ Текинской экспедиціи...

— Вы сказали, что это преторіанская затѣя! вспылилъ Могиловъ-Стольный и внезапно примолкъ, остановленный умоляющимъ взглядомъ Василисы Антоновны.

Ея мужъ замѣтилъ этотъ взглядъ и, повидимому, успокоился окончательно.

— Мнѣ пора ѣхать, объявилъ онъ, посмотрѣвъ на часы.

Жена спросила:

— Засѣданіе по конкурсу?

— Да. А оттуда я проѣду прямо обѣдать... Нашъ гимназическій обѣдъ у Бореля. Человѣкъ пять, не больше...

Желая принять участіе въ разговорѣ, Николай повторилъ:

— Человѣкъ пять, не больше? Тѣ, съ которыми вы были въ гимназіи? Каждый годъ собираетесь?

— Нѣтъ, мы завели это теперь... Поводъ къ обмѣну мыслей. Современное настроеніе этого требуетъ...

Онъ обратился къ женѣ:

— Я вернусь поздно. Сегодня бенефисъ Ваземъ, и мнѣ нельзя тамъ не быть...

— Поэтому ты въ новомъ фракѣ...

— Да, поэтому... До свиданія, князь... Надѣюсь, мы попрежнему друзья.

Молча, Николай кивнулъ. Василиса Антоновна встала, проводила мужа до прихожей. Могиловъ-Стольный угрюмо посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Пренепріятный у этого мальчика характеръ, вполголоса сказалъ женѣ Парменъ Владиміровичъ,—не понимаю, зачѣмъ онъ у насъ постоянно торчитъ.

Она ничего не отвѣтила, точно ждала дальнѣйшихъ словъ. Лицо ея было немного блѣдно. Мужъ ея продолжалъ.

— Впрочемъ, я самъ очень нервенъ... Денегъ нѣтъ, а послѣзавтра платить по векселю триста рублей. Ну, до свиданія, возвращайся къ гостю.

Проводивъ мужа, Василиса Антоновна вернулась въ кабинетъ.

— Ахъ, ты мой звѣреночекъ славный томно проговорила она, цѣлуя Николая,—ты такой красивый, когда сердишься. Я такъ тебя люблю.

Николай пересталъ быть мрачнымъ. Энергія и молодость вызывали въ немъ страсть. Съ женою Рыбовскаго сошелся онъ потому, что, хорошенькая, она этого захотѣла. И ему въ голову даже не приходило задуматься надъ тѣмъ, можно ли назвать его чувство любовью. Осторожности въ немъ не было никакой. Узнаетъ Рыбовскій... ну, такъ что же. На то и изобрѣтена дуэль.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и кашель.

— Это сестра, спокойно сказала Василиса Антоновна и отошла отъ Николая, а онъ повернулся къ стѣнѣ, съ большимъ вниманіемъ уставился въ плохенькую гравюру. Снова послышался кашель.

— Оля, это ты? Иди же сюда! весело позвала Рыбовская.

«Нарочно кашляла, чтобы не застать врасплохъ»! съ непріятнымъ чувствомъ подумалъ Николай. «Вотъ это и противно, что приходится ломаться».

Въ кабинетъ вошла недурненькая брюнетка лѣтъ двадцати, Ольга Антоновна Аносьева. Года полтора уже жила она у сестры, послѣ того какъ мужъ на третьемъ мѣсяцѣ супружества ее бросилъ. И она не сдѣлала драмы изъ этого обстоятельства. Ей было все равно. Бросилъ, такъ бросилъ. Жить свободно даже очень хорошо. Во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ обманывать мужа, находила она, относясь, однако, съ большимъ снисхожденіемъ къ поведенію сестры. Надо жить такъ, чтобы ни о чемъ не думалось.

Въ газетахъ она часто читала имя мужа. Онъ произносилъ красивыя рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ, популярничалъ, шумѣлъ. Вовсе не сердило ея, что успѣхъ идетъ къ человѣку, котораго она считаетъ развратнымъ и даже нечестнымъ.

— А, нашъ милый князь здѣсь! притворно удивилась она,—вотъ весело... вы у насъ обѣдаете?

— Сегодня воскресенье. Вся семья у дяди, мрачно отвѣтилъ Николай.

Ольга Антоновна пожалѣла.

— Какая досада... Парменъ сегодня кутитъ. Мы однѣ. Хоть бы зашелъ неистовый Илліодоръ... Онъ вѣдь только вечеромъ уѣзжаетъ за границу, съ какимъ-то черепашьимъ поѣздомъ.

— Да вѣдь онъ уже простился, напомнила сестра.

— Вѣрно. *Какъ это* глупо! Васинька, знаешь, *будемъ сегодня съ* горя пить шампанское.

— Простите, мнѣ пора, сказалъ Николай.

Его хотѣли удержать, но онъ не уступилъ.

— Мнѣ пора, повторилъ онъ суровымъ голосомъ.

— Что-жъ, Васинька, провожай гостя. А мнѣ лѣнь! разсмѣялась Ольга Антоновна.

Ей самой очень нравилось, что она такъ мило покровительствуетъ сестрѣ.

По дорогѣ въ прихожую, въ гостиной, Василиса Антоновна крѣпко поцѣловала Николая. Искренно вырвалось у нея:

— Мнѣ такъ скучно, когда тебя нѣтъ.

И тутъ вспомнила.

— Коля, мнѣ нужно денегъ... Я тебѣ прямо говорю, мнѣ нужно денегъ.

Не въ первый разъ обращалась она къ нему съ такими словами, и онъ, получавшій безъ счета сторублевки отъ богатаго отца, считалъ подобныя просьбы вполнѣ естественными. Его грубая натура не давала ему возможности видѣть тутъ что-либо неудобное. Онъ просто спросилъ:

— Сколько?

— Триста рублей.

Василисѣ Антоновнѣ тоже легко было у него просить. Это положительно усугубляло для нея впечатлѣніе хорошихъ отношеній.

Николай досталъ изъ бокового кармана бумажникъ, отсчиталъ триста рублей и сказалъ:

— Я приду завтра, часа въ три, прямо съ ученья. Черезъ мѣсяцъ я покончу съ повинностью, тогда будетъ удобнѣе.

Простившись съ нимъ и возвращаясь въ кабинетъ къ сестрѣ, Рыбовская съ удовольствіемъ думала о томъ, что мужъ ея даже не спроситъ,

откуда деньги. И почему это люди воображаютъ, что все сложно, когда все такъ просто? La société actuelle devient logique, рѣшила она.

V.

Княгиня Лидія Ивановна лѣниво слушала разсказъ своей падчерицы о томъ, какъ ей понравилась казенная квартира князя Владиміра Андреевича. Много комнатъ? Большія? Ну, и слава Богу. Въ сущности, на что̀ имѣть милліоны, если живешь въ тѣснотѣ. Конечно въ тѣснотѣ. Beau frère Basile со своими тремя рыжиками и съ отвратительною Глафирой занялъ бо̀льшую половину дома. Woldémar говоритъ, что это родовое гнѣздо. Именно гнѣздо. Есть гдѣ сидѣть и спать, а разойтись негдѣ.

Вообще, княгиня была склонна къ тому, чтобы постоянно чувствовать себя недовольною. Это даже вошло у нея въ привычку. Она упрекала себя въ томъ, что вышла за старика. Нечего передъ самой собою скрывать, ей было пріятно стать женою одного изъ самыхъ богатыхъ людей въ Петербургѣ. Но, право, за двѣнадцать лѣтъ супружества она ни раза не ощутила себя богатою. Мало того, ici tout est mesquin. Семья Василія придаетъ дурной тонъ. И скучно, скучно, скучно.

Небрежно, она произносила:

— Что жъ, я очень рада... Мнѣ лѣнь было самой заглянуть... Я не люблю пустыя квартиры. Поскорѣе бы переѣхать.

Голосъ, движенія, взглядъ, все въ ней указывало на то, что лѣнь — коренная черта ея характера. Свѣтлая блондинка съ большими сѣ-

рими глазами, она постоянно казалась сонною. Впрочемъ, это къ ней шло, какъ-то соотвѣтствовало ея классической красотѣ. Въ тридцать лѣтъ, имѣя десятилѣтняго сына, она такъ сохранилась, что казалась всего на годъ или на два старше Ксеніи. По цѣлымъ днямъ лежала она на кушеткѣ, читала романы и мечтала. И такъ какъ мечты составляли ея тайну, то она считала возможнымъ сотрѣвать ихъ около мысли о томъ, что выдуетъ и выйдетъ замужъ за молодого человѣка. За послѣднее время, однако, она стала заглядываться на одного изъ тенора итальянской оперы. Она себя считала порядочною женщиною и сожалѣла о томъ, что ее окружаютъ непріятные люди.

— Я такъ рада! Мама, я такъ рада! заключила свой разсказъ Ксенія. — Въ большой залѣ такъ хорошо будетъ танцовать.

Лидія Ивановна посмотрѣла на нее съ неудовольствіемъ. Она не любила чужой радости и вообще не понимала, какъ могутъ другіе быть веселыми, когда ей самой такъ скучно. Ей казалось, что жизнерадостность Ксеніи служитъ вѣчнымъ упрекомъ: «вотъ, ты тоскуешь, потому что ты у насъ чужая». Ну, разумѣется, вторая жена всегда чужая въ семьѣ...

Она пожала плечами.

— А я рада тому, что ты найдешь изъ-подъ опіки Сони. Elle est très mal élevée... Что за манера называть тебя Сонечкой... Sonia c'est un nom d'homme... Siméon... Такъ зовутъ нашего истопника.

Веселое настроеніе Ксеніи погасло. Ея душѣ нужны были радостныя впечатлѣнія. Всякое немного суровое слово вливало въ ней такое чувство, точно она одинока, безпомощна.

— Соня меня любитъ, упавшимъ голосомъ произнесла она, съ большимъ желаніемъ уйти. Но уйти сразу было нельзя. Можетъ показаться, что она разсердилась. Господи! Развѣ она когда-нибудь сердится! Хоть бы кто-нибудь пришелъ... По воскресеньямъ maman никого днемъ не принимаетъ, считая, что надо избѣгать tout ce qui ressemble à une façon de s'endimancher.

Вошелъ Андрюша.

— Мама, я сегодня пойду ночевать на папину квартиру, папа позволилъ, чтобы я пошелъ съ нимъ.

«Вотъ, и этотъ чужой!» подумала Лидія Ивановна. «Et pourtant c'est moi qui l'ai mis au monde... О, какъ здѣсь скучно».

Сыну она ничего не отвѣтила, покрыла его тяжелымъ равнодушнымъ взглядомъ.

Онъ притихъ, потоптался на мѣстѣ и вышелъ.

«Такъ жить невозможно!» рѣшила княгиня. «Даже Андрюшу у меня отняли. Мнѣ иногда кажется, что онъ родился отъ той, отъ первой. Онъ меня любитъ. О, да, я знаю, всѣ любятъ меня... мужъ, Ксенія, Basile et son infecte sage-femme... Но у всѣхъ на лицѣ такъ и написано: «Видишь, какіе мы добрые... Мы тебя любимъ, а ты насъ нѣтъ»... А развѣ я имъ дѣлаю непріятности? Кажется, я никого не трогаю и только прошу, чтобы меня оставили въ покоѣ».

Тутъ она замѣтила, что осталась одна. Такъ лучше. Ксенія скучнѣе всѣхъ. Хоть бы полчаса никто не приходилъ.

Вдругъ она услышала голосъ своей сестры и нахмурилась, но затѣмъ заставила себя улыбнуться, привстала и быстро придвинула къ себѣ книжку *русскаго* журнала.

— Здравствуй, Зина, какъ я рада тебя видѣть.

Почти заискивающе звучалъ голосъ княгини. Взглядъ у нея сдѣлался по-дѣтски ласковый. Сразу видно было, что она боится своей сестры.

Зинаида Ивановна Кормакова была старше ея на десять лѣтъ. Овдовѣвъ на двадцать второмъ году, она вела строгій образъ жизни и обращала на благотворительность бо̀льшую часть крупныхъ доходовъ отъ капитала, доставшагося ей послѣ смерти мужа. У нея было очень доброе лицо, и она вовсе не походила на Лидію Ивановну, которой очень было непріятно, что у ея сестры обликъ степенной московской купчихи.

— Здравствуй, сказала Кормакова,—я сегодня пріѣхала пораньше, чтобы до обѣда переговорить. Вѣрочку мы пошлемъ къ рыжикамъ. Вѣрочка, иди же.

Двадцатилѣтняя Вѣрочка, дочь Зинаиды Ивановны, порхающею походкой вошла въ комнату. Это была очень миловидная брюнетка съ замѣчательно большими черными глазами. Наивно радостная улыбка не сходила съ ея лица. Съ перваго же взгляда не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что она глупенькая, но въ этомъ и состояла причина ея большого успѣха въ свѣтѣ. Уже четыре раза пришлось отказать въ ея рукѣ неподходящимъ искателямъ, въ то время какъ ни Ксенія, ни Соня еще не вызвали опредѣленныхъ домогательствъ.

— Cette charmante Véra! любовно произнесла Лидія Ивановна и горячо поцѣловала племянницу, думая съ безпокойствомъ: «О чемъ Зинѣ надо со мною говорить?»

Вѣра маленькимъ ребенкомъ повисла на шеѣ

тетки и съ милою дѣтскою улыбкой сѣла на стулъ.

— Пойди къ рыжикамъ и къ Ксеничкѣ, сказала ей мать.

Рыжиками называли въ семьѣ дѣтей князя Василія Андреевича.

— Маменька, нельзя ли мнѣ остаться, я не помѣшаю, попросила было Вѣра, но строгій взглядъ матери заставилъ ее повиноваться. Она встала съ очаровательно-покорнымъ видомъ, улыбнулась тетѣ и мамѣ и пошла. Внезапно, едва только она отвернулась, лицо ея стало злымъ, оставаясь глупымъ. Притворяя за собой дверь, она снова улыбнулась въ сторону тетиной комнаты.

— Une charmante enfant, заискивающе проговорила княгиня.

— Она не умна и слишкомъ любопытна, но послушна, сказала Зинаида Ивановна.—Но воспользуемся тѣмъ, что мы одни, чтобы потолковать.

Лидія Ивановна безпомощно вздохнула.

— Хорошо. Что̀ случилось?

Ей всегда было тяжело съ сестрой, словно та ее угнетала. Въ каждомъ разговорѣ съ Зинаидой Ивановной ей слышался какъ бы отголосокъ прежнихъ выговоровъ. Она сама понимала, что это безсмысленно. Слава Богу, она теперь самостоятельна. Старшихъ для нея нѣтъ. А все-таки она не можетъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства.

«Того и гляди Зина опять начнетъ упрекать за то, что я ничего не дѣлаю, не вожусь съ дѣтьми».

— Вчера былъ у меня докторъ Морнигъ, на-

чала Кормакова, — онъ очень недоволенъ здоровьемъ твоего мужа.

Княгиня почувствовала большое облегченіе. Совсѣмъ другого ожидала она.

— Да, онъ лѣчитъ Владиміра, сказала она и приготовилась слушать. Говоря съ сестрой, она мужа не называла Woldémar.

— Я его пригласила изъ-за своего ревматизма и разговорилась съ нимъ о Владимірѣ Андреевичѣ... И знаешь, что̀ онъ мнѣ объявилъ?

«Откуда мнѣ знать!» подумала Лидія Ивановна и придала своему красивому лицу вопросительное выраженіе.

— Онъ мнѣ объявилъ, что твой мужъ не долженъ заниматься, иначе съ нимъ будетъ ударъ. Морнигъ такъ и выразился: «Его назначеніе равносильно смертному приговору»... Понимаешь, всякое напряженіе можетъ вызвать разрывъ сосудовъ, а ты сама знаешь, что Владиміръ Андреевичъ себя жалѣть не станетъ. Оказывается, Морнигъ его предупреждалъ, но онъ и не сталъ слушать.

«Veuve à trente ans!» мелькнуло въ умѣ княгини. И она поспѣшила сказать:

— Что̀ же я могу сдѣлать?

— Уговори его подать въ отставку...

Лидія Ивановна даже рукою замахала.

— Что̀ ты! Если Морнигъ не могъ, какъ же я могу. Ты хочешь, чтобы я начинала непріятные разговоры.

— Lydie, ma chère, tu es une sotte.

Не любила Зинаида Ивановна говорить по-французски, но прибѣгала къ этому языку каждый разъ, когда ей нужно было выбранить *сестру.*

— Непріятные разговоры! Что̀ за отношеніе! А есло онъ умретъ или съ нимъ сдѣлается параличъ? Разумѣется, нельзя говорить то, что говорилъ Морнигъ. Онъ же ему отвѣтилъ, что радъ отдать жизнь за исполненіе долга. Но укажи хоть ему, что онъ, все равно, долго не продержится, что онъ напрасно хочетъ всѣмъ противорѣчить...

Замѣтивъ скучающій и безмысленный взглядъ сестры, Кормакова круто перемѣнила тонъ:

— И глупа же я! Нашла съ кѣмъ говорить! У тебя камешекъ вмѣсто сердца. Я помнила только одно, что ты его жена, а ближе жены человѣка нѣтъ. Не могу же я соваться. Я для него посторонняя. Василій Андреевичъ слишкомъ глупъ. Съ Глафирой Николаевной у него не ладится.

Тутъ Лидія Ивановна оживилась.

— Глафира Николаевна! Я надѣюсь, что ты къ ней и не обратилась бы. Эта бывшая акушерка позоритъ нашу семью...

Кормакова перебила:

— У нея рѣзкія манеры, странные взгляды, но она хорошій человѣкъ и любитъ своихъ дѣтей.

— Это рѣчь идетъ обо мнѣ? Портретъ настоящій! раздался крикливый насмѣшливый голосъ.

Вошла въ комнату княгиня Глафира Николаевна Могилова-Стольная, жена князя Василія Андреевича, рыжая женщина лѣтъ сорока трехъ. Она производила впечатлѣніе не просто некрасивой, а сильно подурнѣвшей. Видно было, что она когда-то была хороша. На нее очень походила ея хорошенькая дочь Соня. Тѣ же

черты были у матери, съ придаткомъ чего-то, нарушающаго ласковую гармонію. И княгинѣ Глафирѣ Николаевнѣ значительно вредили ея ухватки, грубость которыхъ она сама любила подчеркивать.

— А? Про меня говорите?

Съ добродушно-насмѣшливою улыбкой она остановилась на порогѣ.

Обѣ сестры ей одновременно сказали:

— Здравствуйте.

При этомъ Кормакова смотрѣла на нее съ удовольствіемъ, а Лидія Ивановна натянуто улыбалась.

— Мнѣ сказали, что Зинаида Ивановна здѣсь, я и пришла поздороваться. И кстати, кажется, вошла. Итакъ, княгиня Лидія Ивановна, вы находите, что я позорю семью?

Она сѣла на стулъ, закинула ногу на ногу и закурила папиросу.

Ея невѣстка съ видомъ мученицы возвела взглядъ къ потолку. На ея лицѣ было написано: «нѣтъ конца моимъ страданіямъ».

— Ну, охота вамъ начинать объясненія, примирительнымъ тономъ произнесла Зинаида Ивановна.

Глафира Николаевна засмѣялась.

— Да вѣдь это происходитъ каждый день. Лидія Ивановна хочетъ мнѣ внушить, что я чужая въ домѣ. Довольно странно. Я вошла въ этотъ домъ на одиннадцать лѣтъ раньше, чѣмъ она, и вошла по той же причинѣ: потому что была хорошенькая. И дѣти мои, всѣ трое, явились здѣсь раньше нежели Лидія Ивановна. Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что я была не княжна, а акушерка. *Но вѣдь я* перестала быть акушеркою,

такъ же какъ Лидія Ивановна перестала быть княжною. Я сама дала міру двухъ князей и одну княжну. Вы совершенно справедливо сказали, Зинаида Ивановна, я хорошій человѣкъ и люблю своихъ дѣтей. Лучшаго отзыва и желать нельзя. Я воспитала своихъ дѣтей какъ могла. Могло быть хуже. Очень непріятно Лидіи Ивановнѣ, что я курю папиросы? Господи, да я вѣроятно и не курила бы, если бы въ тѣ годы, когда стала нуждаться въ дурманѣ, могла вмѣсто папиросъ покупать французскіе романы. Князь Владиміръ Андреевичъ больше насъ всѣхъ князь, а однако все мнѣ прощаетъ и выноситъ меня. А вотъ почему моя дорогая невѣстка притворяется, что читаетъ «Историческій Вѣстникъ», которымъ она только прикрываетъ томикъ «La curée?»...

Княгиня Лидія Ивановна заплакала.

VI.

— Сегодня я пойду на воскресный обѣдъ къ Могиловымъ-Стольнымъ, робко произнесъ Хрустовъ, Сергѣй Виссаріоновичъ, и посмотрѣлъ на жену, чтобы разглядѣть, какъ она отнесется къ его словамъ.

Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ такой же нерѣшительный и боязливый какъ въ тѣ годы, когда старшіе имѣли право ставить его въ уголъ. Больше всѣхъ боялся онъ жены, можетъ быть потому, что она, благодаря своимъ связямъ, помогла ему достигнуть довольно порядочнаго служебнаго положенія.

— Къ Могиловымъ-Стольнымъ, повторилъ онъ, въ упованіи на отвѣтъ. Его худощавое блѣдное лицо съ отвислыми сѣдыми усами и жидкою

бородкой приняло тревожное выраженіе. Онъ зналъ, что, когда Антонида Павловна молчитъ, это очень дурной признакъ.

А она, только передъ тѣмъ войдя въ кабинетъ, имѣла видъ строгій. Во дни молодости она была очень хороша, обладая чарами цыганскаго типа, не теперь, на сорокъ восьмомъ году, наружность у нея была зловѣщая, приблизительно такая, какая бываетъ у оперныхъ волшебницъ.

— Посмотри, что̀ я нашла въ письменномъ столѣ нашего Вани,—дрожащимъ отъ злости голосомъ проговорила она и дала мужу нѣсколько листковъ бумаги, испещренныхъ печатнымъ шрифтомъ.

— Господи! съ испугомъ пробормоталъ Сергѣй Виссаріоновичъ. Испугался онъ собственно на̀ вѣру, чтобы доставить удовольствіе женѣ, еще не взглянувъ на листки, но, едва его взглядъ ихъ коснулся, онъ пришелъ въ ужасъ. — О! И нѣсколько экземпляровъ!

Антонида Павловна пожала плечами.

— Будь одинъ экземпляръ, я бы не обратила вниманія. Мало ли къ кому попадаютъ прокламаціи. Сунетъ тебѣ кто-нибудь, и дѣло съ концомъ. А тутъ ихъ девять штукъ. Значитъ, Ваня взялъ ихъ для раздачи... Онъ хочетъ насъ погубить...

— Можетъ быть случайно, попытался было объяснить Хрустовъ.

Жена перебила:

— Нѣтъ глупости, которую бы ты не сказалъ! Точно тебѣ не извѣстны его идеи... Но мы не обращали вниманія, потому что мало ли кто такія вещи говоритъ... Celà ne tire pas à conséquence... Но это уже не идея, a noir sur blanc... Это уже

неосторожность... Обыскъ всегда возможенъ... Ты знаешь, что я рѣшительно не интересуюсь никакими убѣжденіями. Пусть всякій хочетъ, чего онъ хочетъ. И какое намъ дѣло до того, кто правъ! Лишь бы самимъ жилось. Я знаю, напримѣръ, что Ваня думаетъ одно, а Алексъ совсѣмъ другое. Лишь бы намъ жилось. Но вѣдь здѣсь не судьба Россіи, а мое спокойствіе, которое никто не имѣетъ права нарушать.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ младшій сынъ Хрустовыхъ, Александръ, входя въ кабинетъ.

Это былъ двадцатидвухлѣтній черноглазый блондинъ, красивый, стройный. Онъ вовсе не былъ похожъ на своихъ родителей.

Взволнованная, мать ему объяснила:

— Я нашла прокламаціи въ столѣ твоего брата. Онъ съ ними, навѣрно, шляется по учащейся молодежи. Алексъ, онъ насъ погубитъ.

Алексъ брезгливо улыбнулся.

— Ну, погубитъ ли онъ васъ, это неизвѣстно, а что вы его погубили, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ могъ быть порядочнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ я не вижу основаній скрывать, что мой родной братъ проходимецъ.

Сергѣй Виссаріоновичъ слушалъ и мучился.

— Я его погубила! вскрикнула Антонида Павловна.

— Да, вы. Вамъ нравилось, что онъ болтаетъ, и онъ доболтался до чепухи. Что же касается до учащейся молодежи, то настоящая учащаяся молодежь учится, и тѣ на нее клевещутъ, которые изображаютъ ее какою-то организаціей сплошной преступности. У насъ отпустилъ волосы, накинулъ на плечи пледъ, вотъ и студентъ. Молодежь иногда вѣритъ лжи, но любитъ

только правду. Дайте мнѣ эти подлыя бумажки, я ихъ обезврежу.

Онъ выхватилъ листки изъ рукъ отца и бросилъ ихъ въ каминъ.

— Пусть горятъ. Славно. Нѣтъ ли еще чего?

— Ma foi, celà vaut mieux, сказала Антонида Павловна, немного успокоенная, но тотчасъ же вновь разстроилась.—Алексъ, я тебѣ запрещаю такъ говорить со мной. Я тебѣ мать.

— И ты молчишь! накинулась она на мужа.— Ты возмутительно ничтоженъ.

— Да, вы мнѣ мать, спокойно произнесъ Алексъ,—и вы не должны при мнѣ бранить моего отца.

— Я дѣлаю, что̀ я хочу, а ты долженъ молчать. Молчи.

Набравшись храбрости, Сергѣй Виссаріоновичъ тоже крикнулъ:

— Молчи!

Кивнувъ въ сторону двери, Алексъ сказалъ:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы мы всѣ молчали, когда къ нашей бесѣдѣ прислушивается моя родная сестра!

На порогѣ стояла Катя, дочь Хрустовыхъ. Равнодушная къ происходившей сценѣ, она обратилась къ матери:

— Voilà mon costume, maman... on vient de l'apporter...

На ней красовался условный нарядъ неаполитанской рыбачки, чрезмѣрно балетный и легкій. Онъ очень къ ней шелъ, хотя она и была бѣлокура.

— Да, для костюмированнаго бала! вспомнила Антонида Павловна.

Алексъ замѣтилъ:

— Мерзость порядочная. Катя почти не одѣта. Можете быть увѣрены, что такимъ путемъ добываются не женихи, а одно безобразіе.

И вышелъ.

У Кати отъ злости показались слезы на глазахъ, а Хрустова крикнула ему вслѣдъ:

— Ты горе нашей семьи.

— Сегодня я пойду на воскресный обѣдъ къ Могиловымъ-Стольнымъ, пробормоталъ Сергѣй Виссаріоновичъ. Жена опять не слышала. Она взяла подъ руку свою дочь и увела ее.

«Вотъ и не пойду къ князю Владиміру Андреевичу», съ тоской подумалъ онъ.

VII.

У рыжиковъ собралось большое общество. На диванѣ сидѣли Соня, Ксенія и Вѣрочка Кормакова. Поодаль, верхомъ на стулѣ, покачивался старшій сынъ князя Василія, недавно отпраздновавшій свое совершеннолѣтіе Володя, такой же рыжій какъ его братъ, и нескладною фигурой очень похожій на отца, отъ котораго онъ унаслѣдовалъ и глаза навыкатѣ, съ туманнымъ выраженіемъ. Плоскогрудый, прихрамывающій, онъ по окончаніи курса въ училищѣ избавился отъ отбыванія воинской повинности и теперь числился по одному изъ министерствъ. Онъ бесѣдовалъ, покачиваясь, съ Мерлономъ и съ братомъ своей матери, Константиномъ Николаевичемъ Нефедовымъ. Николай угрюмо сидѣлъ въ углу, съ выраженіемъ тупой враждебности ко всѣмъ на блѣдномъ лицѣ.

— Чѣмъ лучше, тѣмъ хуже, говорилъ Воло-

дя,—я поэтому и недоволенъ назначеніемъ дяди. Больно онъ симпатичный человѣкъ и сумѣетъ вызвать сочувствіе тамъ, гдѣ его не нужно. О! какъ мнѣ все надоѣло. Хоть бы что нибудь случилось. У насъ на Руси нѣтъ дѣятельности, некуда ее примѣнить. Я говорю: дайте намъ возможность развернуться. Такъ жить нельзя. И въ этомъ домѣ я долженъ молчать.

— Видите ли, князь, вкрадчиво произнесъ Мерлонъ,—ничто не дѣлается сразу. Поторопиться—значитъ все погубить. Вы не станете отрицать, что эволюція происходитъ несомнѣнная, шагъ за шагомъ, и даже двадцать такихъ личностей какъ князь Владиміръ Андреевичъ ея не остановятъ.

Нефедовъ захохоталъ.

— Философія! Эволюція, скажите пожалуйста. Если бы время, которое мы переживаемъ, могло заговорить, оно бы сказало: «Голубчики мои, чего только вы мнѣ не навязываете своимъ глубокомысліемъ»! Надо смотрѣть на вещи просто.

Онъ былъ видный мужчина лѣтъ тридцати пяти. Воспитался онъ на средства князя Василія Андреевича, прослужилъ года три въ армейскомъ кавалерійскомъ полку, а затѣмъ сталъ вести въ Петербургѣ праздный образъ жизни. О немъ говорили, что онъ много выигрываетъ въ карты.

Володя посмотрѣлъ на него съ озлобленіемъ.

— Еще бы, вамъ на все наплевать...

— Люди индиферентные очень полезны, замѣтилъ Мерлонъ, — они составляютъ буферъ между....

Договорить ему не пришлось, потому что его позвала Соня.

— Степанъ Николаевичъ, развѣ вы не съ *Иваномъ* Сергѣевичемъ пришли?

— Да, съ нимъ. Онъ зашелъ къ князю Владиміру Андреевичу...

«Что̀, интересуешься?» подумалъ онъ. «Жаль. Ты интереснѣе Ксеніи. Я бы тебя предпочелъ. Но Ксенія тоже полезна. Если бы удалось... Мерлоны не плебеи. А денегъ-то за обѣими, денегъ-то»!

Ксенія продолжала споръ.

— Обойдемся и безъ Ивана Сергѣевича. Соня хочетъ, чтобы онъ ее поддержалъ, а онъ всегда становится невѣжливъ, когда съ нимъ не соглашаются. Я говорю, что каждый имѣетъ свою гордость. Видишь, Соня, если твоя Иванова гордится тѣмъ, что ея отецъ былъ хорошимъ докторомъ, то я вполнѣ это понимаю. Но почему она не понимаетъ, что я, княжна Могилова-Стольная, могу гордиться тѣмъ, что мой дѣдъ былъ раненъ при Бородинѣ, когда одинъ отбивалъ пушку у трехъ французовъ, что отецъ его при Павлѣ спасъ многихъ отъ бѣды и что Могиловы-Стольные всегда отличались доблестью и благотворительностью. Почему это ее сердитъ?

— Неправда, сказала Соня, — это ее не сердитъ, но только смѣшитъ... Она говоритъ, что, можетъ быть, ея прадѣды тоже сдѣлали много хорошаго, но только никто этого не знаетъ, потому что они были мужики. А по твоему мужики, конечно, не люди, и благотворительность у нихъ не процвѣтаетъ, потому что они сами въ ней нуждаются...

Засмѣялась Ксенія.

— Вотъ ты и разсердилась! Удивительно какъ теперь всѣ легко сердятся. Я вотъ ни на кого не сержусь.

— Я тоже, съ улыбкой хорошенькой куклы проговорила *Вѣрочка.*

— Мы сердимся, потому что все ненормально! раздражительнымъ голосомъ произнесла Соня.— Я чувствую, какъ меня душатъ старьемъ. Я не могу довольствоваться этою затхлою жизнью. Дѣятельность нужна.

Подошелъ Нефедовъ:

— А я согласенъ съ Вѣрой Михайловной.

— Она все время молчитъ. Лучше бы со мной, дядя, въ шутку попросила Ксенія.

— Нѣтъ, я потому и согласенъ съ ней, что она молчитъ... Это ей очень идетъ.

Вѣрочка посмотрѣла на него съ благодарностью.

— Тебѣ, Соня, нужна дѣятельность? раздался грубоватый голосъ Николая,—ты навѣрно находишь, что мы всѣ негодяи, потому что живемъ въ хорошемъ домѣ и носимъ дорогое бѣлье? Такъ вотъ тебѣ дѣятельность: надѣнь большіе сапоги и пойди читать Вольтера судомойкамъ. Это будетъ карикатура, но очень вѣрная карикатура того, что̀ мы видимъ.

— Коля! Ты говоришь пошлость! крикнулъ Володя,—какъ тебѣ не стыдно.

— Тише, тише! взмолился Мерлонъ.

Николай всталъ.

— Нѣтъ ничего пошлѣе того, что̀ говорите вы всѣ. Стоитъ какому-нибудь Ивану Хрустову придти и наболтать, чтобы ты и Соня всякую чушь подхватили. Еще немного, и вы станете извиняться въ томъ, что вы носите имя князей Могиловыхъ-Стольныхъ и что вы богаты. Вы полагаете, что вамъ надо унизиться для того, чтобы васъ уважали.

— Дуракъ, неслышно пробормоталъ Володя. Соня нахмурилась.

Лакей вошелъ и доложилъ:

— *Просятъ* въ столовую.

VIII.

— Итакъ, князь Владиміръ Андреевичъ, сказалъ Иванъ Хрустовъ,—мы съ вами побесѣдовали полчаса, но это не привело насъ къ соглашенію.

Развалившись въ креслѣ, онъ чувствовалъ себя очень хорошо, потому что съ самаго начала разговора принялъ нахальный тонъ. Нѣкоторая наглость была ему необходима. Когда обстоятельства мѣшали ему проявлять ее, онъ предпочиталъ молчать.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ тѣмъ выраженіемъ, какое бываетъ у натуралиста, изучающаго особенности интереснаго гада.

— Признаться, съ едва уловимою усмѣшкой проговорилъ онъ,—не надежда на какое-либо съ вами соглашеніе заставила меня васъ слушать и самому высказываться. Мнѣ пріятно было оказать вамъ, какъ гостю, вниманіе, совершенно безотносительно къ тому, какія чувства вызывали во мнѣ ваши слова. Впрочемъ, вы мнѣ не сказали ничего новаго, вашъ образъ мыслей мнѣ давно извѣстенъ. Имъ съ большою точностью опредѣляются настроенія нѣкоторыхъ кружковъ, образовавшихся на огрѣхахъ нашей національной нивы.

— О грѣхи? съ пренебрежительнымъ недоумѣніемъ переспросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Вы этого слова не знаете? А еще стремитесь, повидимому, идти въ народъ, не понимая его языка... Я вамъ разъясню. Когда послѣ посѣва всходятъ зеленые ростки, то иногда на зелени поля *оказываются* какъ бы пятна, гдѣ ни-

чего не растетъ или посѣянное растетъ плохо. Это иногда признакъ того, что пахарь тутъ недостаточно глубоко провелъ соху, либо обошелъ неудобное мѣсто. И такія пятна называются огрѣхами... За послѣднія двадцать пять лѣтъ вспахалась Русь. Плугъ проложилъ борозды по отечественному полю. Работа кипѣла и какъ бы стихійно кидалась туда, гдѣ больше всего была необходима. Сдѣлано много, но сдѣлано еще не все. Но не всѣ въ работѣ помогаютъ. Иные кричатъ: «мы сами, сами сдѣлаемъ!»... Подчасъ это малолѣтнія дѣти, желающія казаться большими, подчасъ ничтожества, стремящіяся играть роль. Другіе злорадствуютъ: «ага, не все легко дается!» и, вмѣсто того, чтобы помогать, сочиняютъ препятствія. Третьи просто безчинствуютъ.

— И къ нимъ вы причисляете меня? протянулъ Хрустовъ.

— Я со своими гостями вообще вѣжливъ, безстрастно отвѣтилъ князь и продолжалъ:—Иногда мнѣ начинаетъ представляться, что въ обществѣ всѣ истинно-русскіе люди заболѣли или куда-то уѣхали. Чужимъ вѣетъ вокругъ... То, что̀ происходитъ на Руси...

— На Руси! перебилъ Иванъ Сергѣевичъ,— почемъ вы здѣсь всѣ, въ Петербургѣ, можете знать, что̀ происходитъ на Руси?.. Что̀ у Петербурга общаго съ Россіей?

Старикъ улыбнулся.

— Какъ это ни странно, а мнѣ приходится быть вамъ благодарнымъ за то, что вы перебили мою рѣчь, тѣмъ самымъ давъ мнѣ поводъ высказаться и въ защиту оклеветаннаго Петербурга. Съ Русью онъ имѣетъ общаго все, по*тому что вся* мыслящая Русь къ нему стяги-

вается, онъ Русью живетъ и на немъ отражаются всѣ болѣзни Руси. На него упадаетъ вся тягость борьбы съ чуждыми русскому духу элементами, и этой борьбой самобытность Москвы отстаивается.

— У васъ имѣется единомышленникъ, мнѣ хорошо извѣстный, сказалъ Хрустовъ, которому надоѣли слова старика, — Илліодоръ Рыбовскій. Онъ находитъ, что у насъ все происходитъ не на русскій ладъ. Но только эта мысль заставляетъ его уѣзжать въ Америку, и я, право, не знаю, служитъ ли отъѣздъ въ Америку признакомъ руссофильства.

— Рыбовскій? Илліодоръ Ѳедоровичъ?

Князь нахмурился.

— Ну, да, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ закачало. Онъ уѣзжаетъ?

— Сегодня вечеромъ. Онъ вообще внезапный юноша. Горячъ не въ мѣру.

— Онъ не будетъ у меня сегодня?

— Нѣтъ. Я его спрашивалъ. Онъ сказалъ, что ему некогда...

— Жаль... Я бы поговорилъ съ нимъ. Я бѣгства не люблю.

— Разумѣется, надо бы вамъ съ нимъ поговорить, протянулъ Хрустовъ, — онъ все-таки вамъ не вовсе чужой.

Насторожился Владиміръ Андреевичъ. Очевидно, Иванъ Сергѣевичъ собирался произнести гнусность. Такъ и случилось.

— Не вовсе чужой онъ вамъ... Вашъ племянникъ, князь Николай Васильевичъ, очень друженъ съ женой его двоюроднаго брата, и я нисколько не удивлюсь, если окажется, что это обстоятельство облегчило Илліодору Ѳедоровичу возможность *добыть* денегъ на дорогу. Что-жъ,

это даже очень хорошо. Николай Васильевичъ могъ бы тратить деньги на кокотокъ, какъ это дѣлаетъ князь Василій Андреевичъ, котораго я также не осуждаю, но...

— Вы сегодня у насъ обѣдаете? рѣзко прервалъ князь Могиловъ-Стольный.

— Да, обѣдаю, отвѣтилъ Хрустовъ, стараясь не показать, что неожиданно гнѣвный тонъ старика его смущаетъ. Ну, въ чемъ дѣло? Обидѣлся?

Но князь уже совсѣмъ овладѣлъ собою.

— Отлично. Я надѣюсь, что вы не откажетесь меня проводить послѣ обѣда. Я отправлюсь ночевать на казенную квартиру и хотѣлъ бы выйти отсюда вмѣстѣ съ вами.

Иванъ Сергѣевичъ молча поклонился въ знакъ согласія. «Не наболталъ ли я лишняго?» подумалъ онъ. «Положился на благородство! Знаемъ мы это благородство...»

Онъ былъ смущенъ и притихъ.

Старикъ сказалъ:

— Идемте же обѣдать...

IX.

Вскорѣ послѣ обѣда князь Владиміръ Андреевичъ собрался идти на новую квартиру. Князь Василій Андреевичъ, его сыновья и Нефедовъ выразили желаніе его провожать, но онъ отказался.

— Не нужно. Я беру съ собою Андрюшу... И со мной пойдетъ Иванъ Сергѣевичъ... Я также попрошу Степана Николаевича.

Мерлонъ былъ польщенъ чрезвычайно.

— Никого мнѣ въ провожатые не надо, про-

должалъ князь,—тамъ все готово, курьеръ услужитъ, это самая лучшая прислуга.

Чувствуя на себѣ взглядъ сестры, Лидія Ивановна сказала:

— Только много не работай. Тебѣ вредно.

Ея слова заставили старика улыбнуться.

— Я много лѣтъ отдыхалъ. Пора и за дѣло. До свиданія.

Жену, Ксенію и Соню онъ поцѣловалъ, а Вѣрочку только мимоходомъ потрепалъ по щекѣ. Онъ ея не любилъ.

— Собственно, я не понимаю, почему вы переселяетесь раньше всѣхъ, пробасилъ Нефедовъ,—подождали бы денька два, а тамъ со всею семьей.

Князь ничего не отвѣтилъ, а Глафира Николаевна объявила брату:

— Это очень хорошо, что ты не понимаешь того, что̀ тебя и не касается.

Андрюша уцѣпился за локоть отца, тянулъ его.

— Да, да, сейчасъ, мой мальчикъ... Мы пойдемъ пѣшкомъ... Погода хороша.

Онъ вышелъ съ сыномъ, Хрустовъ и Мерлонъ за ними.

Морозный вечеръ былъ сухъ. Шаги прохожихъ звенѣли на панели, а въ этомъ звукѣ было что-то бодрящее.

— Какъ весело! сказалъ Андрюша,—я въ первый разъ гуляю вечеромъ зимой.

И вдругъ вспомнилъ:

— Папа, а твои вещи?

— Какія нужны, всѣ уже тамъ.

— Какъ я радъ, князь, что вы предложили мнѣ идти съ вами, произнесъ Мерлонъ съ явнымъ желаніемъ подладиться.—Мнѣ такъ пріятно

Но князь Владиміръ Сергѣевичъ взглянулъ на него съ такимъ холоднымъ презрѣніемъ, что Иванъ Сергѣевичъ примолкъ, съ громадною злобой въ душѣ.

— Степанъ Николаевичъ, благодарю васъ! крикнулъ старикъ Мерлону, ушедшему съ Андрюшей шаговъ на двадцать впередъ,—отдайте мнѣ моего сына. Иванъ Сергѣевичъ дальше со мною не идетъ, и вы, конечно, не лишите его своего общества... До свиданія, Степанъ Николаевичъ... Прощайте, Иванъ Сергѣевичъ. Андрюша, пойдемъ.

Князь Владиміръ Андреевичъ, взявъ сына за руку, бодро пошелъ съ нимъ впередъ по направленію къ Исаакіевской площади.

— Папа, ты сердишься? спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, милый... а что?

— Такъ, я почувствовалъ, что ты сердишься...

— Да, ты правъ. Я разсердился на господина Хрустова. Мы его больше не увидимъ.

Андрюша ничего не сказалъ, но отецъ почуялъ его мысль: «какъ это хорошо!»

— О чемъ съ тобой говорилъ Степанъ Николаевичъ?

— О! Папа, онъ все время тебя хвалилъ... Но я чувствую, что онъ тебя совсѣмъ не такъ любитъ.

— Да, да, разсѣянно подтвердилъ старикъ и ускорилъ шагъ.

Онъ былъ недоволенъ собою. Ему казалось, что вообще-то объясняться съ такими личностями, какъ Хрустовъ, ему не слѣдовало бы. Надо было бы просто объявить: прошу васъ *больше* у меня не бывать... Конечно, разсердило

упоминаніе о Васѣ и о Колѣ. Въ особенности то, что было сказано о Колѣ. Давно онъ знаетъ, что братъ Вася далеко не безупречный семьянинъ. Вася недостаточно уменъ, чтобы быть вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Потомъ Глафира Николаевна такъ равнодушна къ поведенію своего мужа. Наконецъ, если Вася и содержитъ какую-нибудь француженку, либо англичанку, то дѣлаетъ это съ полнымъ соблюденіемъ приличій. Но что Коля сошелся съ женою Рыбовскаго, это грязно и подло. Брать чужую жену, хотя бы и плохо оберегаемую, всегда нечестно. И Хрустовъ намекаетъ, что Илліодоръ Рыбовскій все знаетъ и воспользовался этимъ, чтобы выманить у Коли денегъ на поѣздку... Что за омутъ, что за грязь! Надо поговорить съ Колей. Жаль, что Илліодоръ Ѳедоровичъ уѣхалъ.

— Вотъ и нашъ подъѣздъ, сказалъ Андрюша.

Швейцаръ, его помощникъ и курьеръ захлопотали.

— Ну, сынокъ, поздравляю съ новосельемъ, весело проговорилъ князь, когда они вошли въ квартиру.—Видишь, какъ много у насъ мѣста.

Онъ повелъ сына по всѣмъ комнатамъ. Андрюша смотрѣлъ съ любопытствомъ, но безъ удовольствія. Ему квартира не нравилась. Слишкомъ большая... И незнакомая мебель. Не по душѣ было ему здѣсь, да и спать хотѣлось.

Владиміръ Андреевичъ это замѣтилъ.

— Да, ты усталъ... Вотъ что значитъ непривычная вечерняя прогулка, да и девятый часъ въ началѣ. Ложись. Вотъ твоя комната, рядомъ съ моей. Видишь, все готово. А я пойду заниматься. *Замѣтилъ ты*, сколько бумагъ на моемъ *письменномъ столѣ?*

— Ты будешь въ кабинетѣ... Это очень далеко, съ грустью произнесъ Андрюша.

Владиміръ Андреевичъ обратился къ курьеру:

— Семеновъ, уложи маленькаго князя и оставайся тутъ рядомъ въ комнатѣ, пока не позову... Ну, Андрюша, спокойной ночи.

Онъ перекрестилъ сына, поцѣловалъ его и вышелъ. Проходя черезъ рядъ комнатъ къ себѣ въ кабинетъ, онъ безшумно притворялъ за собою двери. Одиночества хотѣлось ему. Такъ всегда бывало съ нимъ, когда имъ овладѣвало раздраженіе. Недавній разговоръ съ Хрустовымъ и мысль о Николаѣ безпокоили его. Его томило такое чувство, словно откуда-то со стороны на него брызнуло грязью. Посмотрѣлъ онъ на бумаги и увидѣлъ, что не можетъ заниматься, пока дурное настроеніе не пройдетъ.

— Нѣсколько минутъ работы, и все какъ рукой сниметъ, проговорилъ онъ, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и остановился у окна. Вдругъ онъ вздрогнулъ, сталъ всматриваться. При свѣтѣ газоваго рожка по другую сторону улицы онъ увидѣлъ фигуру, показавшуюся ему знакомою.

— Его-то мнѣ и надо!

Князь протянулъ было руку къ кнопкѣ электрическаго звонка, но тутъ же рѣшилъ, что не надо никого звать, быстро пошелъ изъ квартиры въ вестибюль. Швейцаръ кинулся къ вѣшалкѣ, подалъ пальто.

— Я сейчасъ вернусь, сказалъ Владиміръ Андреевичъ и поспѣшно вышелъ на улицу.

Андрюша легъ въ новую кровать, слишкомъ для него большую.

— Такъ что я буду тутъ рядомъ въ ком-

натѣ, объяснилъ курьеръ,— ежели что нужно, покличете.

Мальчикъ остался одинъ. Очень нехорошо ему было, непріютно. Хотѣлось ему и плакать, и цѣловать папу. Сердце его шибко стучало въ груди. Онъ думалъ: «Дома лучше... Здѣсь такъ тяжело. Мамы нѣтъ, Ксеніи нѣтъ... Если бы я не пошелъ съ папой, папа былъ бы одинъ въ этой большой квартирѣ... Дядя Вася говорилъ, что папу могутъ убить».

Эти мысли разогнали въ немъ сонливость. Страхъ объялъ и за себя и за папу. За папу больше. «Господи, сдѣлай, чтобы съ папой не случилось никакого несчастія... Господи, ты все можешь!.. И папа тоже одинъ... Пусть курьеръ пойдетъ къ нему. Я пошлю...»

— Семеновъ! нерѣшительно крикнулъ онъ.

Отвѣта не было. Немного погодя мальчикъ позвалъ еще, совсѣмъ робко:

— Семеновъ!

Опять ничего. Тогда онъ всталъ, надѣлъ чулки и въ рубашонкѣ подбѣжалъ къ двери, посмотрѣлъ. Облокотясь на столъ, Семеновъ спалъ. Андрюшѣ тотчасъ же стало его жалко. «Бѣдный, у него много работы! Не надо его будить».

Направился онъ назадъ къ кровати, но внезапно рѣшилъ: «Проберусь къ папѣ, поцѣлую его и попрошу, чтобы мнѣ около него спать на диванѣ въ кабинетѣ...»

X.

Когда князь Владиміръ Андреевичъ и Андрюша отошли, Степанъ Николаевичъ спросилъ Хрустова:

— Въ чемъ дѣло? Произошла нѣкоторая неладность?

— О, старый негодяй! вырвалось у Ивана Сергѣевича,—онъ у меня запляшетъ. Покажу я ему, какъ мнѣ отказывать отъ дома.

Сказалъ это Хрустовъ и тотчасъ же раскаялся, потому что увидѣлъ на лицѣ Мерлона выраженіе большого веселья.

— Отказалъ отъ дома? Вотъ такъ штука! Любопытно... Разскажи пожалуйста.

Поневолѣ Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ объяснить:

— Онъ разсердился на то, что я ему выразилъ свой образъ мыслей и кромѣ того взглядъ на дурака Василія... Зазнавшаяся скотина! Постой, я тебѣ черезъ Софью Васильевну могу натворить столько непріятностей, что ты у меня завертишься.

— Не согласенъ ли ты изрыгать ругательства на ходу? насмѣшливо предложилъ Степанъ Николаевичъ. — Пойдемъ. А куда собственно? Я теперь понимаю, что старикъ позвалъ меня съ собой только для того, чтобы сдать мнѣ Андрюшу, пока тебѣ придется выслушивать кислыя истины... Въ сущности, чтобы кое-какъ заполнить свой вечеръ, я могъ бы вернуться на Милліонную, куда входъ мнѣ не возбраняется... Но я не желаю покидать тебя въ тяжелую минуту.

Хрустовъ никогда не сердился на Мерлона, и тотъ любилъ этимъ пользоваться.

— Пойдемъ куда глаза глядятъ, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—а потомъ видно будетъ.

Они пошли ровнымъ шагомъ людей, привыкшихъ ходить вмѣстѣ.

— Ты смотри, Степанъ, у меня не болтай.

— Ну, вотъ еще... Я самъ себѣ разскажу этотъ случай разъ пятнадцать и буду въ этомъ обрѣтать занятность, ласково проговорилъ Мерлонъ.

— Ты скотина, безъ гнѣва проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Онъ немного успокоился и сталъ излагать свои мысли довольно ровнымъ голосомъ:—Наплевать мнѣ въ высокой степени на то, что этотъ старый дуракъ наговорилъ мнѣ всякой трухи. Собственно по отношенію къ самому себѣ наплевать. Но тутъ дѣло въ принципѣ. Этотъ барствующій старикашка отнесся ко мнѣ свысока, потому что у него титулъ и большой чинъ. А я плюю на титулы и на чины, и непремѣнно хочу заплевать его титулъ и его чинъ. Вотъ что̀, мы съ тобой обмозгуемъ статеечку. Придраться нельзя будетъ, а понять-то онъ пойметъ... и что-нибудь такое про высшіе классы... публика это любитъ...

— Чортъ самъ не разберетъ, чего хочетъ публика! со смѣхомъ сказалъ Степанъ Николаевичъ.—Вчера я видѣлъ на Вознесенскомъ, какъ толпа радовалась тому, что какой-то мастеровой далъ безъ всякой причины въ ухо субъекту, закутанному въ пледъ... И многіе кричали: «молодецъ, такъ ему прохвосту и надо!» А третьяго дня я былъ свидѣтелемъ того, какъ какимъ-то не то правовѣдамъ, не то лицеистамъ пришлось укрыться

въ подъѣздъ, потому что видъ привилегированныхъ трехуголокъ возбудилъ гнѣвъ двухъ прохожихъ, опять таки къ удовольствію публики... Я думаю, теперь вообще всякій хочетъ кому-то дать въ ухо... Въ этомъ заключается суть настроенія.

— А ты полагаешь, что это не такъ? спросилъ Хрустовъ съ большимъ оживленіемъ.—Въ томъ-то и смыслъ теперешняго положенія. Всѣ другъ друга задразнили. А я не люблю, когда меня дразнятъ, и потому сталъ на ту сторону, которая умѣетъ оскорблять грубѣе. Погоди, погоди, еще натворимъ инцидентовъ...

Мерлонъ пожалъ плечами.

— Точно мы имѣемъ значеніе. Дѣйствуютъ другіе, а мы только образуемъ сферу сочувствія!

— Мало это по твоему? Ты не понимаешь, а я не дуракъ, чтобы совать голову волку въ пасть. Вчера мнѣ сунули съ десятокъ прокламацій... Я взялъ, но раздавать не буду. Знаю чѣмъ пахнетъ. А вотъ неуловимое, неопредѣленное, это въ самый разъ. И поговорить на ту или иную тему, и посердить кого-нибудь, поджечь равнодушныхъ, подзадорить горячихъ... Смотришь, а въ концѣ концовъ и будетъ кавардакъ, отъ котораго мы можемъ только выиграть...

— Я и самъ такъ думаю, серіознымъ тономъ проговорилъ Мерлонъ.

Они шли по Мойкѣ. Было безлюдно на набережной. Только впереди шагахъ въ сорока быстро шелъ офицеръ, стуча палашемъ по панели.

— Гм... терпѣть не могу гвардіоновъ, сказалъ Хрустовъ,—охотно помялъ бы ему бока... Идетъ, небось, отъ Дюсо въ игорный домъ и воображаетъ, что онъ вѣнецъ созданія...

Онъ оглянулся.—Послушай, никого нѣтъ... Что̀ если мнѣ къ нему придраться?.. Моя мускулатура требуетъ примѣненія.

— Жарь, одобрилъ Степанъ Николаевичъ,—но остерегайся протокола.

Иванъ Сергѣевичъ засмѣялся.

— Ну, вотъ еще. Я будто нечаянно.

— Жарь, повторилъ Мерлонъ, но самъ не послѣдовалъ за пріятелемъ, когда тотъ ускорилъ шагъ.

Мощный, широкоплечій, Хрустовъ нагналъ офицера.

Степанъ Николаевичъ думалъ: «Занятно... Хорошо, что теперь военные не въ цѣнѣ... Недавно въ Кронштадтѣ городовые едва не побили военныхъ и даже какъ будто не раскаялись. Увидимъ».

Ну-ка, повеселимся, предвкушалъ торжество Иванъ Сергѣевичъ.

Поровнявшись съ офицеромъ, онъ толкнулъ его изо всей силы плечомъ.

— Виноватъ, я не повредилъ вашей красотѣ? со смѣхомъ освѣдомился онъ.

Офицеръ, худощавый брюнетъ съ рѣзкимъ взглядомъ, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а потомъ, улыбнувшись, быстро нанесъ Хрустову ударъ въ лобъ и продолжалъ путь, въ то время какъ Иванъ Сергѣевичъ безпомощно валялся въ снѣжномъ сугробѣ.

— Ну, что̀, не удалось? весело спросилъ Мерлонъ, подбѣжавъ.

Иванъ Сергѣевичъ всталъ, стряхнулъ съ себя снѣгъ и угрюмо отвѣтилъ:

— Боксируетъ, негодяй.

XI.

Парменъ Владиміровичъ Рыбовскій, отпивъ утренній чай, принялся за чтеніе газеты. Прежде всего обратился онъ къ телеграммамъ:

— Что новаго? спросила его жена, придвигая къ себѣ чашку.

— Ничего особеннаго... Въ Варшавѣ покушеніе на генералъ-губернатора... Какой-то сумасшедшій ворвался съ перочиннымъ ножемъ... Въ Парижѣ обсуждается предложеніе Луи Блана объ отмѣнѣ смертной казни... Разъясняется, что феніи вовсе не собирались взорвать королевскій дворецъ...

Василиса Антоновна пожала плечами.

— Удивительно скучно. За послѣднее время ровно ничего не происходитъ.

Мужъ согласился съ ней:

— Да, читать нечего...

Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что жена вручила ему триста рублей. И ей было пріятно, что она могла избавить его отъ заботъ о векселѣ. Имъ обоимъ жилось очень хорошо, и они рады были согласиться другъ съ другомъ.

Вдругъ, заглянувъ въ хронику, Рыбовскій вскрикнулъ:

— Убили старика Могилова-Стольнаго!

— Могилова-Стольнаго!

— Да, старика убили.

— Не можетъ быть!

— Да вотъ... я тебѣ прочитаю.

Они оба оживились, словно трагическая новость доставила имъ удовольствіе. Конечно, имъ было очень жаль старика, но имъ нравилось,

что знакомство съ жертвой преступленія какъ бы пріобщаетъ ихъ къ событію.

— Читай же, попросила она.

— Вотъ, слушай: «Въ Петербургѣ снова совершено загадочное преступленіе, какъ будто судьбѣ не угодно, чтобы мы могли опомниться отъ ужасовъ, нарушающихъ правильное теченіе нашей жизни. На этотъ разъ отъ руки убійцы палъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ князь Владиміръ Андреевичъ Могиловъ-Стольный, по поводу возвращенія котораго къ служебной дѣятельности мы недавно напечатали у себя нѣсколько біографическихъ данныхъ».

— Ну, фраза неважная, замѣтилъ Парменъ Владиміровичъ и продолжалъ: «Сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, князь найденъ убитымъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ. Отлагая, за позднимъ временемъ, подробности до слѣдующаго дня, мы спѣшимъ подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя намъ до сихъ поръ удалось добыть и которыя придаютъ преступленію чрезвычайно загадочный характеръ. Князь В. А. Могиловъ-Стольный только сегодня перешелъ на жительство въ казенную квартиру. Отобѣдавъ дома въ кругу семьи и близкихъ друзей, онъ въ половинѣ восьмого отправился пѣшкомъ на новую квартиру. Семья князя должна была переѣхать нѣсколько дней спустя. Съ собою князь взялъ только своего десятилѣтняго сына. Кромѣ того, вышли съ нимъ изъ дома обѣдавшіе у него двое знакомыхъ гг. Х. и М., которые очевидно по дорогѣ съ нимъ распростились, такъ какъ князь прибылъ въ отдѣльное зданіе министерства только со своимъ сыномъ Андреемъ. Въ квартирѣ же никакой прислуги

кромѣ одного курьера не было. Вскорѣ послѣ прибытія, сынъ князя легъ спать, при чемъ ему была отведена одна изъ наиболѣе отдаленныхъ отъ кабинета комнатъ. Князь приказалъ курьеру остаться въ комнатѣ, сосѣдней со спальней мальчика, а самъ пошелъ заниматься въ кабинетъ. Уложивъ сына князя въ кровать, курьеръ, отставной унтеръ-офицеръ Семеновъ, согласно приказанію, остался въ смежномъ помѣщеніи и, чувствуя себя утомленнымъ, крѣпко заснулъ. Проснулся онъ около десяти часовъ вечера и, заглянувъ въ спальню мальчика, съ удивленіемъ замѣтилъ, что кровать пуста. Не находя нигдѣ маленькаго Андрея, Семеновъ направился къ кабинету князя, и тутъ ему бросилась въ глаза ужасающая картина. У входа въ кабинетъ, около двери, лежалъ раздѣтый мальчикъ съ окровавленною головой, а въ кабинетѣ близъ письменнаго стола распростертъ былъ трупъ князя Владиміра Андреевича съ явными признаками удавленія».

— Боже мой! вскрикнула Василиса Антоновна,—оба! Отецъ и сынъ. Бѣдный мальчикъ. Мальчикъ, мальчикъ-то зачѣмъ!

На глазахъ у нея появились слезы.

— Очень странное преступленіе, хладнокровно проговорилъ Рыбовскій, — слушай дальше: «Немедленно прибывшими чинами прокурорскаго надзора и судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ выяснено, что князь Могиловъ-Стольный въ 8 ч. 30 м. вечера поспѣшно вышелъ на улицу и тотчасъ же вернулся въ сопровожденіи неизвѣстнаго лица, которое, пробывъ въ квартирѣ князя около двадцати минутъ, удалилось, ничѣмъ не вызвавъ подозрѣ-

нія швейцара. Такъ какъ у этого неизвѣстнаго воротникъ теплаго пальто былъ поднятъ, то швейцаръ не можетъ описать его наружности, помнитъ только, что это, судя по росту и по фигурѣ, былъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ. Врачами установлено, что преступникъ убилъ князя посредствомъ удавленія и что смерть наступила почти мгновенно, вслѣдствіе старческой хрупкости шейныхъ сосудовъ. Что же касается несчастнаго мальчика, то состояніе его, внушающее опасенія, однако не безнадежно. Онъ до сихъ поръ еще не пришелъ въ сознаніе. Рана въ голову нанесена ему тупымъ орудіемъ. Приняты всѣ мѣры къ поимкѣ преступника. Мы будемъ слѣдить за всѣми фазисами розысковъ, а пока считаемъ нужнымъ сообщить, что курьеръ Семеновъ состоитъ на службѣ двадцать девять лѣтъ и всегда отличался безупречнымъ поведеніемъ». Вотъ и все... Да, это случай, произнесъ Парменъ Владиміровичъ такимъ голосомъ, что нельзя было разобрать, огорченъ ли онъ происшествіемъ, или находитъ его просто довольно интереснымъ.

Его жена успокоилась немного.

— Вотъ, если Андрюша придетъ въ себя, мы все узнаемъ. Какъ ты думаешь, это политическое дѣло?

Рыбовскій пожалъ плечами.

— Кто знаетъ? Покойникъ былъ назначенъ на такой постъ, что... А, на первой страницѣ объявлено... панихиды въ два часа дня и въ восемь часовъ вечера. Надо будетъ поѣхать.

Василиса Антоновна съ неудовольствіемъ принялась думать о томъ, что теперь, пожалуй, она не скоро увидитъ Колю.

XII.

— О-о, о-о! стонала Ксенія и въ этомъ звукѣ изливалась ея душевная боль. Вся она была стонъ и страданіе. Внезапно поразившее ее несчастіе доводило ее до бреда.

— О-о, о-о! почти безостановочно повторяла она.

Она сама съ ужасомъ прислушивалась къ своему голосу, ловила въ немъ отзвукъ предсмертнаго крика убитаго отца, слышала жалобу брата. Представлялось ей, что стонъ, ея собственный стонъ, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, становится все гуще, гуще, какъ непонятный какой-то и мучительный звуковой туманъ. Воздухъ, свѣтъ, вся жизнь, все существующее, она сама—сплошное мученіе, мученіе, мученіе. Папа... Андрюша... убійцы... кровь... Вчера еще было такъ хорошо и вдругъ стало такъ много слезъ... Онѣ были раньше, ждали, сторожили, вдругъ пришли. И убійца ждалъ, злой и счастливый... Папа, добрый папа убитъ... Тамъ, въ той самой комнатѣ, которую она вчера видѣла, онъ лежалъ на полу... И Андрюша лежалъ... О, папа и Андрюша! Господи! Умереть бы. Не знать, не плакать.

— О-о! О-о!

Она вздрагивала всѣмъ тѣломъ, лежа на кровати, съ широко открытыми глазами. Ей нельзя было закрыть глаза, потому что ей тотчасъ же представлялся убитый отецъ... Она видѣла его живымъ, съ ласковымъ взглядомъ и тихою улыбкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ мертвымъ... И взглядъ, и улыбки замерли, а около него бьется въ су-

дорогахъ Андрюша, Андрюша безгрѣшный ангелъ, никому не сдѣлавшій зла... Темный убійца ходитъ кругомъ и глаза у него радостные...

Ксенія стонала съ такимъ чувствомъ, какъ будто стонетъ не она, а какой-то невидимый хоръ страданія. Бредъ становился все сильнѣе. Иногда ей казалось, что рядомъ съ нею лежитъ ея душа, плачущая и готовая умереть. Ей мерещилось, что кругомъ нея ходятъ люди, и знакомые, и неизвѣстные, смотрятъ на нее равнодушно. Понимала она, что это неправда, что это бредъ, и она съ ужасомъ смотрѣла на то, что рисуется передъ ея глазами, закрывала ихъ, видѣла отца и брата, снова вглядывалась въ окружающіе предметы, которые всѣ стали для нея новыми, не прежними, словно къ составу каждаго изъ нихъ примѣшалось горе. И каждая вещь жила, потому что въ каждой изъ нихъ была боль... «Лежу, плачу, страдаю», урывками думала Ксенія. Она не знала, сколько времени она лежитъ... Вчера вечеромъ съ ней сдѣлался обморокъ, какъ только услышала она страшную вѣсть. Какъ въ туманѣ помнитъ она, что ее положили на кровать. Съ тѣхъ поръ прошла ночь... Да, прошла... Было темно, а потомъ свѣтъ показался въ окнахъ... Къ ней приходили... Кто, она не знаетъ... Часто ли приходили, не помнитъ она... Но каждый разъ когда кто-нибудь приходилъ, она металась, потому что ее мучило, такъ мучило, точно всякій, кто къ ней подходилъ, грубо задѣвалъ ея душу... Слышала она, какъ въ другихъ комнатахъ раздаются голоса и шаги... замѣчала, что никто не говорилъ полнымъ голосомъ... Всѣ звуки тусклы, слабы, словно кто-то надавилъ лѣвую педаль жизни...

— О-о! стонала она все время, и голосъ ея становился хриплымъ. Плакать она больше не могла.

Вошла княгиня Лидія Ивановна, въ глубокомъ траурѣ. Отъ шляпы ея ниспадали широкія волны крепа. Ксенія застонала громче. Зачѣмъ? Зачѣмъ въ черномъ? Значитъ, они всѣ могли думать, заказывать, распоряжаться...

Княгиня, повидимому, тоже страдала, но совершенно иначе, нежели ея падчерица. Лицо у нея было заплаканное, съ немного растеряннымъ и отчасти злымъ выраженіемъ. Видно было, что она пролила слезы, а затѣмъ рѣшила «взять себя въ руки».

— Бѣдная! сказала она и вспомнила: — nous sommes tous bien malheureux. Мы ѣдемъ на панихиду... Если что будетъ нужно, то позовешь...

Ксенія посмотрѣла на нее съ мучительною тоской. Она не понимала, какъ могутъ другіе ѣхать на панихиду, какъ они будутъ смотрѣть на убитаго папу. Внезапно вздрогнула она и спросила съ искаженнымъ отъ страха лицомъ:

— Андрюша?

— Живъ. Живъ, слава Богу, отвѣтила княгиня,—и доктора говорятъ, что его спасутъ, но онъ еще не пришелъ въ себя...

Перекрестилась Ксенія. По всему ея тѣлу прошла холодная дробная дрожь. Андрюша живъ... Свѣтлый ангелъ.

— Такъ я поѣду, до свиданія, быстро проговорила Лидія Ивановна и чуть-чуть дотронулась губами до лба Ксеніи. Та не шелохнулась, безмолвная.

У двери княгиня остановилась.

— Да, вотъ что... Доктора говорятъ, что Андрюшу ударило въ голову дверною ручкой... когда разбойникъ убѣгалъ, онъ вѣроятно сильно толкнулъ дверь, а тамъ стоялъ Андрюша... Но почему онъ стоялъ?

— О-о! О-о! застонала княжна.

XIII.

— Ну, что? спросила Соня, когда въ комнату вошелъ Володя. Лицо ея горѣло, брови были сдвинуты. Она волновалась, и волненіе ея походило на гнѣвъ.

Братъ ея развелъ руками.

— Да ровно ничего. Я послѣ панихиды чуть ли не полчаса толковалъ со слѣдователемъ. Они всѣ увѣрены въ томъ, что это политическое убійство.

— Не можетъ быть. Съ какой стати! Дядя ничего изъ себя не представлялъ.

— Ну, это все равно, со злостью произнесъ Володя, — теперь принято все валить на политику... И всякій, кто не признаетъ городового геніемъ, считается способнымъ на преступленіе. Мерлона и Хрустова такъ допрашивали, что помнить будутъ.

Соня вскрикнула:

— Какъ, Ивана Сергѣевича?

— А то кого же!

— Неужели его подозрѣваютъ... Убійца маленькаго роста, вѣроятно лѣтъ семнадцати, подростокъ...

— Такъ-то оно такъ... А убѣжденія Хрустова тебѣ извѣстны?

— У меня такія же убѣжденія! возмутилась

княжна,—пусть и меня подозрѣваютъ и допрашиваютъ.

Володя посмотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ.

— Какъ глупо! Куда лѣзешь? Ты хочешь удивить міръ благородствомъ. «Возьмите меня»... И возьмутъ... Намъ съ тобой нечего соваться. Погоди, придетъ время, когда и осторожность зачтутъ въ заслугу.

— Еще бы! Я знаю твои взгляды, я ихъ давно угадала. Знаешь, Володя, ты не искренній человѣкъ. Ты нашего образа мыслей держишься потому, что видишь будущность на нашей сторонѣ. Ты подлаживаешься къ будущей силѣ, а знай ты, что ничего изъ нашихъ желаній не выйдетъ, ты первый бы насъ отдалъ на расправу.

Молодой князь стукнулъ кулакомъ по столу.

— Перестань. Я не виноватъ, что тебѣ приходятъ въ голову такія пустыя мысли. Ты рада клеветать на меня и восхвалять себя. Что за слова: «будущность на нашей сторонѣ»... Скажи пожалуйста, какую сторону ты имѣешь право называть нашей, своей? Что ты сдѣлала? Чѣмъ проявила себя? Сидѣть въ богатомъ домѣ и повторять слова Хрустова не велика заслуга. И повторяешь-то ты его слова только потому, что ты въ него влюблена.

— Что за пошлость! сказала Соня, краснѣя.

— И хорошъ же онъ теперь! захохоталъ Володя,—у него громадный синякъ на лбу. Изъ-за этого синяка его и стали допрашивать съ особеннымъ удовольствіемъ... Оказывается, его побилъ офицеръ. И офицера того нашли: «приставалъ», говоритъ, «ко мнѣ какой-то нахалъ на улицѣ, я его и проучилъ». Хоть и терпѣть

не могу всей этой военщины, а я радъ тому, что хоть одинъ размахнулся кстати.

— Какой ты низкій человѣкъ! произнесла его сестра, сверкнувъ зелеными глазами.

Вошелъ Коля.

— Вы опять бранитесь? На васъ точно проклятіе наложено. Только одна злоба въ васъ и сидитъ.

Онъ похудѣлъ. Глаза его смотрѣли еще болѣе рѣзко, чѣмъ обыкновенно.

— Ты съ нравоученіями не лѣзь, разсердился Володя,—я старше тебя и не нуждаюсь въ твоихъ замѣчаніяхъ. Ты что-нибудь узналъ.

Коля угрюмо посмотрѣлъ на него.

— Да, узналъ, что Андрюша, вѣроятно, останется на всю жизнь идіотомъ.

— Бѣдненькій! вскрикнула Соня.

Володя ничего не сказалъ. Онъ прикусилъ рыжіе усы и уставился мутнымъ взглядомъ на полъ.

— Ксенія тоже очень больна, продолжалъ Коля и принялся ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, — у нея жаръ и она бредитъ... Папа только плачетъ и крестится, и мама все ходитъ за нимъ съ бромистымъ каліемъ... Тетя Лида старательно подбираетъ трауръ себѣ къ лицу... Одна тетя Зина и распоряжается у насъ съ утра... Вы оба сидите и жалите другъ друга... А кто убилъ дядю?! вдругъ вскрикнулъ онъ, остановясь,—кто убилъ этого лучшаго въ мірѣ человѣка и ктоп огубилъ несчастнаго Андрюшу? А?

Слезы звучали въ его голосѣ.

Соня насмѣшливо сказала:

— Я надѣюсь, что ты не насъ обвиняешь?

Володя фыркнулъ.

— Чего добраго!

Съ ненавистью посмотрѣлъ на нихъ братъ.

— О! Вы оба никогда ничего такого не сдѣлаете, но злобы, злобы въ васъ столько, что ее хватило бы на двадцать преступниковъ.

Онъ снова зашагалъ.

— Конечно, они преступника не найдутъ. Онъ ничего не унесъ и ничего не оставилъ. Всѣхъ подростковъ не переберешь... Убилъ мальчикъ. Швейцаръ такъ и говоритъ: «въ родѣ барчука»...

— Бываютъ и въ зрѣломъ возрастѣ люди маленькаго роста, пренебрежительно замѣтилъ Володя,—хотя бы Рыбовскій, Илліодоръ Рыбовскій.

— Какъ жаль, что онъ уѣхалъ! съ тоской произнесъ Коля,—онъ бы мнѣ помогъ въ моихъ поискахъ. Энергія въ немъ большая. Чего онъ хочетъ, того хочетъ хорошо. Я сегодня заѣхалъ къ нему, но только узналъ, что онъ въ началѣ девятаго вчера отправился на вокзалъ.

— Ты предпринимаешь поиски? удивился Володя,—смѣшно. Слѣдственный доброволецъ. Остается только сдѣлаться шпіономъ.

Внезапно поблѣднѣвъ, Коля надвинулся на брата.

— Ты понимаешь, почему я тебя не бью? прошепталъ онъ, задыхаясь,—ты понимаешь? Я боюсь, что убью тебя.

Володя струсилъ. Его обычная кривая усмѣшка словно стерлась съ лица. Соня думала: «Я ихъ обоихъ не люблю».

XIV.

Алексъ терпѣливо выслушалъ разсказъ брата о томъ, какъ его допрашивали. Повѣствуя, Иванъ Сергѣевичъ старался проявить много юмора. Его очень радовало, что у него въ прошломъ имѣется случай, окончившійся вполнѣ благополучно и вмѣстѣ съ тѣмъ придающій ему какъ бы ореолъ.

— Вотъ и все, закончилъ онъ, — что̀ ты по этому поводу скажешь?

— По этому поводу? Ровно ничего, отвѣтилъ Алексъ,—но поговорить съ тобой вообще я намѣренъ.

Иванъ Сергѣевичъ посмотрѣлъ на брата съ притворнымъ удивленіемъ.

— Что̀ за тонъ? Никакъ будетъ рацея?

— Молчи. Не балагурь. Мнѣ все это шарлатанство надоѣло, и я хочу, чтобы ты услышалъ мое мнѣніе. Мнѣ опротивѣло твое желаніе присвоивать себѣ значеніе. Будь ты одинъ, я просто-на-просто отъ тебя отвернулся бы. Но мнѣ некуда повернуться, потому что вездѣ вокругъ себя я вижу такихъ, какъ ты. Со всѣхъ сторонъ выползли вы, машете руками, кричите, пыжитесь. Вы для меня все равно, что тѣ карманные воры, которые пользуются пожаромъ, чтобы въ суматохѣ поживиться. У насъ теперь на Руси и пожара-то нѣтъ, или, вѣрнѣе, его бы не было, не будь васъ. Что̀ мы видимъ? Иные отстаиваютъ то, что̀ по совѣсти считаютъ благомъ Россіи. Мира и порядка желаютъ они, оберегаютъ зданіе отъ потрясеній. Другіе ищутъ новыхъ путей, увлекаются теоріями, отрекаются отъ старины, воображая, что старина есть старость. Происхо-

дитъ борьба двухъ началъ. Я стою на сторонѣ перваго, но согласенъ спокойно выслушать тѣхъ, которые по моему мнѣнію ошибаются. Но вотъ третьи идутъ, берущіе доводы новаторовъ, извращающіе ихъ, искажающіе всякую мысль. Идутъ преступники, убійцы, поджигатели. Они хотятъ убить Русь, потому что чужое горе для нихъ счастіе. Это шайка гнусныхъ самоуправцевъ и разбойниковъ. Но противъ нихъ средства есть: ихъ ловятъ и наказываютъ. Они опредѣленное зло, съ которымъ общество борется опредѣленными средствами. Ты и тѣ, которые на тебя похожи, вы еще хуже, еще гнуснѣй. Вы жалкія ничтожества, паразиты теперешнихъ умственныхъ теченій, мародеры на полѣ сраженія, неуловимые маклера преступныхъ сдѣлокъ. Вы подзадориваете изъ-за угла, исподтишка расшатываете жизнь. Вамъ нуженъ безпорядокъ, потому что вы разсчитываете нажиться въ суматохѣ. Ваша цѣль все оплевать, все опаскудить. Вы отбросы совершающагося нынѣ химическаго процесса. Васъ много, но вы не партія. Партіею назвать можно лишь тѣхъ, которые сплачиваются во имя принципа, хотя бы и ложнаго, а у васъ прежде всего принциповъ нѣтъ. Но вы притворяетесь имѣющими значеніе, вы толкуете о принципахъ, разсуждаете о задачахъ Россіи. Вы стараетесь смѣшаться съ тѣми, которые прикосновенны такъ или иначе къ дѣлу. А самое характерное въ васъ — вотъ оно: если бы шахъ персидскій далъ каждому изъ васъ орденъ Льва и Солнца и три тысячи рублей жалованья, всякій изъ васъ постарался бы затмить славу Малюты Скуратова. Лгуны вы, карьеристы смуты... И какъ тѣ, къ которымъ вы притворно примыкаете, еще

не разглядѣли васъ! Вы ихъ давите числомъ, окружаете, дурманите, и они принимаютъ васъ за своихъ.

— Ты кончилъ? спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Пока братъ говорилъ, онъ съ равнодушнымъ видомъ чистилъ себѣ ногти.

— Да, кончилъ пока. Но вѣдь ты будешь продолжать свои подвиги, отвѣтилъ Алексъ, — потому что презрѣнія ты не боишься.

— Твоего презрѣнія? Ну, еще бы. Ты щенокъ, которому я позволяю лаять. Я даже не хочу съ тобой спорить. Годика черезъ три, когда жизнь себя покажетъ, мы потолкуемъ съ тобой и увидимъ, кто правъ.

Алексъ вздохнулъ.

— Знаешь что̀... ты даже не уменъ. Ты не понялъ того, что̀ я говорилъ.

Растянувшись на диванѣ, Иванъ Сергѣевичъ старательно зѣвнулъ.

— На томъ и порѣшимъ, что мы другъ друга не понимаемъ.

Хвастливымъ тономъ онъ прибавилъ:

— А вотъ княжна Софья Васильевна меня понимаетъ отлично.

— Вѣрнѣе, ты ее сбилъ съ толка. И чего тебѣ тамъ нужно?

Иванъ Сергѣевичъ спокойно отвѣтилъ:

— Я женюсь на ней. Тебя это должно радовать. Все-таки свойство съ княжескимъ домомъ.

— Меня больше радуетъ, что ты получишь отказъ.

— Ну, это мы еще увидимъ. Теперь, когда больше нѣтъ Владиміра Андреевича, начнется въ семьѣ кавардакъ. Я увѣренъ, что случится много интереснаго. И почему тебѣ нужно, чтобы

мнѣ отказали? Я люблю Софью Васильевну, а она любитъ меня. Ея деньги помогутъ мнѣ осуществить многое. Деньги это единственное, чего мнѣ не хватаетъ.

— А Мерлонъ, тебѣ подобный, подбирается къ Ксеніи?

Иванъ Сергѣевичъ пожалъ плечами.

— Мерлонъ? Мелко плаваетъ. Онъ старается всѣмъ угодить своею безличностью, потому что не увѣренъ въ будущемъ. Поэтому любой гусаръ его затмитъ, любой салонный фатъ. А я постоянно подчеркиваю свою сущность. У меня есть физіономія.

— Такъ думалъ и офицеръ, который тебя по ней ударилъ, сказалъ Алексъ.—Я ухожу. Ты слишкомъ противенъ.

XV.

Очень слабая, неувѣренными шагами, Ксенія вышла изъ своей комнаты. Болѣе трехъ недѣль пролежала она въ бреду, близкая къ смерти. Теперь она поправилась. Доктора говорятъ, что опасности нѣтъ. То, что они называютъ опасностью, это смерть. А она-то считаетъ смерть спасеніемъ. Когда она бредила, то видѣла смерть, а можетъ быть не видѣла, но опредѣленно чувствовала ее, гдѣ-то рядомъ съ собой, и ей представлялось, что смерть нѣчто притягивающее, полное обѣщаній. «Приди, бери», шептала тогда Ксенія, съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто сейчасъ наступитъ конецъ. Но болѣзнь прошла. Осталась слабость въ тѣлѣ и въ душѣ. Не по прежнему она чувствуетъ, а такъ, точно впечатлѣнія достигаютъ до нея черезъ что-то мяг-

кое. Когда она вспоминаетъ, что отца ея убили, сердце ея не болитъ, но ясно ей, что смерть отца громадное несчастіе. Гораздо тяжелѣе ей думать объ Андрюшѣ, потому что брата она можетъ видѣть...

Вышла Ксенія изъ своей комнаты. Первое лицо, которое она встрѣтила, была Лидія Ивановна.

— А, это ты... Тебѣ сегодня лучше? Почему ты не вышла къ завтраку?

За четыре недѣли княгиня отлично управилась съ постигшимъ ее несчастіемъ. Отъ дней огорченія остался только трауръ.

— Не хотѣлось, сказала Ксенія,—теперь я иду къ Андрюшѣ.

Лидія Ивановна пожала плечами.

— Зачѣмъ? Только себя разстраивать. Бѣдный мальчикъ навсегда останется идіотомъ.

Эти слова княгиня произнесла такимъ тономъ, точно не вникала въ ихъ смыслъ. Ея падчерица вздрогнула.

— Идіотомъ, почти беззвучно проговорила она,—бѣдный мальчикъ, какъ вы думаете, навсегда останется идіотомъ...

Совершенно неожиданно для самой себя, Ксенія улыбнулась. Въ сущности ей хотѣлось плакать, но улыбка сложилась на лицѣ такая, отъ которой дрожали губы. «Elle va avoir encore un accès!» съ испугомъ подумала княгиня и поспѣшила сказать: — Пойди скорѣй къ Андрюшѣ... у него сидитъ Зина.

Переставъ улыбаться, Ксенія пошла. Ей стало очень страшно, потому что она поняла, что съ ней дѣлается что-то неладное. Неужели подбирается сумасшествіе? Вѣдь сейчасъ была минута,

когда она готова была захохотать... Можетъ быть лучше къ Андрюшѣ не ходить? А вдругъ Андрюша ее узнаетъ?

— Тише, услышала она голосъ Кормаковой, едва вошла въ комнату брата.

— Спитъ, шопотомъ объяснила Зинаида Ивановна и показала на мальчика.

Онъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами и ровно дышалъ.

— Какъ онъ потолстѣлъ! съ тоской замѣтила Ксенія.

— Онъ съ каждымъ днемъ толстѣетъ.

— Давно спитъ?

Кормакова съ грустью кивнула.

— Почти все время.

— Ѣлъ?

— Да.

— И ничего не понимаетъ?

— Нѣтъ. Не узнаетъ меня. Мнѣ кажется онъ узнаетъ только сидѣлку, то-есть, онъ нея отворачивается.

Ксенія сѣла.

— Господи, сколько намъ приходится страдать!

Зинаида Ивановна украдкой въ нее всматривалась. Сама она осунулась и сильно постарѣла.

— Сегодня мѣсяцъ, со вздохомъ проговорила она,—и все еще ничего не нашли.

— Тетя... самое главное давно найдено... найденъ трупъ убитаго моего отца... найденъ трупъ моего живого брата... Тетя, я съ ума сойду.

Отъ ея шопота дрожь прошла по тѣлу Кормаковой.

— Молись Богу.

— Я молилась. Богъ хочетъ, чтобы я съ ума сошла.

Перекрестилась Зинаида Ивановна. Ксенія автоматично послѣдовала ея примѣру. Онѣ продолжали говорить шопотомъ.

— Тетя, зачѣмъ я буду жить, когда все пропало.

— У тебя осталась мать.

— Нѣтъ, мачиха. Я рада, что она мачиха. Я бы не могла имѣть такую мать. Я теперь никого не люблю. Я даже васъ не люблю, тетя. Я не виновата. Хорошо понимаю я, что вы добры, что васъ слѣдуетъ любить, а мнѣ все равно. Я никого не люблю, но я хочу любить всѣхъ. Я жду, чтобы они мнѣ перестали мѣшать ихъ любить. Жалость—это другое. Вотъ вы жалѣете меня и Андрюшу, но любите только Вѣру. А какъ вы любите Вѣру?

Кормакова вздрогнула.

— Вѣру? Я за нее жизнь отдамъ. Я иногда въ ужасѣ думаю: что̀ если бы вмѣсто Андрюши была Вѣра... И мнѣ кажется, что я бы не выжила.

— А я выжила... Я уже не могу отдать жизнь за отца, потому что его убили, а я осталась... Я осталась и остался убійца. Вы понимаете: въ то время какъ я дышу, хожу, смотрю, онъ тоже гдѣ-то дышитъ, ходитъ, смотритъ... Я его чувствую такъ, будто бы онъ стоялъ рядомъ со мной. Мнѣ иногда кажется, что онъ въ другой комнатѣ. Вотъ теперь я увѣрена, что онъ тамъ.

— Ксенія, перестань.

— Да нѣтъ, я съ ума не сошла, я понимаю, что его тамъ нѣтъ, но мнѣ пріятно пойти и посмотрѣть. Я пойду. Я часто вижу то, чего нѣтъ, но я также часто угадываю то, что будетъ. Увидите. Я предсказываю, что княгиня Лидія Ивановна только о томъ и думаетъ, чтобы насъ

покинуть... До свиданія... я пойду... Господи, если бы Андрюша могъ никогда не проснуться.

Выйдя изъ комнаты, Ксенія поняла, что сейчасъ бредила въ разговорѣ съ тетей. «Это оттого, что пришлось говорить шопотомъ. Да, да, конечно. Теперь я пойду къ дядѣ Василію и къ тетѣ Глафирѣ. А потомъ къ рыжикамъ. Я всѣхъ обойду. Сегодня воскресенье, воскресенье, а гостей не будетъ... Развѣ Хрустовъ. Онъ бываетъ часто. Онъ человѣкъ злой, который не умѣетъ скрывать свою злость».

Князь Василій Андреевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ одинъ. По справедливости, довольно трудно было объяснить, зачѣмъ у него имѣлся кабинетъ съ подобающею обстановкой: большимъ письменнымъ столомъ и книжными шкафами. Онъ никогда ничѣмъ не занимался, съ тоской относился къ необходимости написать изрѣдка коротенькое письмо и ничего не читалъ. Но кабинетъ у него былъ, подобно тому, какъ бываетъ голова у тѣхъ, которые не дѣлаютъ изъ нея никакого употребленія. И въ эту комнату онъ всегда удалялся, когда ему становилось не по себѣ. Такъ и теперь. Наканунѣ произошла у него непріятная сцена съ Дашей Скворцомъ, которая объявила ему о своемъ желаніи ѣхать за границу, а сегодня жена нашла случайно записку этой же Даши Скворца и объявила ему, что ей дѣла нѣтъ до его поведенія, но что она не потерпитъ, чтобы онъ разбрасывалъ по столамъ записки, доказывающія его невѣрность. Въ заключеніе ему было сказано, что онъ смѣшонъ и что Даша Скворецъ навѣрно его обманываетъ. Это болѣе всего подѣйствовало на Василія Андреевича. И онъ удалился въ свой кабинетъ, съ

глубоко оскорбленнымъ видомъ. Въ такія минуты онъ какъ-то неопредѣленно сожалѣлъ о томъ, что женился не на дѣвушкѣ своего круга. Та бы все поняла. Il y aurait eu des accomodements, que diable! Главное, все принимало бы мягкія очертанія. А тутъ что ни шагъ, то непріятности. Дѣти тоже непріятны. Володя грубитъ. Николай смотритъ исподлобья. Соня даже говорить ни съ кѣмъ не хочетъ. Ясно, что онъ вынужденъ искать утѣшеній внѣ дома. А кто можетъ сказать, что онъ не дорожилъ бы семейнымъ очагомъ?

Недовольный, Василій Андреевичъ внушалъ себѣ, что его чувство не что̀ иное, какъ тоска по братѣ. Это было ему легко, потому что мысли его были слишкомъ слабы, чтобы одна другой противорѣчить. Въ сущности ему было очень больно, что умеръ братъ, что брата убили. Дня три послѣ того онъ еще плакалъ. Но подчасъ ему начинало казаться, что безъ Владиміра свободнѣе будетъ жить. Онъ замѣчалъ, что онъ не одинъ такъ думаетъ. Видно было, что и Лидія Ивановна стала понемногу другою. Да и Глафира начала говорить громче. Вотъ ему-то свободнѣе, а говорить громче онъ не рѣшается.

Увидѣвъ Ксенію, онъ обрадовался.

— А, миленькая, здравствуй.

И поцѣловалъ ее въ лобъ.

Эта ласка тронула княжну. Она словно согрѣлась душою и сказала:

— Милый дядя... Я соскучилась по васъ и пришла.

— Да, да, миленькая... Въ томъ-то и дѣло... садись.

Тотчасъ же оказалось, что имъ не о чемъ го-

ворить. Ксенія перебирала все тѣ же мысли. Да и мыслями нельзя было назвать то, что̀ чередовалось въ ея мозгу. Были картины какія-то, очень яркія и вмѣстѣ съ тѣмъ очень неясныя. Представлялись убитый отецъ, загубленный Андрюша, равнодушная мачиха... Мерещился какой-то неопредѣленный ужасъ. Особенно ужаснымъ сталъ ей казаться тупой взглядъ дяди, словно въ немъ таилась цѣлая бездна отчаянія, безнадежности. Господи! Не будетъ конца тоскѣ... А она-то надѣялась, что вся жизнь будетъ хороша. Неужели она своихъ же надеждъ недостойна? Ей сдѣлалось страшно. Она спросила:

— Дядя, который часъ?

Василію Андреевичу тоже было не по себѣ. Онъ радъ былъ прервать молчаніе, посмотрѣлъ на часы и отвѣтилъ:

— Безъ четверти два.

Въ этотъ мигъ раздался глухой звукъ, словно на улицѣ выстрѣлили. Стекла дрогнули.

Ксенія и князь переглянулись.

— Что̀ это? вырвалось у нея.—Опять?

— Что «опять»? недоумѣло спросилъ онъ, и вдругъ имъ овладѣло безпокойство.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну, ничего особеннаго не замѣтилъ.

— Гдѣ нибудь дверью хлопнули, сказалъ онъ.

Едва успѣлъ онъ договорить, какъ раздался вторичный гулъ.

— А! внезапно вскрикнула Ксенія, — убили! Я чувствую, что убили. Дядя, кого убили?

— Полно, полно! заволновался Василій Андреевичъ, мало ли что̀ могло случиться... Можетъ быть въ крѣпости стрѣляютъ.

— Господи! Господи! стонала княжна,—что̀ вы мнѣ говорите, когда я чувствую!

Князь захлопоталъ, поспѣшилъ къ столику, гдѣ стояла вода, налилъ стаканъ племянницѣ. Ему было очень страшно, но онъ не зналъ почему.

— Я пойду, узнаю, предложилъ онъ.

Но Ксенія схватила его за руку. Широко раскрытыми глазами она смотрѣла на него съ ужасомъ.

— Не оставляйте меня! Не оставляйте меня съ мертвецами.

Дверь съ шумомъ растворилась. Вбѣжалъ Николай. Задыхаясь, онъ сказалъ:

— Государя убили... на Екатерининскомъ каналѣ... Бомбой!

Ксенія рванулась къ нему.

— Убили! Я знала, я знала, что убили... Потому что онъ добрый! Папа тоже былъ добръ, его убили... Надо убивать добрыхъ, чтобы злые могли жить! А вы-то, вы-то всѣ, сколько васъ ни на есть, что вы смотрѣли!.. Вамъ любо было слушать, какъ лгутъ и клевещутъ... Вы только слушали... Не уберегли! Не уберегли! Всѣ вы преступники!

Задыхаясь, она упала на руки дядѣ.

— Надо снести ее на кровать, сказалъ Николай,—я позвоню. Подержите ее.

Позвонивъ, онъ сумрачно проговорилъ:

— Конечно, мы всѣ преступники...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

«Однако, разошелся Алексъ»! подумалъ Иванъ Сергѣевичъ и безо всякаго удовольствія продолжалъ читать письмо брата:

«Бываютъ люди, которые носятся со своею честностью, какъ съ вередомъ. Можно подумать, что она имъ мѣшаетъ, до того не умѣютъ они сдѣлать ни одного шага, чтобы не заявить безо всякаго повода: «я честенъ... я неподкупенъ». Они смѣшны, но осуждать ихъ не за что. Осужденіе слѣдуетъ приберечь для тѣхъ, которые нахально гордятся своими недостатками. Въ нихъ говоритъ злость. Ихъ разжигаетъ досада на то, что ни на что хорошее они не способны. Это фанфароны ничтожества и порока. Они напоминаютъ людей, которымъ было бы легче ходить грязными, нежели вымыться. Ихъ наглость— одна изъ разновидностей хамства. И я о ней говорю потому, что ты одинъ изъ наиболѣе типичныхъ ея представителей».

— Погоди, погоди, загну тебѣ отвѣтъ, пробормоталъ Иванъ Хрустовъ,—обрадуешься.

«И какъ же мнѣ не знать въ подробностяхъ, что такое наглость и хамство, когда судьбѣ угодно было, чтобы ты оказался моимъ братомъ. Что же, мнѣ все прощать тебѣ, потому что ты мой братъ? Все прощать можно тому, кого любишь. А я вѣдь тебя не люблю. И вмѣстѣ съ тѣмъ я радуюсь тому, что ты мой братъ, такъ какъ это даетъ мнѣ возможность высказываться. Также пріятно это потому, что я могъ тебя изучить. Въ особенности послѣ 1881 г. сталъ ты интересенъ. Всего три года, а матеріала для наблюденія далъ ты много. Въ прошломъ году, когда умерла наша мать, я подумалъ, не проснется ли въ тебѣ человѣкъ съ добрыми чувствами, но и тутъ ты остался циникомъ. Цинизмъ тоже разновидность хамства. Опять это слово подвертывается мнѣ подъ перо. Коль скоро мое письмо адресовано тебѣ, и коль скоро я хочу высказаться вполнѣ, мнѣ не обойтись безъ такихъ выраженій. И я еще вернусь къ опредѣленію хамства примѣнительно къ тебѣ. Но прежде я хочу сказать, что меня очень занимала твоя сущность за послѣдніе три года. Помнишь, въ началѣ 1881 г. ты мнѣ неоднократно говорилъ, что предвидишь наступленіе дней, когда твое... твое... ну, скажемъ, твое настроеніе станетъ господствующимъ. Ты заранѣе предвкушалъ наслажденіе, которое должно было тебѣ доставить окончательное разрушеніе всѣхъ нравственныхъ устоевъ отечества. Самъ себѣ рисовался ты сибаритомъ анархіи. И такимъ я тебя понималъ. Все правомѣрно существующее тебѣ ненавистно, потому что оно тебѣ мѣшаетъ. Я отлично вижу, что ты въ данномъ

случаѣ не притворяешься. Оно тебѣ дѣйствительно мѣшаетъ. Тебѣ нужно открыть въ мірѣ широкую вакансію всему безправному, занять побольше мѣста. Свои намѣренія и цѣли ты прикрывалъ подчасъ громкими словами, тѣми словами, которыя (это показала намъ еще Франція 1793 г.) становятся особенно модными въ эпоху дрянныхъ поступковъ. Нельзя отрицать, ты торжествовалъ. Ты полагалъ, что будущее принадлежитъ тебѣ и тебѣ подобнымъ. Казалось, будто, того и гляди, на Руси въ такомъ количествѣ народится мухоморъ, что даже для пшеницы мѣста не останется. И вдругъ Русь спаслась. Словно она вся перекрестилась и молвила всему тому, что̀ мусоромъ на нее налегло: «сгинь»! О, сколько злости въ тебѣ было, злости для меня пріятной! Какою былъ ты славною карикатурой на того Мефистофеля, который корчится при видѣ крестообразнаго эфеса шпаги Валентина. Замолкъ праздный гамъ, одурманивавшій всѣхъ. И когда все затихло, Русь какъ будто вспомнила о своемъ правѣ быть Русью. И все то, что̀ имѣетъ право на существованіе, нашло свое мѣсто. Всѣ успокоились, разобрались въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Наскоро сочиненные ярлыки отклеились, чужой нарядъ отпалъ. Люди перестали притворяться, перестали обманывать себя и другихъ. Наступила не эпоха перелома, а эпоха починки и очищенія. Тутъ оказалось, что некуда дѣваться тѣмъ, которыхъ ты такъ славно олицетворялъ. Иные опомнились, другіе раскаялись, третьи присмирѣли. Но ты не опомнился, не раскаялся и не присмирѣлъ. Ты не можешь присмирѣть, потому что жизнь тебя обидѣла, и ты готовъ закричать: «меня ограбили». Ты бирже-

викъ, который сыгралъ на пониженіе и ошибся. Опомниться тебѣ нельзя по той причинѣ, что ты никогда и не увлекался. Тобой руководилъ расчетъ. Набрался ты убѣжденій въ такую пору, когда убѣжденія плохо лежали. Взялъ ты ихъ потому, что надо же было ими воспользоваться. Раскаяться, очевидно, ты не могъ, ибо раскаяніе доступно только искреннимъ людямъ. Тебѣ оставалось одно: упорствовать. О! Я покоенъ: въ анархисты ты не пойдешь; тебѣ извѣстно, что съ ними не церемонятся. Но разрушать ты не перестанешь. Разрушать и вмѣстѣ съ тѣмъ мучиться по поводу своего безсилія. Теперь меня интересуетъ, какъ ты вывернешься, за что̀ возьмешься. Полагаю, что княжну Софью Васильевну ты погубилъ. Очень ужъ она у тебя, такъ сказать, по дорогѣ. Увидимъ. А мнѣ пріятно сознавать, что я шесть мѣсяцевъ тебя не видѣлъ и что ты, разумѣется, не заглянешь въ мѣсто моего провинціальнаго служенія. Здѣсь, однако, много лицъ, съ которыми бы ты сошелся, потому что всякаго хамства не оберешься среди людей, у которыхъ душа на возвышенности не ходитъ, а для сплошныхъ прогулокъ по низовьямъ провинція, что и говорить, очень хороша. Ну, теперь о хамствѣ. Не подумай, что это слово бранное, то-есть, что я его употребилъ въ смыслѣ ругательномъ. Вовсе нѣтъ: оно только опредѣлительное. Называя извѣстное явленіе хамствомъ, я вовсе не наношу ему оскорбленія, между тѣмъ какъ оно однимъ своимъ существованіемъ несомнѣнно меня оскорбляетъ. Хамъ это прежде всего и въ основаніи своемъ человѣкъ невѣжливый. Благовоспитанность его раздражаетъ, и въ общежитіи онъ сносенъ только

тогда, когда знаетъ, что на него могутъ закричать. Онъ судитъ обо всемъ, очень мало зная. Его собственное ничтожество не мѣшаетъ ему гордиться собою. Ему живется хорошо, потому что порядочные люди изъ брезгливости даютъ ему жить: имъ противно съ ними связываться. Онъ сквернословъ сплетникъ и пошлый острякъ. Къ тому же онъ хвастливъ и жаденъ. Вотъ тебѣ общій обзоръ основныхъ чертъ хама... Это, такъ сказать, фонъ. А дальше идутъ разновидности, узоры. Въ иныхъ личностяхъ хамство достигаетъ размѣровъ общественнаго значенія. Оно пріобрѣтаетъ окраску совершенно стихійнаго эгоизма. Въ немъ сказывается сила какого-то огульнаго отрицанія. Оно раскрываетъ, черты своего родства съ анархизмомъ и какъ бы обрѣтаетъ физіономію подъ девизомъ: «на все наплевать»...

— Я получилъ письмо отъ Алекса, сказалъ Сергѣй Виссаріоновичъ, входя.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерла его жена, въ немъ совершилась перемѣна: онъ сталъ еще болѣе робокъ. Прежде онъ боялся только своей жены. Около нея сосредоточивался весь тотъ страхъ, на который способна была его душа. Теперь же постоянная его опасливость какъ бы децентрализовалась. Онъ сталъ бояться рѣшительно всѣхъ, какъ будто боязливость его раскололась и куски ея оказались вездѣ.

Иванъ Сергѣевичъ хмуро проговорилъ:

— Я тоже отъ него получилъ письмо.

— Что̀ онъ тебѣ пишетъ?

— Пошлости...

— Пошлости? недоумѣло повторилъ Сергѣй Виссаріоновичъ,—у меня онъ проситъ позволенія *жениться.* А? Какъ находишь ты это?

— Мнѣ-то что за дѣло! Онъ самъ дуракъ и, очевидно, женится на дурѣ.

Отецъ тоскливо посмотрѣлъ на сына.

— Ты всегда сердишься.

— А вы всегда нюните. Ну, на комъ хочетъ онъ жениться?

— На дочери уѣзднаго предводителя... ее зовутъ Анастасія Александровна Стерлецова.

— Богата?

— Нѣтъ... состоянія не имѣется.

— Ну, развѣ не дуракъ! Конечно, вы его всегда считали разумнымъ. Если бы вы посмѣли, вы бы ставили его мнѣ въ примѣръ. Хорошъ примѣръ! Пошелъ въ захолустные товарищи прокурора и женится на захолустной барышнѣ безъ гроша. И вѣдь замѣтьте: на дочери предводителя дворянства. Это значитъ, что онъ свою программу выдерживаетъ. Наплодитъ этому предводителю внуковъ, которые будутъ нищенствовать. Но, разумѣется, это благородно, безумно благородно! А мы, конечно, хамы, потому что надъ этимъ благородствомъ смѣемся.

Грубая злость встряхивала Ивана Сергѣевича. Онъ могъ бы говорить цѣлый часъ, не ослабивъ ненависти къ брату.

— Что же вы отвѣтите своему благородному сыну? Благословите его.

Сергѣй Виссаріоновичъ съ удивленіемъ проговорилъ:

— Какъ же я могу ему запретить? Я ему позволяю... Почему ты сердишься?

— Я сержусь? Я не сержусь, а смѣюсь... Конечно, отвѣчайте ему скорѣе, что вы очень рады, и вы можете его поздравить, потому что онъ будетъ счастливъ. А про меня знайте, что я

презираю его счастье. Я ненавижу его счастье. Мѣщанское счастье съ дочерью предводителя дворянства! О! торжество пошлости. Я бы хотѣлъ крикнуть ему отсюда: «дуракъ», такъ громко, чтобы онъ тамъ услышалъ.

— Перестань, тихо попросилъ Сергѣй Виссаріоновичъ,—перестань... Я не понимаю.

Иванъ Сергѣевичъ пожалъ плечами.

— Надоѣло мнѣ все. Да, кстати, я тоже рѣшилъ жениться.

— Ты?

— Да, я, на княжнѣ Софьѣ Васильевнѣ. Она дѣвушка съ толкомъ. Вы видите, я тоже придерживаюсь своей программы. И я не дуракъ: я беру приданое. Послѣ смерти Владимира Андреевича состояніе пошатнулось, но тысячъ четыреста за ней дадутъ.

— Ваня, да вѣдь родители тебѣ откажутъ?

— Нѣтъ. А пусть попробуютъ отказать! Мы съ Соней все рѣшили. Откажутъ, устроимъ похищеніе, а тамъ считайся съ совершившимся фактомъ. Отчего откажутъ? Выдали же Вѣру Кормакову, княжескую племянницу, за такого прохвоста, какъ Нефедовъ. Что же я, по-вашему, хуже Нефедова? У меня жизнь впереди, а онъ на семь лѣтъ старше меня. Мой отецъ статскій генералъ и кавалеръ, а онъ братъ бывшей акушерки. Я сегодня же сдѣлаю предложеніе. Свадьба черезъ два мѣсяца, послѣ Крещенія. Вотъ и весь сказъ.

Сергѣй Виссаріоновичъ былъ подавленъ. Ему было очень лестно, что сынъ его женится на племянницѣ покойнаго князя Владимира Андреевича, но повѣрить этому онъ не могъ. При первомъ словѣ Василій Андреевичъ топнетъ ногою и

крикнетъ: «пошелъ вонъ». Это ясно. Хорошо, что Ваня не проситъ его идти къ князю.

— Что же вы не радуетесь? насмѣшливо спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, — это почище свадьбы Алекса. А? Или радость ваша ждетъ, чтобы я просилъ позволенія? Прошу позволенія. Слышите, прошу. Позовите Катю, я при ней буду просить.

Его отецъ растерянно проговорилъ:

— Кати дома нѣтъ... Я не знаю, почему она не возвращается. Поѣхала послѣ завтрака въ Гостиный дворъ. Теперь шесть часовъ...

II.

Константинъ Николаевичъ Нефедовъ пріѣхалъ домой съ большимъ удовольствіемъ. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на Вѣрѣ Михайловнѣ Кормаковой и взялъ за ней крупныя деньги, вся жизнь его стала складываться изъ однѣхъ пріятностей. Отлично чувствовалъ онъ себя дома, въ богатой квартирѣ, съ хорошенькою женой и многочисленною прислугой. Ощущеніе радости испытывалъ онъ, когда выѣзжалъ въ собственномъ экипажѣ, завтракалъ въ дорогомъ ресторанѣ и проводилъ время въ клубѣ, куда попалъ благодаря усиленной протекціи князя Василія Андреевича. И въ промежуткѣ между утренней и вечерней партіей ему доставляло удовольствіе пробыть парочку часовъ дома и думать о томъ, между прочимъ, что первые часы ночи онъ проведетъ въ обществѣ хорошенькихъ женщинъ, которыя находятъ его очень порядочнымъ человѣкомъ, съ тѣхъ поръ, какъ

въ его распоряженіе поступило состояніе его жены. Даже о Зинаидѣ Ивановнѣ Константинъ Николаевичъ думалъ безо всякаго дурного чувства. Что и говорить, она кое-когда стремится ему мѣшать, осуждаетъ его образъ жизни и суется съ непрошенными совѣтами, но вѣдь ровно ничего изъ этого не выходитъ. Вѣрочка вполнѣ подчиняется ему. А лучше жены и не придумаешь.

— Здравствуй, Коко! прощебетала Вѣрочка и кинулась цѣловать мужа.

Она при каждой встрѣчѣ съ нимъ здоровалась и цѣловалась. Ей очень нравилось, что она по отношенію къ мужу усвоила какой-то карикатурный дѣтскій тонъ. По ея мнѣнію, это къ ней очень шло. Будучи маленькаго роста и сознавая себя хорошенькою, она любила широко раскрывать большіе глаза и принимать наивный видъ. Въ супружествѣ ей жилось очень хорошо, гораздо свободнѣе, чѣмъ прежде. Отъ опеки матери она избавилась, а мужъ и не думалъ ее опекать. Своимъ знакомымъ она говорила, что «страшно» любитъ мужа. Въ сущности, ей было пріятно, что онъ красивъ и носитъ дома тужурку гусарскаго покроя. Въ гусарахъ онъ никогда не служилъ, но развѣ это не все равно!

— Здравствуй, Вѣрунчикъ! пробасилъ Нефедовъ, погоди немного. Я переодѣнусь, потомъ будемъ обѣдать, а я тебѣ разскажу много интереснаго.

— О! Какъ хорошо! обрадовалась она.

Одною изъ хорошихъ сторонъ супружеской жизни она считала то обстоятельство, что теперь никакіе разговоры для нея не заказаны.

Открыто можетъ она обсуждать городскія сплетни, говорить, что у такой-то дамы имѣется любовникъ, съ гримасой упоминать о чужомъ развратѣ, читать не совсѣмъ приличныя книжки.

Пришедши въ свою комнату, Константинъ Николаевичъ отдалъ себя въ руки камердинера, который не только помогъ ему переодѣться въ домашній костюмъ, но и причесалъ его. «Экъ, хорошо быть богатымъ!» съ упоеніемъ думалъ Нефедовъ. «Экъ, хорошо, что я женился на Вѣрочкѣ!».

И онъ самъ не хорошо понималъ, какимъ образомъ Кормакова согласилась выдать за него свою дочь. Положимъ, старушка за послѣднее время сильно осунулась и разучилась сопротивляться...

Переодѣтый, онъ пошелъ къ женѣ.

— Здравствуй, Коко.

— Здравствуй, Вѣрунчикъ... Идемъ обѣдать. Матери твоей сегодня нѣтъ?

— Нѣтъ, она, кажется, придетъ сегодня вечеромъ.

— Прекрасно, меня дома не будетъ.

— О! Да, прекрасно! согласилась Вѣрочка.

Ей нравилось, что теперь она можетъ отзываться о матери съ пренебреженіемъ, безъ боязни быть наказанною.

За столомъ она попросила:

— Ну, разсказывай.

Нисколько не стѣсняясь присутствіемъ прислуги, Константинъ Николаевичъ приступилъ къ обычному докладу сплетенъ.

— Слушай. Нумеръ первый. Катя Хрустова пустилась во всѣ тяжкія.

— Что ты? Неужели? Разскажи.

— Мнѣ сегодня въ клубѣ разсказали. Представь себѣ, она каждый день бываетъ у Павлика Чаврова... Знаешь, тотъ, который скачетъ и беретъ всѣ призы... Вотъ уже недѣля, какъ это продолжается.

— Какъ же ты узналъ?

— Да Павликъ нисколько не скрываетъ... И ее видѣли у него его товарищи... И всѣ въ восторгѣ... Находятъ, что она всякую француженку за поясъ заткнетъ. Слышно, что она мастерски просаживаетъ деньги.

— Quelle horreur! съ гримасой произнесла Вѣрочка,—вотъ никакъ не ожидала! А отецъ ея не знаетъ?

— Можетъ быть, и знаетъ. Онъ дуракъ... Въ сущности, иначе и случиться не могло. Покойная мать воспитала ее какъ кокотку. Помнишь, на балахъ она появлялась почти голая. И отлично она сложена.

— Коко! шутливо погрозила Вѣрочка.

Онъ засмѣялся. Она тоже. Имъ было очень весело.

— Итакъ, сказала она,—у Кати Хрустовой любовникъ. Elle sera maintenant une femme perdue...

— Ну, для многихъ это будетъ une femme trouvée! захохоталъ Нефедовъ.—Ну, теперь слушай. Нумеръ второй, столь же поразительный. Княгиня Лидія Ивановна завела интригу съ теноромъ изъ итальянской оперы.

— Что ты? Неужели? Разскажи..

— Это я тоже въ клубѣ узналъ. Самое интересное, что она осыпаетъ его подарками и истратила на него уже около ста тысячъ. А вѣдь хорошенькая. Это глупо.

— La tante Lydie! Comme c'est amusant! Я

непремѣнно разскажу мамѣ. Она будетъ сердиться. О! Коко! Какъ ты сегодня хорошо разсказываешь.

Нефедовъ самодовольно улыбнулся.

— Это еще не все. Нумеръ третій: Даша Скворецъ получила отъ князя Василія Андреевича въ подарокъ особнякъ на набережной. Старикъ совсѣмъ сошелъ съ ума, и отъ его состоянія скоро ничего не останется.

— Даша Скворецъ? Это та, у которой такіе красные волосы? У нея, говорятъ, очень много любовниковъ. А твоя сестра знаетъ, что ея мужъ такъ себя ведетъ?

— Можетъ быть...

— Надо ей сказать.

Константинъ Николаевичъ задумался.

— Сказать? Увидимъ. Если разсержусь, тогда скажу. У нея и такъ много хлопотъ. Николай крѣпко-накрѣпко связался съ Рыбовской, Владиміръ ежедневно производитъ скандалы, а рыжая красавица Софья Васильевна во что бы то ни стало хочетъ выйти замужъ за Ивана Хрустова.

— Все это старо, замѣтила Вѣрочка,—скажи еще что-нибудь новое, Коко.

— Еще что-нибудь новое? Изволь. Нумеръ четвертый, сложный. Германскій императоръ произнесъ тронную рѣчь; въ Петербургъ прибылъ отгадчикъ чужихъ мыслей Ирвингъ-Бишопъ и въ скоромъ времени будутъ судить Мироновича за убійство Сарры Беккеръ.

Вѣрочка обидѣлась и надула губки. Но долго сердиться на мужа она не могла.

— Ты всегда со мной такъ шутишь, словно я совсѣмъ маленькая, пролепетала она нарочито дѣтскимъ голоскомъ.

Обыкновенно Константинъ Николаевичъ отвѣчалъ ей въ тонъ, но на этотъ разъ онъ принялъ озабоченный видъ и приказалъ лакею выйти.

— Потолковать надо, объяснилъ онъ женѣ,— по дѣлу. Сегодня будетъ у тебя Зинаида Ивановна?

— Да.

— Надо тебѣ съ ней поговорить. Вотъ что̀. Очень ужъ она вдается въ религіозность. Ежедневно служитъ молебны да панихиды, жертвуетъ на какія-то обители... того и гляди все состояніе свое раздастъ. У нея осталось пятьсотъ тысячъ?

— Четыреста пятьдесятъ, сказала Вѣрочка, принявъ дѣловой видъ. Брови она сдвинула, взглядъ ея сдѣлался рѣзокъ.

— Ну, вотъ видишь, деньги порядочныя. Столько же, сколько она дала за тобой. Уговори ее все отдать. На что̀ ей деньги? Никто ей не мѣшаетъ жить у насъ.

— Я сама объ этомъ думала. Это трудно устроить.

Нефедовъ отрѣзалъ:

— Надо. Устрой.

Взглядъ Вѣрочки колыхнулся. Въ первый разъ захотѣла она противорѣчить мужу, но смѣлости у нея не хватило. «Развѣ не довольно тѣхъ денегъ, которыя у него уже имѣются?» подумала она. «Развѣ онъ ихъ истратилъ?» Но она ничего не возразила и только рѣшила, что, если мать дастъ еще денегъ, то деньги эти она положитъ въ банкъ на свое имя.

— Хорошо, Коко, я постараюсь.

Они вышли изъ-за стола.

— Ты сегодня куда? спросила Вѣрочка.

Онъ притворно зѣвнулъ.

— Не знаю... Впрочемъ, я обѣщалъ князю Чернскому быть въ балетѣ, а оттуда въ клубъ. Мнѣ же нельзя быть дома: я не хочу присутствовать при твоемъ объясненіи съ Зинаидой Ивановной.

Вѣрочка не огорчалась тѣмъ, что мужъ часто оставлялъ ее по вечерамъ одну. У нея не было ни чувства, ни потребности въ чувствахъ. Ей было пріятно, что мужъ ея, повидимому, играет роль въ обществѣ, а сама она любила окружать себя тусклыми и покорными подругами.

III.

Узнавъ, что княгиня Глафира Николаевна и княжна Софья Васильевна еще не вернулись съ прогулки и что князь Василій Андреевичъ дома, Иванъ Сергѣевичъ почувствовалъ большое облегченіе. Рѣшивъ во что бы то ни стало навести разговоръ на бракъ и просить руки Сони, онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ ея отцомъ, котораго считалъ стороной наименьшаго сопротивленія, и даже нѣсколько опасался Глафиры Николаевны, потому что его нахальство, будучи прекраснымъ орудіемъ въ сношеніяхъ съ нерѣшительными и деликатными людьми, совершенно теряло свою силу, когда приходилось ему имѣть дѣло съ матерью Софьи, женщиной прямыхъ мыслей и неподысканныхъ выраженій.

Онъ довольно бодро вошелъ въ квартиру Могиловыхъ-Стольныхъ, потоптался въ гостиной, пока лакей пошелъ о немъ докладывать. Въ

этой квартирѣ онъ чувствовалъ себя гораздо лучше, нежели въ прежнемъ домѣ на Милліонной, гдѣ ненавистными традиціями его такъ и душило. Послѣ смерти князя Владиміра Андреевича домъ былъ проданъ, и семья распалась. Лидія Ивановна переѣхала съ Ксеніей и Андрюшей въ новую квартиру на Дворцовой набережной, Василій Андреевичъ съ женой и дочерью поселились на Моховой, а Николай и Владиміръ тоже наняли по квартирѣ. И денегъ у всѣхъ стало меньше. Хрустовъ это сознавалъ и находилъ, что надо торопиться.

— Просятъ, доложилъ лакей.

Иванъ Сергѣевичъ кивнулъ и развязною походкой направился въ кабинетъ. Чувствовалъ онъ себя далеко не увѣренно. Видя наступленіе рѣшительной минуты, онъ сталъ находить свои шансы слабыми. Конечно, Соня желаетъ выйти за него. Она уже двумъ отказала. Она и подсказала: «пора». Но если родители заартачатся, пойдетъ ли она на скандалъ? Наконецъ, въ случаѣ скандала, не оставятъ ли ее безъ приданаго?

— Здравствуйте, дорогой и многоуважаемый князь, сказалъ Хрустовъ, входя въ кабинетъ.— давненько мы съ вами не видѣлись.

— Здравствуйте, сумрачно отвѣтилъ Могиловъ-Стольный,—вы были у насъ третьяго дня, но меня не было дома.

Видъ у него былъ не особенно привѣтливый. «Сегодня душа у тебя тѣниста», подумалъ Иванъ Сергѣевичъ. «Опять скверное что-нибудь вышло».

Угадалъ Хрустовъ. Дѣйствительно, у князя были большія непріятности изъ-за Даши Скворца, которая на его счетъ оказывала явныя благо-

дѣянія молодымъ людямъ. Наканунѣ, у него произошла бурная сцена съ ней, и теперь онъ эту сцену безпрерывно перебиралъ въ умѣ, вспоминая слова, чрезвычайно для него обидныя.

— Да, очень жаль, что васъ не было дома... очень жаль, громко проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ, стараясь внушить себѣ способность къ натиску.

Онъ грузно развалился въ креслѣ и подумалъ: «Однако, не отложить ли?»

Василій Андреевичъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Почему жаль?

«Ну, и трудно же имѣть дѣло съ дураками!» мысленно отвѣтилъ Хрустовъ. «Что̀ за глупый вопросъ!»

Онъ пояснилъ:

— Мнѣ всегда пріятно съ вами бесѣдовать.

«Самое главное это то, что Даша требуетъ отъ меня слишкомъ много денегъ», подумалъ князь, и онъ постарался вычислить, сколько имъ за послѣдній годъ истрачено. Но, чтобы не молчать, онъ вяло произнесъ:

— Жены и дочери дома нѣтъ.

Хрустовъ кивнулъ.

— Я знаю. Я, собственно, къ вамъ... Но вы, кажется, чѣмъ-то озабочены.

У Василія Андреевича только-что начала складываться новая мысль: «Самое главное, это то, что она беретъ отъ меня деньги и вовсе мнѣ не благодарна...» Фраза Ивана Сергѣевича заставила его очнуться.

— Озабоченъ? Почему вы такъ думаете? Нѣтъ, я не озабоченъ. У меня все идетъ очень хорошо.

Пуще всего боялся онъ, чтобы его не стали разспрашивать: «о чемъ вы думаете?» Отвѣтить правду нельзя, а сочинять отвѣтъ утомительно.

— А то, знаете ли, если вамъ не до меня, я могу уйти, предложилъ Хрустовъ, еще глубже разваливаясь въ креслѣ.

— Что вы! что вы! заволновался князь, — я просто усталъ, потому что просматривалъ отчетъ деревенскаго управляющаго.

«Ну, значитъ можно», рѣшилъ Иванъ Сергѣевичъ. «Приступимъ».

— Я никогда не былъ у васъ въ деревнѣ, сказалъ онъ,—у васъ, я слышалъ, очень хорошее имѣніе.

— Милости просимъ посмотрѣть, безстрастно проговорилъ князь,—мы васъ приглашали...

— Не удавалось какъ-то. Впрочемъ, я, вѣроятно, увижу вашу усадьбу, если все такъ устроится, какъ я хочу...

— Если все такъ устроится, безсмысленно повторилъ Василій Андреевичъ.

Глаза его выкатились, лицо покраснѣло. У него въ эту минуту обрисовывалась мысль: «Самое главное это то, что Даша меня обманываетъ».

«О! какъ бы я на тебя накричалъ!» подумалъ Хрустовъ. «Что за глупая образина! А ничего не подѣлаешь, надо терпѣть».

— Видите ли, князь, произнесъ онъ съ кривою усмѣшкой, — я рѣшилъ жениться и хочу поговорить объ этомъ съ вами.

Василій Андреевичъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, заставилъ себя быть внимательнымъ къ словамъ собесѣдника.

— Жениться, медленно проговорилъ онъ,—что же, если вы нашли хорошую дѣвушку...

— Очень хорошую. Вы ее знаете.

Могиловъ-Стольный безъ всякой мысли во взглядѣ уставился на Ивана Сергѣевича. Въ его мозгу снова стали назрѣвать соображенія относительно Даши Скворца.

— Вы ее знаете, настойчиво повторилъ Хрустовъ.

— А, знаю... это хорошо.

— Чего же лучше? А такъ какъ вы знаете меня и ее, то вамъ легко будетъ рѣшить вопросъ. Князь, я имѣю честь вамъ доложить, что люблю княжну Софью Васильевну и что она меня любитъ. Съ ея разрѣшенія я прошу у васъ ея руки.

Едва успѣлъ Иванъ Сергѣевичъ произнести эти слова, какъ ему стало до крайности не по себѣ. «Откажутъ, откажутъ!» подумалъ онъ. «По этой глупой рожѣ вижу, что откажутъ».

— Виноватъ, я не о томъ думалъ, сказалъ Могиловъ-Стольный,—вы говорите, что хотите жениться.

Ясно было, что онъ вовсе не слышалъ словъ Хрустова.

Тотъ всталъ.

— Я прошу руки вашей дочери.

— Вы?

Князь побагровѣлъ. Немного растерянный, Иванъ Сергѣевичъ смотрѣлъ на него и думалъ: «Съ чего это онъ? Со злости? Отъ удивленія? Чортъ знаетъ что̀ такое!»

— Да, я, сказалъ онъ, рѣшивъ отдать себя естественному влеченію души и быть нахальнымъ.

Василій Андреевичъ сталъ еще болѣе краснымъ. Можно было ожидать, что съ нимъ слу-

чится ударъ. Предусматривая такую возможность, Иванъ Сергѣевичъ разсудилъ, что это дѣлу не поможетъ.

Наконецъ, князь съ трудомъ произнесъ:

— Вы меня очень удивляете...

— О! удивляю! съ большою развязностью протянулъ Хрустовъ,—удивляю я васъ потому, что вамъ впервые приходится думать о томъ, что до даннаго вопроса относится. Я отлично понимаю, что за послѣднее время у васъ голова не тѣмъ была занята, а то бы вы давно замѣтили, что Софья Васильевна и я любимъ другъ друга. Будьте покойны, Глафира Николаевна несомнѣнно все разглядѣла, но я обращаюсь къ вамъ первому, ибо нуждаюсь въ вашей поддержкѣ. Я знаю, что вы человѣкъ большого ума и будете на моей сторонѣ.

Если бы въ это время князь Василій Андреевичъ захотѣлъ коснуться мыслью до обстоятельствъ, имѣющихъ отношеніе къ Дашѣ Скворцу, онъ навѣрно растерялъ бы всѣ соображенія, какія только въ мозгу составились. Дѣйствительно, ему въ первый разъ приходило въ голову, что Хрустовъ надѣется быть его зятемъ.

— Я не согласенъ, проговорилъ онъ,—я вамъ отказываю. Я не хочу.

И, доведя свою мысль до опредѣленнаго выраженія, онъ почувствовалъ большое облегченіе.

Еще раньше, нежели Могиловъ-Стольный произнесъ свой отвѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ понялъ, что будетъ отказъ. Поэтому слова князя не застигли его врасплохъ.

— Не согласны? Странно. Я думаю, князь, что между нами происходитъ недоразумѣніе.

Прошу васъ быть внимательнымъ. Мы говоримъ не о какой-нибудь Дашѣ Скворцѣ, а о княжнѣ Софьѣ Васильевнѣ.

Василій Андреевичъ всталъ, совершенно свирѣпый. Несмотря на крайнюю затрудненность мышленія, онъ понялъ, что Хрустовъ хочетъ его запугать упоминаніемъ о Дашѣ Скворцѣ. «C'est du chantage», подумалъ онъ и принялся дрожащимъ голосомъ отчеканивать фразы:

— Вы неприличный человѣкъ. Я не позволю вамъ говорить такія глупости. То, что вы сказали, очень глупо и не дѣлаетъ вамъ чести. Я васъ прошу выйти вонъ.

— Вася, въ чемъ дѣло? услышалъ онъ за собой голосъ жены.

Княгиня Глафира Николаевна вошла въ кабинетъ, въ мѣховой шапкѣ, еще красная отъ мороза, очень некрасивая.

«Ну, теперь все пропало!» рѣшилъ Хрустовъ.

Князь сталъ объяснять:

— Иванъ Сергѣевичъ дѣлаетъ предложеніе...

— А! Знаю, въ чемъ дѣло. Погоди немного.

И Глафира Николаевна плотно заперла за собою дверь.

— Теперь мы можемъ разговаривать. Соня у себя въ комнатѣ переодѣвается и не услышитъ. Итакъ, Иванъ Сергѣевичъ хочетъ на ней жениться... Я это знала, но воображала, что онъ разговоръ начнетъ съ меня, поэтому и не безпокоилась, не заводила объ этомъ рѣчи. Чтожъ, теперь поговоримъ. Садись, Вася... Садитесь, Иванъ Сергѣевичъ. Потолкуемъ.

Она сѣла, закурила папироску. Хрустовъ поколебался, не отругаться ли ему просто-напросто и не уйти ли? Но надежда на неожиданность заставила его остаться.

Княгиня затянулась два раза подъ-рядъ, закинула ногу на ногу и сказала:

— Теперь потолкуемъ. Потолковать необходимо, когда дѣло серьезно. Итакъ, вы хотите жениться на Сонѣ. Почему?

Иванъ Сергѣевичъ пожалъ плечами.

— Очень просто. Она меня любитъ и я ее люблю.

— Дѣйствительно просто, согласилась Глафира Николаевна,—только вы сочиняете, что любите ее. Чтобы Иванъ Хрустовъ да кого-нибудь любилъ, это вещь окончательно невозможная. Вы даже не воображаете, что ее любите, а только соображаете, что есть расчетъ любить. А вотъ она воображаетъ, что васъ любитъ. Конечно, только воображаетъ. Ну, скажите пожалуйста, за что васъ любить-то? Пренепріятная вы въ сущности личность, а только въ мозгахъ вамъ не отказано, и вы одурманили дѣвушку идеями, которыя...

— Которыя не могутъ быть вамъ чужды, перебилъ Хрустовъ.

— Ну да, ну да, понимаю, не могутъ быть мнѣ чужды, потому что я въ молодости была акушеркой. Есть такіе умники, которые воображаютъ, что такъ оно и есть. А вотъ я смѣюсь надъ вашими пустозвонными идеями. Знаю я васъ: вы всѣ снизу рычите, чтобы забраться наверхъ. А я вотъ и снизу, и сверху посмотрѣла, получше васъ знаю, кто хорошій и кто дурной человѣкъ. Вотъ почему я тоже вамъ отказываю и говорю вамъ, что не видѣть вамъ моей дочери, какъ своихъ ушей.

Василій Андреевичъ мысленно повторилъ съ одобреніемъ: «какъ своихъ ушей».

— Что жъ! Пусть такъ будетъ! съ притворнымъ смѣхомъ произнесъ Хрустовъ. — Точно нельзя отказать, не говоря непріятностей? Мнѣ съ вами спорить не приходится. Могъ бы я вамъ кое-что отвѣтить на то, что вы заявили относительно моихъ идей, могъ бы вамъ сказать, что вы кое-какія свои убѣжденія обмѣняли на княжескій титулъ... Но не стану. Имѣю честь кланяться. Добраго здоровья.

Быстро вышелъ онъ изъ комнаты, хлопнувъ за собой дверью. Гнѣвъ былъ въ немъ до того силенъ, что причинялъ ему боль, мѣшалъ дышать. Все пропало. Подлецы, отказали! Это воры, которые у него отняли то, что онъ уже считалъ совсѣмъ своимъ. Отняли у него деньги. О! Съ деньгами онъ сумѣлъ бы доказать, что его убѣжденія не пустозвонство!

Въ гостиной онъ столкнулся съ княжною Софьей Васильевной. Она шла къ нему навстрѣчу, очень блѣдная, съ рѣзкимъ взглядомъ.

— Отказали? едва слышнымъ трепетнымъ шопотомъ спросила она.

Онъ злобно повелъ плечами.

— Отказали. Прогнали.

— Прогнали! вскрикнула Соня.

Еще болѣе блѣдная, она положила ему дрожащую руку на грудь.

— Слушай, что̀ я скажу.

Впервые говорила она ему «ты». Хрустовъ вздрогнулъ. Отъ ея красоты на него повѣяло страстью.

— Слушай. Я тебя люблю. Я люблю тебя и твои мысли. Здѣсь я все ненавижу. Скажи только слово, и я пойду за тобой.

Иванъ Сергѣевичъ не выказалъ недоумѣнія,

но былъ удивленъ. Онъ видѣлъ передъ собой чувство, которое переросло его работу. Ему казалось, что онъ можетъ гордиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ боязно стало. Онъ подумалъ: «когда я прикажу, ты придешь, но р
придутъ».

Принявъ очень вдумчивы
— Жди моего рѣшенія. З

885

IV.

— Видишь ли, мама, дѣтс
щебетала Вѣрочка:—если я с
оттого, что хочу, чтобы всѣ бі
у тебя съ моимъ мужемъ
мы вѣдь понимаемъ, что изъ
столько непріятностей!

Заведя разговоръ о дев
мужа, Вѣрочка нашла въ з
вольствіе. Слово «деньги» о
особеннымъ аппетитомъ, как
чемъ-то невѣроятно вкусном
нія Константина Николаевич
собственное желаніе завладѣ
магами матери. Оживилась он
блистали, голосъ звучалъ у
сково, то въ дѣловомъ тонѣ.

Зинаида Ивановна слуша
старѣла она за три года.
спокойствія во взглядѣ. Поя
мящая неувѣренность. Со д
Владиміра Андреевича, она
душой.

Она утомленнымъ голосомъ проговорила:

— Я не хорошо понимаю, чего ты хочешь? Тебѣ и твоему мужу нужно денегъ?

— Ахъ, мама, совсѣмъ не такъ. Ничего намъ не нужно, Деньги у насъ, слава Богу, есть, но намъ очень обидно видѣть, что ты намъ не довѣряешь... Ну, да, не довѣряешь... Отчего ты не хочешь съ нами жить? Отчего у тебя отдѣльная квартира и своя жизнь, которая не идетъ вмѣстѣ съ нашей? Мы и хотимъ, чтобы ты жила у насъ, чтобы мы могли за тобой ухаживать. Тебѣ будетъ такъ хорошо! Ну, разумѣется, тогда всего лучше, чтобы ты намъ все отдала, а то ты все отдашь на разныя духовныя дѣла. Коко очень обижается на то, что ты отдаешь на духовныя дѣла.

Никогда еще Зинаида Ивановна не чувствовала себя такою несчастною, потому что она видѣла свою дочь ничтожной, жалкой. Въ каждомъ словѣ дочери она чуяла ложь, очень наивную и очень дрянную. Всегда Вѣрочка была глупа, но жадности и безсердечія въ ней не замѣчалось. А теперь ясно, что въ рукахъ мужа она стала другою. Вѣрочка и Константинъ Николаевичъ рѣшили овладѣть ея состояніемъ. Какъ гадко, какъ противно! Она выдала дочь за этого человѣка въ дни полнаго ослабленія воли, уступила. Уступила она потому, что хотѣла благодарности въ отвѣтъ. Мечталось ей о томъ, что ласки дочери помогутъ ей жить. И думала она, что будетъ въ молитвахъ своихъ Бога благодарить. А сложилось все такъ, что въ церковь ходитъ она только плакать, къ дочери же приходитъ лишь для того, чтобы страдать.

— Да, да, теперь я понимаю, сказала она,— ты и твой мужъ, вы хотите, чтобы я вамъ все отдала.

— И чтобы ты жила у насъ, дорогая мама, чтобы ты больше ни о чемъ не заботилась.

— Отдамъ, тогда будете благодарны? вырвалось у Кормаковой, — вы поймете, что я захотѣла исполнить ваше желаніе для того, чтобы понять, наконецъ, вашу цѣль, чтобы увидѣть васъ, чтобы перестать сомнѣваться? Понимаешь, я готова заплатить, чтобы васъ увидѣть, и мнѣ нужно, чтобы я васъ увидѣла добрыми. Я знаю, какъ я отдаю, но не знаю, какъ вы берете. Господи, я хочу заплатить, понимаешь, заплатить, чтобы купить счастіе! Я хочу дать деньги за то, чего за деньги достать нельзя.

Слезы подступили у нея къ горлу. Широко раскрывъ глаза, Вѣрочка смотрѣла на нее съ удивленіемъ, ничего не понимая. Довольно опредѣленно усвоивала она, что мать соглашается, дѣлаетъ это сразу, безъ борьбы, но тутъ же огорчена. Въ чемъ же дѣло? Правъ Коко, что у матери за послѣднее время въ мысляхъ не совсѣмъ ладно. Чувствовала Вѣрочка, что надо произнести какія-нибудь слова, но не знала—какія. Ей становилось непріятно, и она жалѣла объ отсутствіи мужа.

Зинаида Ивановна встала, въ волненіи отошла къ окну, потомъ вернулась.

— Вѣрочка, въ тебѣ то ужасно, что ты безсознательная. Тебѣ все можно внушить... О, да что̀ я говорю! Развѣ я-то сумѣла тебѣ что-нибудь внушить? Ни вѣры въ Бога, ни любви къ матери я въ тебѣ не пробудила. Я свое чувство принимала за твое. Конечно, виновата я... Я на-

казана тѣмъ, что я тебя люблю. Можетъ быть даже я тебя не люблю, но не смѣю сама себѣ признаться въ томъ, что мнѣ жалко всей той нѣжности, которую я на тебя израсходовала. Мнѣ хочется оправдать ее, и это заставляетъ меня тебя любить. Понимаешь, заставляетъ. Господи! Я-то говорю, говорю, а ты только думаешь о деньгахъ!

Вѣрочка дѣйствительно думала о деньгахъ и ничего дурного въ этомъ не находила. Больше чѣмъ когда-либо считала она теперь необходимымъ спасти состояніе матери. Вѣдь если не принять мѣръ, все уйдетъ. Мама вѣдь путается въ мысляхъ.

Обиженнымъ тономъ она отвѣтила:

— Я не понимаю, отчего ты сердишься. Если ты не хочешь, тогда просто скажи «нѣтъ»... Я хотѣла, чтобы тебѣ было лучше. Ты нездорова. Тебѣ нужно, чтобы за тобой ухаживали.

— Нужно, очень нужно! съ горькимъ смѣхомъ согласилась Кормакова,—я и прошу: берите деньги, но ухаживайте за мной. Вы не хотите себя подарить, такъ хоть продайте себя.

Послышался звонокъ. Вѣрочка чрезвычайно обрадовалась. Хоть какой-нибудь гость, который положитъ конецъ разговору. Мама два раза повторила, что она деньги даетъ. Дальше пусть разбирается Коко.

— Можетъ быть, твой мужъ? нахмурилась Зинаида Ивановна,—я не хочу съ нимъ говорить. Я отдаю тебѣ, а не ему. Я нуждаюсь не въ немъ, а въ тебѣ. Я себѣ оставлю гроши, но сюда не приду жить. Понимаешь? Завтра отдамъ, завтра.

Услышавъ шаги, она поспѣшно отошла отъ дочери.

Мягкою поступью вошелъ Мерлонъ, красивый, тихій, съ ласковою улыбкой. Поздоровавшись, онъ объяснилъ:

— Я проходилъ мимо вашего дома и зашелъ на огонекъ... Надѣюсь, что я не задерживаю и не помѣшаю...

— Помилуйте, мы очень рады! запротестовала Вѣрочка, довольная тѣмъ, что приходъ Степана Николаевича избавляетъ ее отъ продолженія такого разговора, который сбивалъ ее съ толка,— Мама, это Степанъ Николаевичъ... Садитесь здѣсь, Степанъ Николаевичъ. Моего мужа нѣтъ дома. Vous me tiendrez compagnie... Садитесь, пожалуйста.

Разсѣянно отвѣтивъ на поклонъ Мерлона, Зинаида Ивановна сѣла. Ей было не по себѣ. Плакать хотѣлось. Она думала: «Всегда я знала, что дочь меня не любитъ, но прежде она хоть боялась меня, а теперь она прямо заявляетъ, что меня не любитъ, что ей нужны мои деньги. Всѣ мы стали другими съ тѣхъ поръ, какъ убитъ мужъ Лиды».

И вздрогнула она, услышавъ, о чемъ говорятъ Степанъ Николаевичъ и ея дочь.

Мерлонъ смѣялся.

— Представьте, сегодня я узналъ, что убійцу князя Владиміра Андреевича все еще продолжаютъ искать.

— Я думаю, его теперь уже не найдутъ, сказала Вѣрочка, хотя она ровно ничего по этому дѣлу не думала.

— Вотъ именно. Столько времени прошло, что уличить нельзя. Андрюша, единственный свидѣтель, никогда не признаетъ убійцы. Онъ вѣдь совсѣмъ идіотъ.

— О, да, совсѣмъ идіотъ, съ радостною улыбкой согласилась Нефедова, безупречная въ своей безотносительности ко всему, что не затрогивало ея лично.

«Андрюша совсѣмъ идіотъ». Эти слова гуломъ набата прозвучали въ ушахъ Кормаковой. Въ томъ, что случилось съ Андрюшей, она видѣла крайнее проявленіе ужаса, обрушившагося на семью. Тутъ центральная чернота, отъ которой идутъ какъ бы лучи мрака, упирающіеся въ нее, измученную, потрясенную, въ почти обезумѣвшую Ксенію, въ цѣлый рядъ лицъ, измѣнившихся подъ вліяніемъ несчастья. Да, пострадали только любящіе, а всѣ другіе словно заторжествовали. Лидія сдѣлалась циничной, Соня злѣй, Володя наглѣй. Владиміръ Андреевичъ былъ солнцемъ. Это солнце погасло.

— Что, вы попрежнему пишете? внезапно спросила она Мерлона, рѣзкимъ голосомъ. Ей хотѣлось найти поводъ сказать ему непріятность.

Съ привѣтливымъ видомъ, Степанъ Николаевичъ отвѣтилъ:

— Случается...

— Прежде, помнится, вы писали статейки либеральнаго характера... Впрочемъ, какъ бы это выразить, собственно не либеральныя, а съ намеками противъ властей. Покойный Владиміръ Андреевичъ называлъ ихъ выходками противъ господъ.

— Ахъ, какъ былъ остроуменъ покойный князь! сочувственно произнесъ Мерлонъ съ ласковою улыбкой, которая тотчасъ же отразилась на лицѣ Вѣрочки, — его каждое слово памятно даже тогда, когда оно несправедливо... Впрочемъ, я не стану отрицать, что въ былое время я былъ

не такимъ, какимъ сталъ теперь. Даже самый скромный публицистъ не можетъ избѣжать воздѣйствія окружающей среды. Будьте увѣрены, отъ многаго я отрекся, во многомъ усмотрѣлъ я свои заблужденія. Я сознаюсь въ этомъ откровенно.

— Такъ, такъ, подтвердила Зинаида Ивановна,—надо быть очень откровеннымъ, чтобы сказать: «я ловлю настроенія»...

Степану Николаевичу было очень непріятно слушать такія слова. Но у него было правило: никогда не обижаться.

— Если бы я не боялся наскучить Вѣрѣ Михайловнѣ, мягко проговорилъ онъ,—я бы взялъ на себя смѣлость объяснить, что не вижу большой заслуги въ упорствѣ. Все мѣняется. Наше дѣло прислушиваться къ тому, чего требуетъ Россія. Ея требованія измѣняются, потому что она живой организмъ.

Ему самому понравилась эта фраза.

Вѣрочка наводила удивленный взглядъ то на него, то на мать. О чемъ они толкуютъ? И Мерлонъ не находитъ, что мама не въ своемъ умѣ?

— Превосходно! со смѣхомъ объявила Кормакова,—я очень рада. Я съ тѣмъ только и начала разговоръ, чтобы наслушаться прекрасныхъ словъ. У васъ ихъ очень много, оттого что они вамъ страшно нужны. Я даже не знаю, что бы вы дѣлали, если бы такихъ словъ не имѣлось. Я бы обошлась безъ нихъ, а вы нѣтъ. Право, вы очень далеко пойдете. Не поспѣть за вами другимъ людямъ, тѣмъ, у которыхъ словъ не хватаетъ. Ну, я ухожу. До свиданія, Вѣрочка. Я помню твое желаніе и исполню его. До свиданія, Степанъ Николаевичъ. Надѣюсь, вы въ

будущій разъ мнѣ скажете много прекрасныхъ словъ.

Она нагнулась къ дочери, чтобы ее поцѣловать, но раздумала и, махнувъ рукой, быстро вышла.

— Зинаида Ивановна за послѣднее время сдѣлалась очень нервна, замѣтилъ Мерлонъ и выразилъ на своемъ красивомъ лицѣ сочувствіе.

— О! И не говорите! Просто ужасно! растерянно проговорила Вѣрочка,—простите, я должна ее проводить.

Когда она вышла, Степанъ Николаевичъ всталъ, прошелся по комнатѣ и оглядѣлъ себя въ зеркалѣ. Своею наружностью онъ остался чрезвычайно доволенъ.

«Да, я красивъ!» рѣшилъ онъ и ощутилъ пріятное чувство увѣренности въ себѣ.

Вѣрочка вернулась.

— Простите, что я васъ оставила. Такъ вы тоже замѣчаете, что мама ненормальна?

— Маленькія странности бросаются въ глаза, согласился Мерлонъ,—нѣкоторая раздражительность. Мы, наблюдающіе жизнь, очень чутки къ разнымъ неуловимымъ подробностямъ.

Онъ сѣлъ поближе къ Нефедовой.

— Мнѣ глубоко васъ жаль, сказалъ онъ,—мое сердце болитъ за васъ, потому что я все вижу.

Эти неожиданныя слова доставили Вѣрочкѣ удовольствіе. Ей всегда казалось, что нѣтъ болѣе пріятнаго чувства, какъ ощущать ласковую жалость окружающихъ. Тѣмъ самымъ какъ бы говорятъ: «Всѣ люди не такъ хороши, какъ вы».

Степанъ Николаевичъ продолжалъ:

— Вы лишены самой дорогой поддержки, вы лишены матери, которая уже не можетъ отно-

ситься къ вамъ, какъ вполнѣ разумный человѣкъ. Сдается мнѣ, что и Константинъ Николаевичъ недостаточно васъ цѣнитъ.

Тутъ Вѣрочка обидѣлась.

— Мой мужъ? Почему? Онъ меня любитъ!

«Сказать, что онъ ей чуть ли не съ перваго дня измѣняетъ?» задалъ себѣ вопросъ Мерлонъ. «Нѣтъ, лучше подождать. Успѣется».

— О, да! Онъ васъ любитъ. Васъ нельзя не любить. Много ли въ обществѣ найдемъ мы такихъ чуткихъ женщинъ, красиво воспитанныхъ душъ...

И Степанъ Николаевичъ сталъ хвалить душевныя качества Вѣрочки. Она слушала и думала: «Да, я очень хорошая... Я всегда знала, что я хорошая, а мама меня все бранила. Теперь она не смѣетъ меня бранить, но увѣрена, что я дурная».

А Мерлонъ, произнося звучныя фразы проникающимъ въ душу голосомъ, соображалъ, что въ сущности ему не отыскать болѣе удобной для его цѣлей женщины, чѣмъ Вѣрочка. Во-первыхъ, она глупа. Съ глупыми всего легче справляться. Во-вторыхъ, принциповъ въ ней не замѣчается. Это тоже совсѣмъ хорошо. Въ-третьихъ, она хорошенькая. Наконецъ, и тутъ самое главное, она богатая. При нѣкоторыхъ условіяхъ пріятнѣе имѣть богатую подругу, нежели богатую жену.

Рѣшивъ, что наступила минута, онъ, продолжая говорить, взялъ Вѣрочку за руку.

Она вздрогнула, руку высвободила, широко раскрыла глаза. Что такое?

— Я васъ люблю! съ чувствомъ сказалъ Степанъ Николаевичъ и глубоко былъ пораженъ,

увидѣвъ, что Вѣрочка хохочетъ. Смѣхъ ея, сперва тихій и ровный, быстро сдѣлался громкимъ, звучной дробью переливался, дразнилъ, сталъ прямо-таки оскорбительнымъ.

— Тутъ ничего нѣтъ смѣшного! обиженно произнесъ онъ.

Она ничего не могла отвѣтить, смѣхъ ее душилъ. Наконецъ, со слезами на глазахъ она произнесла:

— Какой вы смѣшной! Вы воображаете...

Больше ничего не въ силахъ она была сказать.

Мерлонъ всталъ, съ оскорбленнымъ достоинствомъ поклонился и направился къ двери, надѣясь, что его удержатъ. Но только смѣхъ Вѣрочки провожалъ его.

Еще въ теченіе нѣсколькихъ минутъ послѣ его ухода, къ Вѣрочкѣ приступали взрывы хохота. Ничего болѣе смѣшного не могла она себѣ представить, какъ мысль о томъ, что она въ кого-нибудь влюбится, станетъ искать любовныхъ поцѣлуевъ. Знала она, что съ другими это бываетъ, любила объ этомъ говорить, но сама, весело безстрастная, не могла себя вообразить любящею какого-нибудь мужчину. Мужъ — другое дѣло. Мужъ это то, что полагается. Пріятно даже имѣть красиваго мужа, чтобы не противно было на него смотрѣть. Mais toutes ces histoires d'amour sont bien bêtes!

V.

Сергѣй Виссаріоновичъ, посвятивъ часть воскреснаго дня отданію визитовъ сослуживцамъ, вернулся домой въ четыре часа. Ему было непріятно думать о томъ, что отъ четырехъ до

шести у него не будетъ никакого дѣла. Всѣ текущія служебныя работы закончены, и заняться нечѣмъ. И о томъ, что можно почитать книжку, старикъ Хрустовъ даже не вспомнилъ. Онъ никогда ничего не читалъ, кромѣ того, что имѣло ближайшее отношеніе къ его занятіямъ по министерству. Даже въ газетахъ просматривалъ онъ только телеграммы, да и то безъ всякаго интереса. Его воспріятіе относительно писательскихъ вымысловъ давно уже атрофировалось, съ тѣхъ поръ какъ романы Майнъ-Рида уступили въ его библіотекѣ мѣсто казеннымъ изданіямъ. Онъ не находилъ, чтобы ему отъ этого стало житься тяжелѣе. Но мысль его, никогда ничѣмъ не отвлекаемая отъ того, что касалось его личной жизни, сдѣлалась безцвѣтною и безсильною.

«Въ теченіе двухъ часовъ я буду отдыхать», рѣшилъ онъ.

Отдыхать это для него значило замереть въ тягучемъ безмысліи, тихо перебирать въ умѣ картины прошлаго. Прежде ему рисовалось иногда будущее. Съ годами это прошло. Онъ не мечталъ, потому что ему ничего не хотѣлось. Незачѣмъ было заглядывать въ завтрашній день. Завтра будетъ то же, что и вчера. Новыхъ настроеній не зародится. Когда жена была жива, она иногда навязывала ему стремленія. Случалось ему добиваться отличій, чтобы исполнить ея желанія. Умерла она, и часть его маленькой воли словно сошла въ могилу. Съ отъѣздомъ Алекса также произошла перемѣна. Алексъ постоянно чего-нибудь требовалъ, вызывалъ вокругъ себя душевныя движенія, подобно тому *какъ камень*, падающій въ воду, заставляетъ

ее трепетать. Остались теперь Иванъ и Катя. Иванъ совсѣмъ чужой человѣкъ. Онъ похожъ на квартиранта, который равнодушенъ къ домохозяину, лишь бы тотъ хоть въ день смерти своей невѣсты думалъ о ремонтѣ печей и о правильной службѣ дворниковъ. Это ему, старику, обидно, а между тѣмъ онъ все-таки любитъ Ивана, то-есть хочетъ, чтобы тотъ былъ доволенъ. Никогда этого не бываетъ. Катя лучше, она часто выказываетъ радость, желаетъ иногда быть ласковою. И если бы она вышла замужъ, въ квартирѣ стало бы совсѣмъ мертво. Ей двадцать четыре года. Конечно, странно, что жениховъ нѣтъ. Алексъ объяснялъ: «Слишкомъ вольно воспитали, жениховъ спугнули». Алексъ всегда слишкомъ строго ко всему относится. Катя не выходитъ замужъ потому, что у нея нѣтъ приданаго. Тутъ строгость не поможетъ. Не держать же для нея, двадцатичетырехлѣтней, гувернантку. Напротивъ, извѣстная свобода должна помочь. А если она не выйдетъ замужъ, тѣмъ лучше. Не доживать же ему свой вѣкъ въ одиночествѣ. Эгоизмъ это? Вовсе нѣтъ. Нельзя быть эгоистомъ и любить, а дочь онъ любитъ.

— Ивана Сергѣевича еще нѣтъ, а барышня дома, отвѣтила горничная на вопросъ Сергѣя Виссаріоновича.

Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, увидѣлъ у себя на столѣ письмо. Городской штемпель, почеркъ незнакомый.

Раньше чѣмъ распечатать, Хрустовъ подержалъ письмо въ рукахъ, стараясь угадать, кто это къ нему пишетъ. Каждый разъ, когда приходили письма съ адресомъ, написаннымъ незнакомою рукой, въ немъ поднималось стран-

ное ощущеніе. Какъ будто онъ ожидалъ, что въ конвертѣ внезапно окажется радость. Все то, что ему извѣстно, давно перестало давать счастье. Только отъ неизвѣстнаго и можно ждать чего-нибудь свѣтлаго. Иногда, если въ неурочный часъ раздается звонокъ, представляется, что сейчасъ въ квартиру войдетъ что-то хорошее.

«Впрочемъ, это, навѣрно, какія-нибудь просьбы!» заранѣе огорчился старикъ.

Онъ сѣлъ за письменный столъ, вскрылъ конвертъ, взглянулъ на подпись. «Одинъ изъ вашихъ друзей»... Анонимное. Доносъ на кого-нибудь изъ министерскихъ писарей...

Сергѣй Виссаріоновичъ принялся читать:

«Доброжелатель, предпочитающій остаться неизвѣстнымъ, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ обратить ваше вниманіе на то, что дѣлается около васъ. Поговорите со своей дочерью»...

Вздрогнувъ, Хрустовъ опустилъ письмо. Ужасъ обуялъ его. Про его дочь! про Катю! Что-нибудь такое, чего не надо знать! И, навѣрно, правда, такая, которая хуже лжи.

Онъ едва не разорвалъ письма. Но вѣдь этимъ не заставишь замолчать. За первымъ письмомъ можетъ придти второе.

Вздохнувъ, глубоко несчастный, Хрустовъ продолжалъ чтеніе, медленно переходя отъ буквы къ буквѣ, словно трусливый самоубійца, нерѣшительно всаживающій въ себя кинжалъ.

«Поговорите со своей дочерью, постарайтесь узнать, чѣмъ она занимается въ обществѣ поручика Чаврова, у котораго ежедневно проводитъ время»...

— Вотъ, вотъ, прошепталъ Сергѣй Виссаріоновичъ, блѣдный.

Губы его дрожали, въ груди было ощущеніе тошноты.

...«проводитъ время. Какъ слышно, Чаврову это удовольствіе стоитъ большихъ денегъ, а то, что онъ получилъ за свои деньги, вѣроятно, теперь уже не имѣетъ цѣны».

На этомъ и кончалось письмо. Хрустовъ откинулся на спинку кресла въ мучительномъ отчаяніи.

«За что! За что!» думалъ онъ. «Почему несчастіе, и почему его несчастіе другихъ радуетъ? Всю свою жизнь онъ провелъ такъ, чтобы никому не мѣшать, всѣмъ уступать. Онъ не жилъ, а просилъ позволенія жить... И его ненавидятъ, радостно издѣваются надъ нимъ. Катя! Не пожалѣла! Ни себя, ни отца не пожалѣла! О! всѣ знаютъ»!

Съ ужасомъ и стыдомъ Сергѣй Виссаріоновичъ вспомнилъ, что за послѣднее время онъ замѣчаетъ какую-то неловкость въ своихъ сношеніяхъ съ сослуживцами. Точно они вопросительно на него поглядываютъ, едва ли не сторонятся. Иногда при его появленіи разговоръ прекращается. А сегодня старикъ Зволынцевъ былъ съ нимъ особенно сухъ.

Еще тяжелѣй стало Хрустову, когда онъ понялъ, что отъ него требуются поступки. Анонимное письмо съ тѣмъ и послано, чтобы онъ произвелъ рядъ дѣйствій. Ему самому ясно, что онъ не можетъ притворяться, будто не получилъ письма, ни передъ самимъ собой притворяться не можетъ, ни предъ людьми. Онъ хотѣлъ бы убѣжать отъ будущихъ минутъ, но ему негдѣ отъ нихъ скрыться. Мало того, онъ долженъ эти минуты сотворить. Да, все зависитъ отъ того, что

онъ скажетъ и сдѣлаетъ. Онъ долженъ призвать Катю!..

Страшно стало ему. Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и снова опустился въ кресло. Силъ не было. А все-таки нужно, нужно. То, что его мучитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣваетъ. Позвать Катю? Но какъ упрекать, когда самому стыдно. Хоть бы Ваня былъ дома... О! какъ хорошо, что Алекса нѣтъ!

Часы пробили пять. Сергѣй Виссаріоновичъ посмотрѣлъ на нихъ съ боязливою ненавистью, какъ будто они ему прокричали: «Пора, чего ты ждешь!».

— Вотъ, вотъ, прошепталъ онъ и раньше, нежели въ дѣйствительности на это рѣшился, онъ крикнулъ:

— Катя!

Тотчасъ же захотѣлось ему, чтобы дочь не услышала его голоса. Больно до слезъ стало ему, когда изъ дальней комнаты раздался отвѣтъ дочери:—«Я иду».

Мысль его заметалась. «Что̀ я ей скажу? Какъ я начну? Что̀ она отвѣтитъ? Что̀ будетъ»?

Онъ былъ неподвиженъ, но испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто его всего кидаетъ изъ стороны въ сторону. Въ первый разъ въ жизни позналъ онъ настоящее страданіе, впервые началъ жить душою и тутъ же увидѣлъ въ себѣ желаніе умереть.

Вошла Катя. Похорошѣла она за послѣдніе годы. Ея грубая красота словно вполнѣ опредѣлилась, выразилась въ типѣ валкиріи. У нея была такая наружность, которая не могла пройти незамѣченною. Немного непріятенъ былъ ея взглядъ. Въ глазахъ ея сказывалось что-то напоминающее ея брата Ивана.

— Что̀ тебѣ нужно? спросила она отца такимъ тономъ, который ясно говорилъ, что она рада бы была поскорѣй отдѣлаться и вернуться къ себѣ въ комнату.

Сергѣй Виссаріоновичъ понялъ это. Въ тотъ же мигъ въ его памяти стянулись всѣ случаи, когда выяснялось, что онъ не умѣетъ быть въ домѣ хозяиномъ. Совершенно неожиданно для него самого поднялось въ немъ чувство протеста. Хотѣлось стучать кулакомъ по столу и говорить громкимъ голосомъ.

— Подойди, сказалъ онъ, — подойди поближе. Ты не на одну минуту сюда пришла.

Катя пытливо взглянула на него и подошла. На ея лицѣ промелькнуло выраженіе тревоги.

Отецъ далъ ей письмо.

— На, прочитай.

Медленнымъ движеніемъ взяла она изъ рукъ Сергѣя Виссаріоновича листокъ почтовой бумаги и стала читать. Съ первой же строчки она покраснѣла. Отецъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, какъ постепенно исчезаетъ все то, что до сихъ поръ дѣлало его трусомъ. Злоба зарождалась въ немъ, похожая на храбрость. Ему даже казалось, что онъ наслаждается, потому что наказываетъ.

Катя дочитала анонимное письмо, опустила дрожащую руку и, красная, посмотрѣла на отца. Молчала она, ждала его словъ. Она была готова лгать, но еще не знала, можно ли ложью избавиться отъ объясненія съ отцомъ.

— Что̀! вскрикнулъ онъ, — что̀! Видѣла! Ты довольна! Опозорила! Никого не пожалѣла! О негодная!

Онъ кричалъ безтолково, какъ человѣкъ, чув-

ствующій, что если онъ не будетъ кричать, то другіе станутъ кричать на него.

Съ первыхъ же его словъ Катя преобразилась. Она откинула голову назадъ, ноздри ея раздулись, взглядъ обострился, сходство ея съ Иваномъ обозначилось рѣзко.

— Зачѣмъ ты кричишь! злобно отчеканила она,—надо было это дѣлать раньше.

Онъ примолкъ, пораженный.

Пожавъ плечами, дочь его продолжала:

— Ну, да, въ этомъ письмѣ написана правда. Совершилось то, что ты называешь позоромъ. Я себя не уберегла? О! какъ бы я могла крикнуть: «зачѣмъ вы всѣ меня не уберегли?» Ты хочешь меня бранить? Хорошо. Но мы будемъ бранить другъ друга. Въ тебѣ все говорило мнѣ: «поступай какъ тебѣ угодно». И я такъ и сдѣлала. Я себя погубила, я себя опозорила, я себя продала. Да, продала, потому что у меня теперь есть деньги. Теперь, когда все уже случилось, всѣ окажутся налицо, а гдѣ были вы, когда надо было меня оградить. Ты хочешь меня бранить? А развѣ я счастлива? Развѣ я не понимаю? Я все понимаю, и меня никто не обманулъ. Отлично знала я, что̀ я дѣлаю. Я рѣшилась, потому что мнѣ стало скучно. О! какъ скучно! На все я согласна, кромѣ этой скуки. Я пропала? Ну, и отлично. Хорошо, что ты это узналъ... Прошло то, чего я боялась. Теперь тебѣ все извѣстно.

— Стыда у тебя нѣтъ!—съ ужасомъ произнесъ Сергѣй Виссаріоновичъ.

Въ Катѣ окончательно прорвалось негодованіе.

— Нѣтъ у меня стыда? А откуда ему быть? Я такая, какою меня сдѣлали. Это въ тебѣ только

много стыда, въ тебѣ даже ничего нѣтъ, кромѣ стыда, нѣтъ любви, никакихъ другихъ чувствъ. Вотъ почему мнѣ было скучно. Вотъ почему я рада, что могу сказать «прощайте». Я ухожу. Прощайте.

Она пошла къ двери.

— Стой! жалобно вскрикнулъ старикъ.

Остановилась она, повернулась къ отцу и съ большою тоской проговорила:

— Ради Бога, будь со мною золъ, а то и силы не хватитъ. Да, ты можешь меня удержать... ты можешь сказать такія слова. Не говори ихъ. Все равно, возврата нѣтъ.

Хрустовъ подошелъ къ ней, смиренный и несчастный.

— Не покидай меня. Я тебѣ все прощу, только не оставляй меня...

Дрогнулъ взглядъ Кати, смягчилось выраженіе ея лица.

— Папа, ласковымъ голосомъ произнесла она, и вдругъ точно вспомнила, что нельзя поддаваться, и грубо крикнула:

— О! Оставь меня въ покоѣ. Я всѣхъ ненавижу. Прощайте всѣ.

— Въ чемъ суть? спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, входя.—Бурное объясненіе? Даже въ передней слышно.

Сестра посмотрѣла на него съ ненавистью.

— Ну, съ тобой я совсѣмъ разговаривать не желаю.

И вышла.

Иванъ Сергѣевичъ фыркнулъ.

— Существо тоже, нечего сказать. А въ чемъ, однако, суть? У васъ видъ довольно ошарашенный...

— Твоя сестра пала, коротко объяснилъ Сергѣй Виссаріоновичъ.

Ему самому показалось страннымъ, что онъ съ такою легкостью произноситъ эти слова. «Потому что я несчастенъ», рѣшилъ онъ. «Потому что я не могу постоянно думать только о другихъ».

— Что-о? протянулъ его сынъ, не сразу понявъ, а потомъ разразился хохотомъ.—Здорово! Воображаю физіономію Алекса, когда онъ узнаетъ!

— Пала и уходитъ отъ насъ... Вотъ, прочитай письмо.

Съ большимъ интересомъ Иванъ Сергѣевичъ взялъ анонимное письмо.

— Недурно, сказалъ онъ,—сюрпризъ! Ну, что же дѣлать... Разстраиваться нечего. Всяко бываетъ.

Сергѣй Виссаріоновичъ сталъ чувствовать себя легче.

— Что же намъ предпринять?

— Да ровно ничего. Скандалить нѣтъ никакого расчета. Теперь уже поздно. Самое лучшее—предоставить все естественному теченію и умыть руки.

— И умыть руки, покорно повторилъ отецъ.

Слова сына хорошо прилаживались къ его эгоизму.

— Ты думаешь, что...

— Да, да, я уже вамъ объяснилъ... Впрочемъ, мы за обѣдомъ потолкуемъ. Ко всему слѣдуетъ относиться просто. Еще полчаса осталось до обѣда. Я, можетъ быть, поговорю съ Катей, да и письмо написать необходимо.

Его спокойствіе вселило въ Сергѣя Виссаріоновича какое-то тусклое уныніе. Онъ почувствовалъ большую усталость, въ сознаніи произведенныхъ душевныхъ усилій.

Иванъ Сергѣевичъ пошелъ къ себѣ. Положительно, ему было очень весело. Случай съ Катей относился къ разряду тѣхъ событій, которыя никакъ не могли его возмущать.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ горничную. Она ему съ испугомъ сказала:

— Барышня сейчасъ ушли съ чернаго хода, приказали уложить ихъ вещи...

«Скоро, однако!» подумалъ Иванъ Сергѣевичъ и спокойно проговорилъ:

— Да, да, я знаю. Это ничего.

Онъ пошелъ въ свою комнату, сѣлъ за письменный столъ, старательно разложилъ листъ почтовой бумаги большого формата и принялся писать письмо Алексу:

«Я не знаю, ждалъ ли ты вообще отвѣта на свое празднословное посланіе. Что касается до меня, то я первоначально предполагалъ вовсе тебѣ не отвѣчать и оставить твои глупыя соображенія безо всякаго вниманія, но потомъ раздумалъ и даже теперь нахожу нѣкоторое удовольствіе въ томъ, чтобы написать тебѣ письмо.

«Слѣдовать за тобой въ разсужденіяхъ о хамствѣ я не намѣренъ, полагая, что это заставило бы меня слишкомъ долго говорить о людяхъ, воображающихъ себя умными. Но относительно настроеній общества и твоихъ превосходныхъ предсказаній мы потолкуемъ. Какъ ты похожъ на страуса, который, зарывъ себѣ голову въ песокъ и ничего не видя, воображаетъ, будто тѣмъ самымъ оградилъ себя отъ опасности. Если же ты похожъ на человѣка, то исключительно на такого, который и съ открытыми глазами ничего не замѣчаетъ. Зарылся ты въ глушь, собираешься зарыться въ пошленькую семейную жизнь и

уподобляешься тому польскому королю, что говорилъ: quand j'ai bu toute la Pologne est ivre. Сиди себѣ въ пыльной норѣ и не разсуждай. Лучшаго совѣта тебѣ дать не могу. Ты утверждаешь, что миновали настроенія, раздражавшія тому назадъ года три, четыре твою душу? А какое намъ дѣло до настроеній, когда результаты этихъ настроеній остались! Настроеніе ничего не значитъ, а фактъ могучъ. Фактами опредѣляется урожай отъ посѣва, произведеннаго настроеніемъ. Угнетенная невинность, выгляни изъ мѣшка, посмотри кругомъ. Не напрягай своего зрѣнія, не ищи далеко. Факты имѣются и очень близко къ тебѣ. Это-то и смѣшно. Они лежатъ тамъ, гдѣ ты могъ воздѣйствовать. Крѣпнетъ семья? А княгиня-то Лидія Ивановна собирается просадить свое состояніе на итальянскаго тенора. А князь Василій Андреевичъ смѣшитъ весь Петербургъ своею связью съ Дашей Скворцомъ. Или брачный союзъ Вѣры Кормаковой съ шарлатаномъ Нефедовымъ представляется тебѣ необыкновенно убѣдительнымъ? А можетъ быть, ты искалъ подтвержденія своимъ взглядамъ въ томъ обстоятельствѣ, что я женюсь на княжнѣ Софьѣ Васильевнѣ? Глупъ же ты. Не ты одинъ логиченъ. Я тоже. Меня и Соню объединитъ, можетъ быть, бракъ, а можетъ быть, и свободная любовь, такъ и знай. Нравы поправились? Ха! Давно я такъ не смѣялся. Почему наша родная сестра бѣжала изъ родительскаго дома для того, чтобы услаждать досуги поручика Чаврова и ближайшихъ его замѣстителей? Вижу твое огорченіе, твое смущеніе. Вижу и радуюсь, потому что жизнь назвала тебя въ моемъ присутствіи дуракомъ. Ты скажешь, Катя и мнѣ сестра. Да, сестра. Ну,

такъ что же? Почти всякая кому-нибудь да сестра. И что я за исключеніе такое, что съ моею сестрой ничего случиться не должно! Впрочемъ, можетъ быть, я утѣшаюсь тѣмъ, что она и тебѣ приходится сестрой. Вотъ это и забавно: сестра велерѣчиваго Алекса и такую крайность проявила! Итакъ, всякихъ подробностей привелъ я тебѣ достаточно. Это то, что мы знаемъ. Но ты представь себѣ все то, о чемъ мы не имѣемъ понятія. А? Прошлое-то оказалось плодовито. А вотъ посмотримъ, что народятъ теперешніе трезвые дни. Весьма забавно толкуешь ты о Руси. Носишься ты съ этимъ словомъ, какъ будто ты его изобрѣлъ. Отчасти, конечно, оно сочинено тобой, потому что никакой Руси нѣтъ. Или мы условимся называть Францію Галліей? Ну, тогда другое дѣло. Съ вами, архаистами, очень смѣшно вести бесѣду. Постоянно попадаются у васъ какія-то ископаемыя Америки. Но, такъ и быть, поговоримъ серіозно. Повѣрь, силы у насъ не равны. Ты стоишь за прошлое, а я за будущее. Прошлое тебя связываетъ, а я въ будущемъ ничѣмъ не стѣсненъ. Мнѣ доступно творчество, которое ты воленъ называть разрушеніемъ. Наконецъ, съ какой стати я буду скрывать, что я въ дѣйствительности желаю разрушенія? А развѣ ты тоже не разрушитель? Вся разница между нами заключается въ томъ, что я сержусь на существующее, а ты кидаешься на то, что еще не успѣло зародиться. Когда мнѣ мѣшаютъ, я прошу, чтобы мнѣ хоть оставили свободу ненавидѣть, смѣяться, презирать. Ненависть, смѣхъ и презрѣніе тоже творческія силы. И помощниковъ-то у меня сколько, разнаго рода сотрудниковъ! Вотъ это тебя и сердитъ. Я понимаю и

то, что онъ счастливъ, постоянно улыбается и радостно сматываетъ да разматываетъ красную шерсть. Доктора давно перестали имъ заниматься. Все равно, говорятъ, неизлечимо, отдайте его въ спеціальное заведеніе, гдѣ уходъ за нимъ будетъ отличный. Отдать Андрюшу! Что же тогда останется? Ничего у нея въ жизни нѣтъ, кромѣ брата. Мачиха? Она совсѣмъ чужой человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ отца, точно порвались послѣднія связи съ мачихой. Двоюродные братья и сестры? Какіе они далекіе, кромѣ Коли. Да и Коля съ каждымъ днемъ отходитъ. Только Андрюша и остался.

Ксенія откинулась на спинку стула, сложила руки на груди. Она ждала того настроенія, похожаго на бредъ, которое подчасъ ее охватывало. Приближеніе этого настроенія она чувствовала. Сперва являлось такое ощущеніе, какъ будто между нею и всѣмъ окружающимъ постепенно образуется туманъ. Понемногу онъ становился все гуще и гуще. О! какой хорошій туманъ, мягкій, ласковый, мѣшающій замѣчать боль. Мало-по-малу обрисовываются передъ глазами картины... Нѣтъ, не картины и не предъ глазами зарождаются онѣ, а создаются гдѣ-то внутри, въ сердцѣ... Она не можетъ понять, картины это или звуки. Что-то непонятное, чего въ жизни не бываетъ и что радуетъ несказанно. Это сладкій безформенный бредъ, въ которомъ безъ очертаній носятся какъ бы обѣщанія и утѣшенія. Но радость продолжается недолго. Отовсюду изъ тумана выступаетъ мука. Волны злобы идутъ прибоемъ со всѣхъ сторонъ. Слышится смѣхъ. Кто смѣется? Лидія Ивановна? *Ей смѣшно*, что другіе не радуются, когда она

счастлива... Нѣтъ, не она. У нея другой голосъ. Володя? Нѣтъ, не онъ. Онъ насмѣхается, но смѣяться не умѣетъ. Убійца смѣется! Вотъ кому весело. У него длинныя сильныя руки съ крючковатыми пальцами. Изъ тумана вышелъ онъ весь, вотъ и его лицо. Но лица разглядѣть нельзя, потому что оно искажено смѣхомъ. Это не лицо, а сплошной хохотъ.

— Видѣлъ, видѣлъ, Андрюша? проговорила Ксенія дрожащимъ голосомъ,—ты его узнаешь? Посмотри со стороны... сбоку... Сбоку ты его узнаешь... Онъ нарочно становится ко мнѣ прямо лицомъ, потому что передъ его лицомъ маска, сдѣланная изъ смѣха. Андрюша, милый, посмотри... Тебѣ въ рубашенкѣ холодно? Посмотри, скорѣе же... Только не входи въ другую комнату, тамъ лежитъ папа... Андрюша, Андрюша, онъ уходитъ, помоги мнѣ!

Крикомъ вырвались у нея послѣднія слова, и она очнулась. Руки ея дрожали такъ, что она едва могла вытереть платкомъ съ лица холодный потъ. Все помнила она, что мерещилось ей, помнила свои слова, свой крикъ. Никто не слышалъ? Нѣтъ, никто. Даже Андрюша. Онъ все съ тою же улыбкой разматываетъ красную шерсть. Для того, чтобы его разбудить, нужно что-нибудь еще болѣе ужасное, нежели то, что его навѣки усыпило.

— Господи! лишь бы никто не узналъ! прошептала она,—скажутъ, что я сумасшедшая, и запрутъ. Андрюшу тогда тоже запрутъ, а убійца попрежнему будетъ на свободѣ.

Она чувствовала, какъ разстается съ нею ужасъ бреда. Все легче и легче дѣлается. Только боль-

шая остается усталость. Хотѣлось бы спать или быть такою, какъ братъ.

— Сеня, къ тебѣ можно?

Въ комнату вошла Соня.

— Ты? обрадовалась Ксенія.

Появленіе двоюродной сестры было для нея спасеніемъ. Приходу каждаго она была бы теперь рада. Соня же всегда ее оживляла своею энергіей, рѣзкимъ взглядомъ красивыхъ зеленыхъ глазъ.

— Вотъ не ожидала... Хорошо, что ты пришла.

— Не ожидала? Развѣ я могу забыть день твоего рожденія? Дай тебѣ Богъ здоровія и счастія. Поцѣлуемся.

Ксенія вспомнила.

— Сегодня шестнадцатое ноября. Въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, мнѣ двадцать лѣтъ... Да, да, поцѣлуемся покрѣпче.

Грустно ей стало. Прежде отецъ любилъ праздновать этотъ день. Андрюша тогда радовался и душилъ ее поцѣлуями. А сегодня мачиха даже не подумала поздравить простою лаской.

— Ахъ! онъ здѣсь! поморщилась Соня и указала на Андрюшу.

Тотъ не обратилъ вниманія на ея приходъ.

Съ грустью улыбнулась Ксенія.

— Гдѣ же ему быть, несчастному? Мы не должны разставаться. Онъ намъ не помѣшаетъ. Это не человѣкъ. Это растеніе, на которое тяжело смотрѣть.

— Глядя на него, ты себя разстраиваешь...

— Нѣтъ, нѣтъ... на душѣ дѣлается тепло. Ну, садись. Спасибо, что вспомнила. Будь увѣрена, поздравителей не будетъ. Лидія Ивановна отва-

дила всѣхъ прежнихъ знакомыхъ, а новыхъ я не знаю. Что новаго?

— Какъ странно! задумчиво произнесла Соня, — съ тѣхъ поръ, какъ ты печальна, я люблю бывать у тебя...

— Можетъ быть потому, что и ты грустишь...

— Грущу?

Соня засмѣялась.

— Нѣтъ, я не умѣю грустить. Я только сердиться умѣю. Бѣдненькая моя, ты ничего еще не знаешь, но ты увидишь, какъ я умѣю сердиться, когда мнѣ не даютъ жить.

Сидя у стола, она стукнула кулачкомъ по альбому.

Андрюша взглянулъ на нее съ удовольствіемъ. Онъ любилъ шумъ.

Ксенія спросила:

— Развѣ что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, но случится. Ты увидишь. Я покажу, что со мною не легко справиться. Ты знаешь, что я люблю Ивана Сергѣевича?

— Знаю, съ печалью сказала Ксенія.

— И тебя это огорчаетъ? Но я на тебя не сержусь. Ты не понимаешь меня, но это мнѣ не мѣшаетъ, а когда со мною расходятся отецъ и мать, то я вынуждена бороться. Ты не сочувствуешь Ивану Сергѣевичу просто потому, что онъ тебѣ не симпатиченъ. Это дѣло вкуса. Но они не съ моимъ вкусомъ спорятъ, а со всею моею душой. Мнѣ вся ихъ жизнь противна, и я хочу другого, того, что Иванъ Сергѣевичъ мнѣ можетъ дать. Ты такая еще маленькая, несмотря на свои двадцать лѣтъ, что мнѣ трудно объяснить тебѣ. Въ немъ я люблю его идеалы, его стремле-

ніе къ справедливости, враждебное отношеніе ко всему лживому и устарѣвшему. Намъ вмѣстѣ легко будетъ работать, заботиться о благѣ униженныхъ и оскорбленныхъ. Я богата и отдала бы ему свои деньги, чтобы онъ могъ осуществить то, о чемъ мечтаетъ. На прошлой недѣлѣ онъ просилъ моей руки, и ему отказали. Все возможное было мною сдѣлано. Ничего не помогло. Вѣрь, они напрасно думаютъ, что я успокоюсь. Если они меня не отдадутъ Ивану Сергѣевичу, я сама ему отдамся. Оставлю имъ свои деньги. Буду зарабатывать. Иванъ Сергѣевичъ получаетъ три тысячи въ страховомъ обществѣ, а я буду давать уроки музыки и англійскаго языка.

— Соня! Соня! прошептала Ксенія, — ты находишь, что въ нашей семьѣ мало несчастій...

— Ты это говоришь потому, что я хочу добыть себѣ счастіе. Ты такая же, какъ и всѣ другіе.

Соня встала и, взволнованная, принялась ходить по комнатѣ.

— Иванъ Сергѣевичъ правъ. Онъ сколько разъ мнѣ говорилъ, что близкіе люди меня не поймутъ. Почему они близки? Только потому, что я случайно родилась около нихъ. Это сосѣди и больше ничего. Я ихъ не выбирала, а такъ пришлось, что они плотно меня окружили. Нѣтъ. Истинно близкихъ людей мы сами себѣ выбираемъ. И что̀ за несправедливость! Развѣ отецъ мой въ былое время всѣхъ обрадовалъ своею свадьбой? Для того, чтобы жить, надо сперва со всѣми людьми поссориться.

Ксенія слѣдила взглядомъ за двоюродною сестрой, и ея волненіе передавалось ей.

— Страдать надо, проговорила она.

— А я не хочу. Отпустите меня на волю. От-

пустите сами, а то я силой уйду. Меня убиваютъ.

— О! Убиваютъ!

Съ ужасомъ произнесла Ксенія это слово.

— Убиваютъ? Не говори такъ. Не упоминай объ убійцахъ. Тебѣ все равно, а мнѣ постоянно кажется, что они кругомъ насъ ходятъ.

Вдругъ, она выпрямилась, встревоженная.

— Молчи. Я слышу шаги. Это она. При ней я молчу.

— Это я, сказала княгиня Лидія Ивановна, входя, — Ксенія, я пришла тебя поздравить... Вѣдь сегодня день твоего рожденія.

Она поцѣловала падчерицу въ лобъ. Та съ трудомъ промолвила:

— Благодарю васъ. Вѣроятно, вамъ Соня напомнила... Соня, зачѣмъ?

Княгиня посмотрѣла на нее съ вынужденною улыбкой.

— Неужели тебѣ непріятно, когда тебя поздравляютъ... А, Андрюша здѣсь... здравствуй, Андрюша... Андрюша, что же ты не посмотришь на меня?.. Ты не узнаешь своей мамы?

— Развѣ вы не знаете, что онъ ровно никого не узнаетъ! рѣзко проговорила Ксенія.—Не обращайте на него вниманія.

— Ахъ, да, не узнаетъ никого! вздохнула Лидія Ивановна, мелькомъ полюбовалась въ зеркалѣ своею красотой и, внезапно, сухимъ тономъ произнесла. — Мы же для него держимъ фельдшера. Надо его съ нимъ оставить. Если онъ никого не узнаетъ, то ему все равно, съ кѣмъ быть.

Притворно безстрастная, ея падчерица сказала:

— Я хочу быть съ нимъ.

И тотчасъ же проявилось въ ней чувство.

— Господи! Неужели вы совсѣмъ его не любите! Чѣмъ красна ваша жизнь?

— Довольно, строго отрѣзала княгиня, — ты себѣ слишкомъ много позволяешь.

Обратившись къ племянницѣ, она проговорила:

— Ты видишь, лучше бы ты мнѣ не напоминала о днѣ ея рожденія. Моя belle fille считаетъ долгомъ меня ненавидѣть.

Соня отвѣтила:

— Она очень нервна, оттого что она постоянно думаетъ о своемъ несчастіи.

Лидія Ивановна пожала плечами.

— Eh bien, elle n'a qu'a ne pas y penser... Впрочемъ, я очень рада, что ты ее защищаешь... Это доказываетъ, что ты съ ней дружна, а я какъ разъ думаю такъ устроить, чтобы она на нѣкоторое время переселилась къ вамъ.

— Къ намъ, тетя? Почему?

— Вѣроятно, я скоро уѣду недѣли на четыре за границу... У меня нервы очень плохи. Мнѣ необходимо искать новыхъ впечатлѣній.

Ксенія молча слушала, широко раскрывъ глаза.

«Буду ли я сама еще дома?» подумала Соня и сказала:

— Папа и мама ничего объ этомъ не знаютъ...

— Да, я еще не просила... Si tu savais comme je m'ennuie ici... Что̀ за тоска въ Петербургѣ!

Княгиня постаралась жестомъ объяснить, какъ много тоски ее окружаетъ со всѣхъ сторонъ. Ея красивое лицо приняло томно-брезгливое выраженіе. Мечталось ей о поѣздкѣ въ Италію съ дивнымъ Таормина, тѣмъ самымъ Таормина, который въ партіи Фра-Діаволо всѣхъ сводитъ съ ума. Il faudra payer son dédit, bien entendu.

— Конечно, поѣзжайте, съ едва уловимымъ от-

тѣнкомъ презрѣнія произнесла Соня,—если вамъ въ Россіи скучно, если вамъ въ Россіи дѣлать нечего, поѣзжайте за границу. Мама будетъ очень рада пріютить Ксенію и Андрюшу.

— Андрюшу? удивилась Лидія Ивановна,—за кого ты меня принимаешь? Неужели ты воображаешь, что я стану вамъ навязывать больного. Я не эгоистка и понимаю, что его присутствіе причинитъ только мученіе.

Соня была поражена.

— Вы берете его съ собою?

Взглядъ Ксеніи потемнѣлъ. Она смотрѣла на мачиху пристально, словно подкарауливала врага.

— Со мной?

Лидія Ивановна разсмѣялась.

— Хороша я буду съ такимъ спутникомъ! Вотъ еще выдумала! Нѣтъ, мнѣ доктора давно совѣтуютъ отдать его въ лечебницу, и я теперь это сдѣлаю.

— Что̀? вскрикнула Ксенія,—Андрюшу отдать!

Ея крикъ былъ настолько рѣзокъ, что княгиня испугалась.

— Je suis bien libre de disposer de mon fils, проговорила она,—я забочусь о его здоровьѣ.

Ксенія встала, блѣдная.

— Андрюшу отдать! Вы находите, что убійца еще не все сдѣлалъ. Вамъ нужно, чтобы я тоже умерла. О! конечно. Прежде всего вамъ нужно, чтобы умерла я, такъ какъ я вамъ больше всѣхъ мѣшаю. Въ вашихъ маленькихъ рукахъ нѣтъ силы, а то бы вы давно стали убійцей.

Соня обняла свою двоюродную сестру.

— Дорогая, успокойся.

— Я успокоюсь, когда умру... Княгиня отлично понимаетъ, что нѣтъ другого средства меня

успокоить. А для того, чтобы меня убить, надо удалить Андрюшу.

— Elle est folle! прошептала Лидія Ивановна,—ее тоже надо въ лечебницу.

— Да, да, меня тоже. Отдайте меня вмѣстѣ съ моимъ братомъ, тогда я ничего не скажу. Въ одну лечебницу, въ одинъ гробъ. Положите насъ въ могилу и уѣзжайте поскорѣе какъ можно дальше, чтобы моя душа перестала васъ чувствовать.

Ксенія бросилась къ брату, стала его горячо цѣловать. На него это не произвело никакого впечатлѣнія. Ему только, повидимому, сдѣлалось неудобно разматывать шерсть. Его спокойствіе внезапно охладило Ксенію. Она притихла.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, сказала она и отошла отъ Андрюши.

— Я не сумасшедшая, повторила она, подойдя къ Лидіи Ивановнѣ совсѣмъ близко.

— C'est bien, c'est bien! съ испугомъ произнесла та,—que ces histoires finissent... Пойдемъ, Соня, она успокоится...

— Я не сумасшедшая! закричала Ксенія и, заплакавъ, закрыла лицо руками.

Соня шепнула тетѣ:

— Уйдемте. Безъ насъ ей будетъ легче. Это временное... Это пройдетъ... Я вернусь.

Княгиня пожала плечами и вышла. Соня послѣдовала за ней. Переставъ плакать, Ксенія присѣла къ брату, откинулась на спинку стула и съ радостью подумала: «Вотъ опять подходитъ туманъ».

VII.

У Рыбовскихъ случайно собрались вечеромъ гости. Вслѣдъ за обычнымъ ихъ посѣтителемъ, княземъ Николаемъ Васильевичемъ Могиловымъ-Стольнымъ, явился его братъ Владиміръ вмѣстѣ съ Мерлономъ, потомъ вошелъ въ гостиную баронъ Воль, а слѣдующимъ звонкомъ ознаменовался приходъ Ивана Сергѣевича Хрустова. Наконецъ, пожаловалъ Павелъ Арсеньевичъ Ховлевскій, старый человѣкъ въ очкахъ, котораго называли профессоромъ только потому, что онъ когда-то прочиталъ пробную лекцію по энциклопедіи права. Его статьи по современнымъ вопросамъ были до того скучны, что многіе соглашались считать ихъ полными смысла, лишь бы только не читать. Рѣчь его производила также довольно удручающее впечатлѣніе, но ее приходилось слушать.

Едва онъ вошелъ, Ольга Антоновна Аносьева изобразила на своемъ хорошенькомъ лицѣ кокетливую гримасу и шепнула Николаю:

— Князь-князинька, отойдемте куда-нибудь подальше, чтобы онъ насъ не усыпилъ.

Николай разсѣянно посмотрѣлъ на нее, захотѣлъ было отшутиться, но потомъ, какъ будто внезапно вспомнивъ что-то, согласился:

— Да, пойдемте въ кабинетъ Пармена Владиміровича... тамъ никого нѣтъ, и мы потолкуемъ.

Онъ пошелъ первый, какъ всегда беззаботный по отношенію къ вѣжливости. Идя за нимъ, Ольга Антоновна мелькомъ взглянула на сестру. Рыбовская уловила ея взглядъ и едва замѣтно кив-

И Николаю представилось, что онъ нашелъ бы большое удовольствіе въ томъ, чтобы сказать Рыбовскому: «Давайте выяснять, кто въ этой комбинаціи былъ кореннымъ подлецомъ и во сколько мнѣ обошлось мое желаніе сотворить себѣ изъ вашей подлости удобство?»

Ольга Антоновна была смущена. Вопросъ о баронѣ Волѣ причинилъ ей безпокойство. Зря это было сказано, или князь-князинька въ самомъ дѣлѣ угадалъ? Нѣтъ, повидимому, все благополучно.

— Идемте же теперь слушать профессора! шутливо сказала она, въ общемъ довольная тѣмъ, что все устроилось гораздо легче, нежели можно было ожидать.

Войдя въ гостиную, она успокоила Василису радостнымъ взглядомъ и присѣла къ Мерлону, который ей очень нравился. Николай, принявъ равнодушный видъ, рѣшилъ непремѣнно къ комунибудь придраться.

Ховлевскій, составивъ себѣ изъ присутствующихъ аудиторію, вѣщалъ тономъ лектора:

— Мы теперь переживаемъ странное время, поразительно безсодержательное и которое я даже не могу назвать переходнымъ, по той простой причинѣ, что хода, иными словами, движенія въ немъ не замѣчается. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы видѣли предъ собою сіяніе многообѣщающей зари, происходило быстрое зарожденіе идеаловъ, русское мышленіе освобождалось отъ путъ и шло къ торжеству объединенія съ благородными и свѣтло-либеральными идеями запада. Но невѣдомый Іисусъ Навинъ промолвилъ: «Стой, солнце, и не движься, луна». Теченіе нашихъ духовныхъ свѣтилъ пріостановилось. Лучшая часть обще-

ства замолкла, опрѣснѣла соль земли. Слово наше не находитъ себѣ отклика. Чиновникъ и баринъ подали другъ другу руку и преграждаютъ дорогу идеаламъ...

— Иные идеалы не что иное, какъ грубая похоть, украшенная громкимъ названіемъ, буркнулъ Николай.

Его слова произвели очень непріятное впечатлѣніе на Павла Арсеньевича. «Профессоръ» приготовился возражать, но Рыбовскій поспѣшилъ вмѣшаться.

— Вы совершенно правы, Павелъ Арсеньевичъ. Намъ навязываютъ такъ называемое національное движеніе, намъ голословно толкуютъ объ укрѣпленіи основъ русской жизни, болтаютъ о семейныхъ устояхъ, о племенномъ самосознаніи. Вчера у меня былъ очень интересный разговоръ съ Салазгановымъ... Помните Салазганова?

Пожавъ плечами, Ховлевскій отвѣтилъ:

— Я съ нимъ больше не знакомъ съ тѣхъ поръ, какъ его произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники...

— Браво! шумно обрадовался Хрустовъ,—вотъ это по крайней мѣрѣ можно назвать строгимъ исповѣданіемъ взглядовъ! Никакими мелочами не слѣдуетъ пренебрегать. Если бы всѣ поступали какъ вы, наша мысль давно перестала бы отбывать барщину. Мало того, я съ особеннымъ убѣжденіемъ стою за теорію булавочныхъ уколовъ. Коль скоро у меня отняли кинжалъ, то я радуюсь тому, что булавка осталась у меня въ рукахъ.

«Ну-ка, кто дальше повыситъ тонъ?» подумалъ Николай и посмотрѣлъ на окружающихъ. Онъ былъ пораженъ страннымъ видомъ брата.

Некрасивое, болѣзненное и постоянно злое лицо Владиміра было искажено страдальческимъ выраженіемъ. Взглядъ его, мучительно острый, впился въ Ивана Сергѣевича. Онъ весь словно былъ ненависть и страданіе. Что̀ съ нимъ? За послѣдніе дни, правда, онъ сталъ очень раздражителенъ, но неужели гнѣвъ его направленъ противъ Хрустова, постояннаго его единомышленника?

Вмѣшался въ разговоръ баронъ Воль, сухощавый остзеецъ, довольно красивый:

— Можно сказать, что національная идея будетъ для Россіи мертворожденная, такъ какъ иначе пришлось бы сказать, что Петръ Великій не понималъ своей родины, а вѣдь онъ первый, который сумѣлъ сказать, что̀ нужно для Россіи.

«Сказать, сказать, сказать!» мысленно фыркнулъ Николай. «Трудно сомнѣваться въ томъ, что ты мой замѣститель, а вотъ смотрю я на тебя безъ всякаго враждебнаго чувства. Господи! Какъ я радъ тому, что выбираюсь изъ этого омута пошлости. И мнѣ на прощанье устраиваютъ парадъ пошлости, представители ея дефилируютъ предо мной. Я ухожу отсюда, свободный. Я стану вновь самимъ собою».

Ему казалось, что онъ силенъ, что у него есть будущее. Онъ не видѣлъ, что выросъ на той же самой почвѣ, которая породила возмущающихъ его пошляковъ. Однимъ воздухомъ съ ними дышалъ онъ въ тѣ годы, когда создавался его духовный обликъ. Свою волю онъ принималъ за мощь.

Посмотрѣлъ онъ на Василису Антоновну. Хорошенькая, несомнѣнно. Но прошлая, совсѣмъ *прошлая*. И ему нѣтъ никакого дѣла до нея.

Одного онъ ей никогда не проститъ, что ради нея унизился передъ такимъ ничтожествомъ, какъ ея мужъ. Конечно, унизился, коль скоро обманывалъ. Что̀ и говорить, настоящаго обмана не было. Парменъ Владиміровичъ, очевидно, всегда подозрѣвалъ, но не волновался. Подлецъ. А Мерлонъ! Вотъ тоже негодяй. Теперь онъ ухаживаетъ за Аносьевой. Узналъ, что она овдовѣла и что мужъ ей оставилъ порядочное состояніе. Того и гляди женится. Онъ себя называетъ представителемъ эволюціоннаго движенія. Хрустовъ скотина, но все-таки лучше Мерлона.

Высказался и Степанъ Николаевичъ по поводу взглядовъ Ховлевскаго:—Идти наперекоръ значитъ напрасно тратить силы. Почему не пользоваться враждебнымъ теченіемъ, подобно тому какъ дѣлаетъ парусное судно, опирающее свой ходъ на противномъ вѣтрѣ?..

Ему необходимо было внушить присутствующимъ, что онъ находится съ ними только въ кажущемся противорѣчіи.

— Ты всегда лавировалъ! крикнулъ Хрустовъ.

Впервые раздался голосъ Владиміра:

— А ты развѣ не юлишь? Ты притворяешься, будто разбиваешь крѣпости, а вѣдь только думаешь о томъ, чтобы воспользоваться брешью и, въ свою очередь, выдерживать осаду на грудѣ съѣстныхъ припасовъ.

«Вотъ какъ? Послушаемъ», заинтересовался его братъ. «Никакъ и тутъ эволюція.?»

Но ожиданіе Николая не оправдалось. Хрустовъ ничего не отвѣтилъ Владиміру, и Павелъ Арсеньевичъ могъ снова приступить къ изложенію своихъ мыслей:

— Когда я сегодня прочиталъ, что жена Кло-

VIII.

— Пріятно сидѣть вдвоемъ съ настоящимъ другомъ, съ искривляющею лицо усмѣшкой сказалъ Владиміръ, когда лакей, откупоривъ бутылку, вышелъ изъ ресторанного кабинета,—потолкуемъ мы съ тобою всласть, наговоримся на всю жизнь.

Онъ захохоталъ и повторилъ:

— На всю жизнь! Именно такъ мнѣ хочется.

Хрустовъ притворялся совершенно спокойнымъ, какъ бы прикрылся привычнымъ ему наглымъ выраженіемъ лица, но ощущалъ тревогу. Онъ чуялъ угрозу въ настроеніи собесѣдника. У Рыбовскихъ явная враждебность Владиміра его смутила. Предложеніе зайти въ ресторанъ и распить бутылку Редерера онъ принялъ ради того, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

— Ну, что жъ, поболтаемъ. Я очень радъ, съ напускною вялостью произнесъ онъ.

Владиміръ медленно выпилъ бокалъ шампанскаго.

— Врешь, скотина, вовсе ты не радъ. Ты бы охотно послалъ меня къ чорту, да вотъ только требуется тебѣ разглядѣть, какіе во мнѣ сидятъ запасы. Я тебя удивляю, и это тебѣ до крайности непріятно. Еще бы! Смѣетъ ли быть для тебя загадкой то, что ты сотворилъ. Ибо, скрывать не станемъ, я твоя креатура. По образу и подобію своему ты меня творилъ. Мнѣ иногда хочется выйти на арену и закричать: «Смотрите, господа, на произведеніе Ивана Хрустова... Я плодъ его великолѣпнаго творчества!» Что?

Злоба и страданіе исказили ему лицо. Губы, тонкія, подергивало. Глаза смотрѣли вызывающе.

— Что̀ ты за чепуху мелешь! сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—разумѣется, я не понимаю, что̀ съ тобой дѣлается, и хочу знать причину.

— Причину? Да, я буду откровененъ, правдивъ до гадости. А развѣ ты со мною не хитришь? Что у тебя съ Соней затѣяно? А?

Хрустовъ пожалъ плечами.

— Я не ожидалъ отъ тебя родственнаго вмѣшательства.

— И не жди... Удивительно смѣшно мнѣ на тебя смотрѣть. Трусишь ты необычайно, и для тебя невыносимо, что ты не знаешь, чего собственно тебѣ слѣдуетъ бояться. Ты похожъ на человѣка, который ночью слышитъ угрожающій шорохъ и не можетъ разобрать, съ какой стороны къ нему подкрадываются. Полно. Опасаться тебѣ нечего. Мы друзья. Мы распиваемъ бутылку шампанскаго. Пей же. Я пью. За твое здоровье!

— За твое здоровье, повторилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Почему ты упомянулъ о Софьѣ Васильевнѣ?..

— Ага, тянетъ мотылька на свѣчку, на воображаемую свѣчку! Ты полагаешь, что я золъ на твои намѣренія? Напрасно. Напротивъ, я ихъ вполнѣ одобряю.

— Откуда тебѣ знать мои намѣренія?

— А какъ мнѣ ихъ не знать, коль скоро я всѣ свои мысли получилъ отъ тебя! Ты хотѣлъ быть ея мужемъ. Тебѣ отказали. Ясно, ты ее похитишь съ ея согласія. Иванъ Хрустовъ не изъ тѣхъ, которые отступаютъ передъ препятствіями, особенно когда можно цапнуть крупное прида-

ное. Вѣдь ты на приданое разсчитываешь... И получишь... Дадутъ. Сердце не камень.

Владиміръ выпилъ еще бокалъ, зажмурился, уперся кулаками въ столъ и скороговоркой произнесъ:

— Вотъ тебѣ вся разгадка. Я золъ на то, что ты затѣваешь дѣло тайкомъ отъ меня. Это не по-товарищески. Ты мнѣ не довѣряешь, а недовѣріе для меня оскорбительно.

«Пожалуй, и такъ!» подумалъ Хрустовъ. «Да, навѣрно такъ», рѣшилъ онъ и почувствовалъ большое облегченіе.

Онъ отвѣтилъ:

— Не сердись на меня. Я потому и пришелъ сюда съ тобой, что считаю своевременнымъ подѣлиться съ тобою этою тайной. Раньше не было смысла говорить, такъ какъ у меня не было опредѣленнаго плана. Да, я хочу жениться на твоей сестрѣ противъ воли ея родителей.

— Жениться? переспросилъ Владиміръ,—я воображалъ, что ты обойдешься безъ формальностей.

— Нѣтъ. Я предпочитаю ихъ соблюсти. Подъ Тверью у меня подготовленъ священникъ. Все устроено. Завтра вечеромъ...

Иванъ Сергѣевичъ запнулся.

— Завтра вечеромъ она съ тобою бѣжитъ? Договаривай, не бойся. Я не помѣшаю. Я тебѣ помогу. О! Ты не знаешь, какъ я тебѣ помогу. Я устрою такъ, что никому не будетъ дѣла до Сони. Всѣ двери я раскрою, всѣ!

Захохоталъ Владиміръ.

— Счастливъ я, потому что я вижу, до какой степени ты подлецъ. Понимаешь ли ты, что мнѣ нужна твоя подлость, что она для меня какъ бы *существенная* часть мірозданія!

— Ну, это скучно! попытался оборвать Хрустовъ,—мнѣ твои грубости надоѣли...

— Возможно ли? А я думалъ, что я не грублю, а только констатирую факты. Ничего, потерпи. Вѣдь я сегодня рѣшилъ наговориться на всю жизнь. Если бы ты мнѣ сказалъ, что отказываешься отъ Сони и не желаешь губить ее, я пересталъ бы тебя ненавидѣть. А теперь ты для меня все тотъ же незыблемый Хрустовъ, меня создавшій, меня убившій. Спасибо тебѣ. Благодарю тебя за всю твою гнусность. Она даетъ мнѣ силу. Ну, побесѣдуемъ.

Владиміръ всталъ, подошелъ къ Ивану Сергѣевичу и, присѣвъ на край стола, отрывисто заговорилъ:

— Ты научилъ меня ненавидѣть... о, нѣтъ человѣка, котораго бы я такъ ненавидѣлъ, какъ тебя. Я въ тебѣ вижу все то зло, какое ты мнѣ причинилъ, и для меня унизительно сознаніе пошлости этого зла. Тебѣ тридцать два года... мнѣ двадцать пятый. Подхватилъ ты меня, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ. Помнишь, какія мнѣ приходилось отъ тебя слышать громкія слова? Ты принялся за меня, потому что я былъ племянникъ князя Владиміра Андреевича Могилова-Стольнаго, самъ князь, сынъ богатыхъ родителей. Что̀ и толковать, многое было во мнѣ такого, что достойно было твоей оскверняющей работы. Это не то, что смутить какого-нибудь разночинца. Лучшаго примѣненія разрушительной дѣятельности у тебя быть не могло. И ты разрушитель, потому что ты кореннымъ образомъ пошлякъ. Сильнѣе пошлости ничего нѣтъ. Она всюду легко проникаетъ, воспринимать ее удобно. Внушилъ ты мнѣ, что я долженъ цце-

зирать и ненавидѣть все то, что̀ я рожденъ былъ любить. Стыдно мнѣ въ обращеніи къ тебѣ произносить слово «идеалы», но приходится мнѣ сказать, что ты ихъ во мнѣ убилъ. Ты подрѣзалъ во мнѣ вдохновеніе, безъ котораго жить нельзя...

— Однако, ты съ тѣхъ поръ жилъ довольно благополучно, насмѣшливо сказалъ Хрустовъ.

— Жилъ? Да, потому что твоя работа удалась. Вмѣсто вдохновенія ты мнѣ далъ злобу. Я сталъ такимъ же озлобленнымъ ничтожествомъ какъ и ты самъ. Ты удачно привилъ мнѣ политическій садизмъ, жажду оскверненія всего, что̀ должно быть чисто и свято. И теперь я задыхаюсь въ своей собственной грязи. Ты замѣчаешь, что я жилъ до сихъ поръ довольно благополучно, а я говорю тебѣ, что больше жить не могу. Я не вижу себѣ мѣста на свѣтѣ. Понимаешь ты, что мѣста мнѣ нѣтъ? Я уже не могу стать тамъ, гдѣ я долженъ быть. Я посторонній. Куда дѣвалось то, что меня увлекало? Никуда. Его въ сущности никогда не было. Вы всѣ налгали, а я вѣрилъ. Смѣшно. Хорошъ я былъ на Казанской площади въ день «земли и воли!» И какъ я не попался! Еще бы! Вы меня охраняли. Вы разсчитывали на меня. Помилуй Богъ, среди шайки разночинцевъ, поляковъ, евреевъ, ошалѣвшихъ недоучекъ и наслѣдственныхъ проходимцевъ оказался бы вдругъ князь Могиловъ-Стольный. Вотъ торжество-то! Князь, отвернувшійся отъ вѣковыхъ завѣтовъ своего историческаго рода, признавшій ихъ несостоятельность! А? Вѣдь чудно. И все это была бы твоя работа.

Иванъ Сергѣевичъ зѣвнулъ.

— Скучно тебя слушать...

— Врешь. Совсѣмъ не скучно. Человѣку ни-

когда не скучно, когда съ нимъ говорятъ о немъ же... Тебѣ слѣдуетъ гордиться. Все то, что дѣлали ты и тебѣ подобные, не пропало даромъ. Остался глубокій слѣдъ гнили и пошлости, а развѣ это пустяки? Твоя сестра, ставшая любовницей Чаврова... Моя сестра, сбитая тобою съ толка... Княгиня Лидія Ивановна, готовая на адюльтеръ... Я, изломанный и запачканный... Все это въ одинаковой степени остатки того времени, когда ты и тебѣ подобные процвѣтали, когда торжествовалъ культъ плевка на все порядочное. И я нахожу, что я достаточно насмотрѣлся. Довольно.

— А я отвѣчу, что достаточно наслушался. Прощай, сказалъ Хрустовъ, вставая.

Владиміръ сталъ между нимъ и дверью.

— Погоди, я не кончилъ.

Онъ вынулъ изъ кармана револьверъ. Испуганный, внезапно блѣдный, Иванъ Сергѣевичъ быстро отступилъ.

— Что̀? Страшно стало? Не отрицаю, соблазняетъ меня мысль тебя убить. Я рѣшилъ застрѣлиться. Я больше жить не могу, потому что мнѣ стыдно. Черезъ всѣ гадости я прошелъ и омовенія для меня нѣтъ... Узнаешь этотъ револьверъ? Помнишь, зачѣмъ я его тогда досталъ? А что̀ если я первую пулю пущу въ тебя?

— Перестань! хрипло вскрикнулъ Хрустовъ.

Направивъ въ него дуло револьвера, Владиміръ смѣялся.

— Положительно, я долженъ тебя убить... Ну, сообрази самъ, какой расчетъ мнѣ уходить, коль скоро я тебя оставлю? Ты вѣдь вредная гадина, которую слѣдуетъ уничтожить... И отвѣчать-то мнѣ за убійство не придется... Вѣдь я пущу себѣ

пулю въ лобъ... Да и хочется мнѣ тебя убить... Ты не можешь себѣ представить, какъ хочется.

Побѣлѣвшими губами Иванъ Сергѣевичъ беззвучно произносилъ:

— Перестань... перестань...

Владиміръ продолжалъ, съ нервнымъ подергиваніемъ лица!

— Одно меня удерживаетъ... убивъ тебя, я буду такъ счастливъ, что не захочу самоубійства... А для меня важнѣе убить себя, нежели тебя. Да, положительно такъ.

Онъ опустилъ револьверъ.

— Проходи. Уйди. Оставь меня. Умирать при тебѣ я не желаю... Ну, скорѣе же, мерзавецъ!

— И уйду, въ смущеніи произнесъ Хрустовъ, — я сейчасъ уйду.

Дрожащею рукой схвативъ шляпу, онъ направился къ выходу. Проходя мимо Владимира, онъ не рѣшился на него взглянуть и поспѣшилъ запереть за собой дверь.

— Гадина! раздалось ему вслѣдъ.

Но теперь Ивану Сергѣевичу было все равно, что̀ говоритъ и думаетъ молодой Могиловъ-Стольный. Надѣвая въ вестибюлѣ пальто, онъ былъ совершенно спокоенъ и заявилъ самому себѣ, что, если Владиміръ дѣйствительно застрѣлится, то это будетъ очень хорошо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Въ темносиней бархатной тужуркѣ, красивый и очень изящный, Мерлонъ, развалившись въ качалкѣ, перечитывалъ свою послѣднюю статью.

Женившись на Ольгѣ Антоновнѣ Аносьевой, Степанъ Николаевичъ получилъ возможность рѣзко обозначить свой отказъ отъ прежнихъ убѣжденій. Конечно, тутъ рѣчь идетъ не о тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя у него были, а о тѣхъ, какія онъ въ былое время признавалъ для себя выгоднымъ высказывать. Въ тѣ годы, когда можно было прослыть отрицателемъ глубокомысленнымъ, лишь бы съ тупымъ упорствомъ повторять: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ»; когда въ сутолокѣ сплетенія искусственно навязываемыхъ ему путей русское общество едва не дошло до бездорожья и когда подвергнутая перекрестному допросу правда запуталась хуже лжи, Мерлону жилось чрезвычайно беззаботно. Ему легко было составить себѣ нѣчто въ родѣ положенія и за-

рабатывать деньги мелкими статейками на общественныя темы. Начавъ съ простого репортерства, онъ быстро усмотрѣлъ, что отрицаніе и хуленіе вызываетъ въ читателѣ интересъ. Осуждая и зубоскальствуя, легко пріобрѣсти репутацію остроумнаго человѣка. И Степана Николаевича стали печатать съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ умѣлъ не переступать границъ, удачно облекался въ неуловимость, сугубо дразня мысль недоговоренными намеками. Поворотъ общественнаго настроенія едва не застигъ его врасплохъ. Онъ увидѣлъ, что выгода повелѣваетъ отказаться отъ прежняго пути. Хотя онъ охотно создавалъ своимъ предкамъ alibi и выдавалъ ихъ за выходцевъ изъ Франціи, покинувшихъ родину въ эпоху гоненія на гугенотовъ, Мерлонъ былъ еврейскаго происхожденія, что̀ въ значительной мѣрѣ облегчало ему развязность. Но онъ даже отъ евреевъ скрывалъ свое семитство. И это обставляло его положеніе нѣкоторыми выгодами, ибо избавляло его отъ общенія съ компрометирующими личностями. Еврейская же кровь давала ему возможность смотрѣть на все русское со стороны, интересоваться исключительно собственною пользой и оберегать свою неуловимость. Раньше другихъ, можетъ быть, онъ понялъ, что въ сущности не настроеніе измѣнилось, а миновали условія, временно выдвинувшія на первый планъ такихъ людей, которые облыжно выдавали себя за выразителей настроенія. Нормальная жизнь вернула силы нормальнымъ людямъ, равновѣсіе опредѣлилось, русскій бытъ предъявилъ свои права. Все это усмотрѣлъ Мерлонъ, но не сразу рѣшился на перемѣну фронта. Не зная, примутъ ли его въ новомъ теченіи, онъ

боялся сразу отстать отъ стараго. Къ тому же ему нельзя было не опасаться разоблаченій. Коекому было извѣстно, что ему пришлось покинуть государственную службу вслѣдствіе продажи секретныхъ справокъ. Въ былое время иные назвали бы это желаніемъ содѣйствовать всесторонней гласности и обезоружить ненавистныхъ носителей канцелярской тайны, но въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ трудно было разсчитывать на такую благопріятную окраску фактовъ. Слѣдовательно, въ поступкахъ необходимо было соблюсти постепенность. Затѣмъ надо было считаться съ денежною стороной дѣла. Сразу вѣдь къ новымъ кассамъ не пристроишься. Произойдетъ колебаніе. Поэтому Степанъ Николаевичъ временно отошелъ отъ политики и занялся скабрезными разсказами. Подъ псевдонимомъ «Мерлушка» писалъ онъ въ разныхъ юмористическихъ журнальчикахъ сценки неприличнаго содержанія. Это доставляло ему довольно порядочныя средства. А когда фантазія его изсякла и область осторожныхъ плагіатовъ оказалась исчерпанною, Степанъ Николаевичъ понемногу вернулся къ общественнымъ темамъ, подписывая словами «Одинъ изъ малыхъ» статьи, въ которыхъ онъ старался показаться человѣкомъ трезвыхъ взглядовъ и философскаго мышленія. Однако ему приходилось трудно, потому что боязнь не угодить заставляла его держаться неопредѣленныхъ взглядовъ. И онъ самъ сознавалъ, что его статьи необыкновенно скучны. Того и гляди перестанутъ ихъ печатать. Тутъ чрезвычайно кстати пришлась женитьба на Ольгѣ Антоновнѣ, давшая очень порядочныя средства. Мерлонъ почувствовалъ подъ ногами достаточ-

ное количество точекъ опоры и рѣзко перемѣнилъ тонъ. Читатель увидѣлъ передъ собой борца за религію, за семью, за правовый порядокъ. Статьи «Одного изъ малыхъ» послужили исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда полемикъ. Тѣ, чьимъ единомышленникомъ онъ притворялся, находили въ его писаніяхъ душевное отдохновеніе, а противники, намекая на его гнусность, сами не подозрѣвали всей силы своей правоты. Въ общемъ Степану Николаевичу удалось затмить многихъ, которые, отстаивая въ печати одинаковые съ нимъ завѣты, путались въ собственной искренности, между тѣмъ какъ онъ обдуманно и хладнокровно производилъ шахматные ходы. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ его свадьбы, какъ успѣхъ его упрочился вполнѣ, обозначившись явнымъ содѣйствіемъ его благосостоянію. Счастливый, уважаемый и сознающій мощь своего слова, Мерлонъ чувствовалъ себя прекрасно, въ особенности въ тѣ дни, когда изъ сбереженій покупалъ закладные листы земельныхъ банковъ. Не мало радовало его и то, что у него хорошенькая жена, проникнутая къ нему глубокимъ уваженіемъ. Для него въ ней централизовалось его вліяніе на публику. Если она, явно бывшая легкомысленною, душевно воспитывается на его фельетонахъ, это доказываетъ, что онъ рожденъ вліять на публику и обладаетъ даромъ внушенія.

Дочитавъ статью, Степанъ Николаевичъ отнесъ рукопись на письменный столъ и съ удовольствіемъ подумалъ о томъ, что скоро наступитъ время завтрака.

— Оля, приди ко мнѣ, позвалъ онъ.

— Ты пересталъ заниматься? спросила Ольга Антоновна, входя.

Ей было тридцать два года, но всякій ей могъ повѣрить, когда она говорила, что ей двадцать восемь лѣтъ. За два года супружества съ Мерлономъ прежній задоръ прошелъ, но красота ея не перестала быть молодостью.

— Да. Я справился раньше, нежели думалъ, и теперь хочу съ тобой поболтать.

Обрадованная, она сказала:

— Мнѣ такъ пріятно, когда ты можешь удѣлить мнѣ время.

Степанъ Николаевичъ объяснилъ:

— Я хочу потолковать относительно твоей сестры. Мнѣ ея поведеніе не нравится.

— О! съ усмѣшкой протянула Ольга Антоновна,—тебѣ извѣстно, что я не имѣю на нее никакого вліянія.

— Совершенно вѣрно, и я этому радъ. Нѣтъ вліянія, нѣтъ и отвѣтственности. Но необходимо, чтобы насъ съ тобой ни въ чемъ не могли упрекнуть, хотя бы и заглазно. Мое положеніе въ обществѣ обязываетъ меня къ тому, чтобы не давать повода къ злонамѣреннымъ разговорамъ. По-моему, тебѣ слѣдуетъ прекратить всякія сношенія съ Рыбовскими.

— Степа... неловко... вѣдь она мнѣ сестра...

— Именно потому, что она сестра тебѣ, женѣ твоего мужа. Мы отвѣчаемъ не за своихъ знакомыхъ, а за родственниковъ. Такъ созданъ свѣтъ, и не намъ его перекраивать. Связь твоей сестры съ барономъ Волемъ становится чрезмѣрно наглядною. И отношеніе ея мужа къ этому обстоятельству порождаетъ толки, нимало не заставляющіе меня гордиться свойствомъ съ Пар-

меномъ Владиміровичемъ. Я не стану отрицать, что нѣкоторая безпринципность Рыбовскаго извѣстна мнѣ не со вчерашняго дня. При Николаѣ Могиловѣ-Стольномъ получило начало то, что̀ теперь пышно расцвѣтаетъ. И опять-таки я скажу тебѣ, что̀ говорилъ неоднократно: приходится пожалѣть объ отсутствіи Илліодора Ѳеодоровича, котораго твоя сестра и ея мужъ стѣснялись. Если онъ вернется неожиданно изъ Америки, то застанетъ картину интересную. Но дѣло въ томъ, что я такой картиной больше не согласенъ любоваться. Прошу тебя, перестань бывать у Рыбовскихъ. Я же сумѣю ихъ отвадить отъ нашего дома,

Ольга Антоновна очень любила свою сестру. Но, выслушавъ слова мужа и привычная къ тому, чтобы находить его всегда правымъ, она безъ колебанія отвѣтила:

— Хорошо. Я къ ней больше не пойду. Я понимаю, что такъ надо̀.

— Ты умница, одобрилъ Мерлонъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— А, вотъ кто-то жалуетъ къ намъ завтракать! съ удовольствіемъ сказалъ онъ, услышавъ звонокъ.

За два года супружеской и обезпеченной жизни онъ еще не пересталъ радоваться тому, что обзавелся хорошею квартирой и постояннымъ хозяйствомъ. Ему особенно пріятно было видѣть постороннихъ у себя за столомъ.

— Это князь-князинька, я узнаю его походку! весело вскрикнула Ольга Антоновна и тотчасъ же, замѣтивъ едва уловимое неудовольствіе во взглядѣ мужа, поправилась:—Это князь Николай Васильевичъ.

Мерлону нравилось, что молодой князь Могиловъ-Стольный его изрѣдка посѣщаетъ. Онъ находилъ въ этомъ какъ бы санкцію своей общественной порядочности. А Николай Васильевичъ бывалъ у него потому, что нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Со времени самоубійства брата и печальной свадьбы сестры характеръ его сталъ еще болѣе угрюмъ, нежели до тѣхъ поръ. Онъ постоянно ощущалъ пустоту своей жизни. Попытка отдаться какой-нибудь работѣ ни къ чему не привела. Въ двадцать шесть лѣтъ онъ не находилъ чѣмъ бы увлечься. И, неустанно думая о прошломъ, онъ не видѣлъ такого будущаго, которое бы манило. Поэтому дни его заполнялись безтолково.

— Браво! привѣтствовалъ его Степанъ Николаевичъ,—спасибо, что не забываете насъ.

А Ольга Антоновна добавила:

— Какой вы милый...

Николай Васильевичъ мрачно произнесъ:

— Здравствуйте... Я не мѣшаю и не задерживаю?

Ему объяснили, что, кромѣ удовольствія, его приходъ ничего не доставляетъ, и тутъ же пошли всѣ завтракать.

— Прочиталъ я третьяго дня вашу статью, Степанъ Николаевичъ, сказалъ Могиловъ-Стольный,—вы призываете всѣхъ къ энергичной дѣятельности, указывая, что энергія является эссенціей жизненной силы и что наличность ея служитъ залогомъ счастія, потому что счастіе заключается въ творчествѣ и въ работѣ.

Мерлонъ не безъ гордости проговорилъ:

— Такъ. Вы прекрасно выразили мою мысль.

— Вѣроятно, потому, что въ ней въ сущности

нѣтъ ничего новаго, объяснилъ Николай Васильевичъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что слова его причинили хозяину явную непріятность,—но я пришелъ съ тѣмъ, чтобы васъ спросить: откуда взять энергію тому, въ которомъ ея нѣтъ? Спрашиваю прямо: откуда, напримѣръ, я наберусь энергіи?

— Вся жизнь есть энергія, сказалъ Степанъ Николаевичъ, самодовольный и пошлый.

— О, да! Энергія и жизнь одно и то же! радостно подтвердила Ольга Антоновна.

Князю стало невыносимо скучно. У него пропала всякая охота продолжать разговоръ.

Помолчавъ немного, онъ фыркнулъ.

— Смѣшно. Я совсѣмъ другого мнѣнія. И не я одинъ. Вчера вечеромъ, идя по улицѣ, я слышалъ, какъ мужичекъ, совершенно трезвый, говоритъ другому: «Такъ тошно, что жизни своей терпѣть не могу». А другой ему отвѣчаетъ: «Небось, съ утра лба не перекрестилъ»... Вотъ и представилось мнѣ, что всѣ мы разбиваемся на двѣ категоріи. Одни жизни своей терпѣть не могутъ. Это, можетъ быть, меньшинство, но оно замѣтнѣе большинства, потому что корчится и обращаетъ на себя вниманіе. Володѣ, когда онъ застрѣлился, было, очевидно, такъ тошно, что онъ не могъ терпѣть своей жизни. Возненавидѣла свою жизнь Катя Хрустова, бѣжавшая отъ нея чуть ли не на улицу... Жизнененавистничество сказалось и въ Сонѣ, когда она полюбила всененавистника Ивана Сергѣевича... Душевная темнота сказалась и въ тетѣ Лидіи, которая болѣе двухъ лѣтъ вѣсти о себѣ не даетъ. И я отъ нихъ заразился, какъ пассажиръ на кораблѣ, окруженный во время качки больными. Кругомъ меня

ходятъ и здоровые... Капитанъ, матросы, привычные туристы и счастливые обладатели крѣпкихъ нервовъ... Это тѣ, которые догадались съ утра лобъ перекрестить, которые могутъ уважать свое дѣло и любоваться окружающимъ... Но заразиться здоровьемъ я отъ нихъ не могу. Положительно, на нашей семьѣ лежитъ проклятіе. Было землетрясеніе, во время котораго насъ сдвинуло съ мѣста, а теперь мы уже не можемъ приспособиться къ дѣйствительности.

— Полноте, князь, это съ вашей стороны непростительное малодушіе, сказалъ Мерлонъ,—вы совсѣмъ не находитесь въ положеніи вашего покойнаго брата. Онъ былъ выбитъ изъ колеи дурными вліяніями, вы же всегда отличались стойкостію убѣжденій. Вы всегда были на той сторонѣ, къ которой притекла жизнь впослѣдствіи.

— Полноте, князь, подхватила его жена.

Николай Васильевичъ продолжалъ:

— Эти убѣжденія были у насъ въ домѣ жизнью и дѣломъ только для такого святого человѣка какъ дядя Владиміръ Андреевичъ. Другіе находили въ нихъ только готовую формулу, какую-то статью устава общества. Въ томъ числѣ и я. Я считалъ, что я лучше другихъ, разъ я на другихъ сержусь. А теперь я вижу, что съ утра лба не перекрестилъ и что во мнѣ все пусто. Хандрой это называется, что ли?

Степанъ Николаевичъ любилъ писать серіозныя статьи, но бесѣды на отвлеченныя темы его быстро утомляли. Поэтому, чтобы измѣнить теченіе разговора, онъ спросилъ:

— Вы давно не имѣете свѣдѣній о Софьѣ Васильевнѣ?

Еще болѣе насупился Могиловъ-Стольный.

— Вы, очевидно, воображаете, что я не вижу ея. Ошибаетесь. У Хрустовыхъ я бываю. Не правда ли, странно какъ-то звучитъ, что моя сестра Хрустова? Отецъ и мать отказались отъ нея, а мнѣ-то что̀ за дѣло! Впрочемъ, это только лишній разъ доказываетъ, что я ко всему равнодушенъ.

Вдругъ въ немъ проснулась злость, и онъ заговорилъ вызывающимъ тономъ:

— Я имѣю право быть равнодушнымъ. Я не журналистъ, обязанный кимвалить по поводу каждаго пустяка или изображать изъ себя эолову арфу: чуть что случилось, такъ и стонъ пошелъ. Послушайте, Степанъ Николаевичъ, и откуда въ васъ все это благородство берется? Прежде его не было.

Ссориться съ княземъ Степанъ Николаевичъ не хотѣлъ. Онъ притворился, будто не слышалъ его вопроса, и объявилъ:

— Я же давно пересталъ принимать Ивана Сергѣевича, потому что не раздѣляю его взглядовъ.

— А вы полагаете, что я-то ихъ раздѣляю? Развѣ мнѣ не извѣстно, что онъ негодяй? Но онъ хоть тѣмъ хорошъ, что ни подъ кого не подлаживается. Положимъ, l'hypocrisie est un hommage que le vice rend à la vertu.

— Пожалуйста, возьмите еще вареников, попросилъ Мерлонъ.

II.

Парменъ Владиміровичъ Рыбовскій зашелъ къ Ивану Сергѣевичу, чтобы получить отъ него справку о состояніи дѣлъ того страхового общества, гдѣ служилъ Хрустовъ. Свѣдѣнія были ему

нужны для биржевой операціи, но онъ сослался на то, будто собирается написать брошюрку о страховомъ дѣлѣ въ Россіи. Иванъ Сергѣевичъ сообщилъ ему всѣ необходимыя данныя, а затѣмъ повелъ его въ столовую, гдѣ за чаемъ сидѣла Софья Васильевна. Тамъ, въ уютной теплотѣ небольшой комнаты, подъ шипѣнье самовара, у нихъ завязалась дружеская бесѣда.

Началась съ того, что Рыбовскій со свойственной ему безтактностью спросилъ о здоровьѣ князя Василія Андреевича и княгини Графиры Николаевны. Софья Васильевна прикрыла свое внутреннее замѣшательство холоднымъ безмолвіемъ, а Иванъ Сергѣевичъ съ удовольствіемъ повелъ разговоръ на тему о родителяхъ его жены.

— Мы не имѣемъ свѣдѣній о нихъ, потому что они не желаютъ насъ знать, спокойно проговорилъ онъ,—о, пожалуйста, не выражайте на своемъ лицѣ сожалѣнія... Я долженъ вамъ сказать, что съ этимъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ мы давно уже окончательно сжились. Будьте увѣрены, отъ меня вполнѣ зависѣло бы установить между нами самыя дружескія отношенія. Для того требовалось бы только, чтобы я явился на Моховую съ повинной. Простите, молъ, что любовь къ вашей дочеря заставила меня идти наперекоръ вашему рѣшенію. И я, конечно, поступилъ бы такъ, если бы они не были богаты. Но я не желаю дать имъ поводъ думать, что я иду на униженіе ради денегъ...

Въ голосѣ его звучали благородныя чувства. Парменъ Владиміровичъ думалъ: «Въ сущности, ты прощалыга», но на лицѣ его было выраженіе вниманія и сочувствія.

— Да, приданаго вы не получили, проговорилъ адвокатъ.

Хрустовъ пожалъ плечами.

— Они отреклись отъ своей дочери при наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ, выигравъ на этомъ очень крупную сумму. Я отлично понимаю, что это былъ своего рода способъ свести счеты со мной за тѣ убѣжденія, отъ которыхъ я никогда не откажусь. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я гордо держу въ рукахъ знамя, и никакія обстоятельства не вырвутъ его изъ моихъ рукъ.

— На принципахъ держится внутренній міръ человѣчества, сказалъ Рыбовскій.

Безмолвно смотрѣла Софья Васильевна на собесѣдниковъ. Взглядъ ея, строгій, переходилъ медленно отъ одного къ другому. Ея красивое лицо выражало не то скуку, не то усталость.

— Вотъ именно, согласился Иванъ Сергѣевичъ,—по крайней мѣрѣ я никогда не отступалъ отъ своихъ принциповъ, и въ этомъ отношеніи Соня является вполнѣ моею союзницей. Мы скорѣе умремъ съ голода, нежели согласимся на униженія.

— А сколько вы получаете, спросилъ Парменъ Владимировичъ,—тысячи три?

— Четыре. На государственной службѣ я несомнѣнно добился бы большаго, но мнѣ нужна свобода. Я не ренегатъ въ родѣ Мерлона.

— Мерлонъ не важная личность, дѣйствительно ренегатъ, подтвердилъ Рыбовскій,—онъ себя продалъ успѣху.

— О, деньги! деньги! вдохновенно произнесъ Хрустовъ, глядя въ пространство,—какъ ненавистна мнѣ ихъ роль, ихъ вліяніе на человѣче-

ство. Не мнѣ ли ихъ проклинать, не мнѣ ли чувствовать, сколько гнусности онѣ вносятъ въ жизнь!

Онъ ощущалъ на себѣ холодный взглядъ жены. Ему было очень непріятно.

— Деньги погубили мою сестру, сказалъ онъ.

— А... да, неопредѣленнымъ тономъ протянулъ Парменъ Владиміровичъ.

Хрустовъ продолжалъ:

— Я знаю, что ей теперь приходится плохо, и охотно пришелъ бы ей на помощь, но она всегда съ гордостью отклоняла всякое мое предложеніе. Люблю эту хрустовскую гордость, сочувствую ей. Мнѣ трудно отъ себя скрыть, что многіе осудили бы мою снисходительность, хотѣли бы, чтобы я клеймилъ жестокимъ словомъ поведеніе моей несчастной сестры. А развѣ я могу становиться на сторону тѣхъ, которые придумали условный житейскій кодексъ? Почему стану я возмущаться тѣмъ, что моя сестра разсердила лицемѣрныхъ охранителей устарѣвшаго общественнаго строя? Въ одной свободѣ правда.

Въ сущности ему надоѣло произносить выспреннія и благородныя слова. Ему досадно было, что ни одной сильной фразы онъ изъ себя выжать не можетъ. И взглядъ жены его тяготилъ. Что у нея за невыносимая привычка принимать видъ замороженной пиѳіи! Теперь этотъ прохвостъ Рыбовскій понесетъ всюду вѣсть о томъ, что у Хрустовыхъ неладно.

Эта мысль разсердила Ивана Сергѣевича. Онъ спросилъ:

— Какъ здоровье Василисы Антоновны?

Рыбовскій поблагодарилъ.

— Часто бываетъ у васъ этотъ симпатичный баронъ Воль?

Вопросъ для Пармена Владиміровича до крайности непріятный. Но онъ не смутился.

— Не правда ли, очень симпатичный? подхватилъ онъ,—онъ еще недавно былъ у насъ. Однако, мнѣ пора. Благодарю васъ, Иванъ Сергѣевичъ, за справку... Честь имѣю кланяться, Софья Васильевна.

Хрустовъ проводилъ гостя и вернулся къ женѣ.

— Я его терпѣть не могу, съ напускною развязностью проговорилъ онъ,—ему довѣрять нельзя.

Она посмотрѣла на него, словно рѣзко кольнула зелеными глазами, и отвернулась.

«Нервы», подумалъ Иванъ Сергѣевичъ, но рѣшилъ притвориться, будто ничего не замѣчаетъ.

— Рыбовскій человѣкъ безъ убѣжденій, началъ было онъ, но Софья Васильевна крикомъ оборвала:

— Довольно! Я все время молчала. Не заставляй говорить.

«А! Ну, дѣлать нечего, будемъ ругаться, коль на то пошло. Задамъ я ей!» мысленно подбодрилъ себя Хрустовъ и тоже крикнулъ:

— Продолжай молчать! Не тебѣ пристало повышать голосъ.

Софья Васильевна встала.

— Какъ ты лгалъ! О! Какъ тебѣ не было совѣстно! Зачѣмъ ты лгалъ? Вѣдь ты лгалъ ему, а не мнѣ. Онъ тебѣ не вѣрилъ, а для меня-то каждое твое слово было ужасно. Развѣ я не знаю, что ты просилъ денегъ у моихъ родителей и что они тебя прогнали, швырнули тебѣ

нѣсколько тысячъ какъ нищему? Развѣ я не знаю, что ты взялъ меня только въ надеждѣ на приданое? Неужели я не разглядѣла, по-твоему, какъ ты ничтоженъ, злобенъ и лживъ? Грѣхъ это, но я благодарю Бога за то, что мой ребенокъ умеръ, что я не дала людямъ такого человѣка, который былъ бы на тебя похожъ.

Это была не первая сцена между ними, но никогда еще не было столько гнѣва въ Софьѣ Васильевнѣ.

— Ты, можетъ быть, скажешь, что я тебя обманулъ! съ усмѣшкой произнесъ Хрустовъ,—ну, это еще кто кого... Еще бы! Я загубилъ твою жизнь! А ты мою не загубила? Ты отняла у меня свободу и силу. У меня были шансы, были планы, будущее!

Она съ тоской проговорила:

— О! Какъ ты жалокъ со своею вѣчною ложью! И какъ ничтожна я, коль-скоро еще могу тобою возмущаться! Мнѣ совѣстно, когда я вспоминаю твои прежнія слова и мою вѣру въ тебя. Стыдно мнѣ, что я дала себя обмануть. Какъ ты хитро поступалъ! Работа твоя началась съ того, что ты разъединилъ меня съ окружающими. Мало-по-малу перестала я быть дочерью и сестрой, сама отошла отъ своихъ и ихъ заставила отъ себя отойти. Тогда легко стало тебѣ на меня дѣйствовать. Твое притворное вдохновеніе, переходя ко мнѣ, дѣлалось искреннимъ, Всѣ твои слова о благородной борьбѣ за идею, о меньшемъ братѣ, о свободѣ духа... сколько звучало въ нихъ прелести, такой прелести, которая принадлежала мнѣ! Увлекала меня твоя поддѣльная энергія. Увлекало меня все то, чего я не понимала...

— Въ томъ-то и дѣло, что ты ничего не понимаешь и по настоящую минуту, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—не тебѣ обо мнѣ судить...

Софья Васильевна даже не обратила вниманія на его слова.

— Я думала, что въ тебѣ найду для себя новую жизнь. Я была готова на все. Ты изъ меня могъ сдѣлать преступницу. И лучше бы ты сдѣлалъ изъ меня преступницу, нежели придатокъ къ такому нулю, какъ ты. Кругомъ тебя были люди, къ которымъ ты подлаживался, а я воображала, что ты на нихъ похожъ. Произнося слова, они вѣрили имъ. Они вѣрили лжи. А ты ни во что̀ не вѣрилъ. Тебя всегда водила повсюду одна мелкая ненависть, одинъ эгоизмъ. Тебѣ нужно было меня удивить, чтобы овладѣть мной. А я тебѣ нужна была ради моихъ денегъ... О! Мое бѣгство, въ тотъ самый день, когда Володя застрѣлился! Три года прошло, а стыдъ—словно вчерашній.

Хрустовъ сѣлъ.

— Говори! Потомъ я скажу.

— Какъ скоро я увидѣла, что тебѣ нужны были мои деньги, и не для тѣхъ цѣлей, о которыхъ ты разсказывалъ, а только для того, чтобы жить хорошо! Ты не замѣчалъ, сколько времени я сама съ собой спорила, стараясь найти въ тебѣ хоть одно какое-нибудь качество... Мнѣ нужно было обманывать себя, когда стало ясно, что ты уже не можешь меня обмануть. Но я себя не обманула... Я вижу одну только грязь, ложь, темноту. Вотъ что̀: ты прежде клеветалъ, но если бы твоя клевета была искреннею ошибкой, я бы шла за тобой попрежнему. Чѣмъ крупнѣе ошибка, тѣмъ сильнѣе вдохно-

венье. Но даже зло было въ тебѣ притворно, а вся твоя злоба—ничтожная зависть.

— Ты кончила? спросилъ онъ.

Она, умолкнувъ, смотрѣла на него съ ненавистью.

— Кончила? Очень хорошо. Теперь пришла моя очередь. Твои слова меня не оскорбляютъ, но надоѣли мнѣ до крайности. Нечего и толковать, что я не вздумаю оправдываться. Скажу прямо: да, мнѣ деньги твои были нужны, потому что въ моихъ рукахъ онѣ превратились бы въ великія дѣла. А коль скоро ихъ нѣтъ, то нѣтъ и великихъ дѣлъ. Твои родители придрались къ случаю, чтобы завладѣть твоимъ приданымъ, которое, очевидно, пошло на украшеніе жизни Даши Скворца. Мы другъ въ другѣ ошиблись, и наиболѣе обманутымъ оказался я. Ты возмущаешься тѣмъ, что за моими словами не послѣдовали факты? Факты всегда могутъ быть, когда живою осталась мысль. Теперь я могу считать, что отвѣтилъ тебѣ. Но это еще не все. Отвѣчай ты: разъ выяснилось, что мы стали другъ другу непріятны, почему ты не предпочитаешь меня покинуть? А?

— Это рѣшено, спокойно отвѣтила Софья Васильевна.

Хрустовъ усмѣхнулся:

— Куда ты пойдешь? Къ родителямъ? Они тебя прогонятъ... Къ кому больше? Никто тебя не приметъ. Или ты разсчитываешь на заработокъ? Кажется, ты не разъ пробовала давать уроки, и ровно ничего изъ этихъ попытокъ не выходило. Слишкомъ много въ тебѣ сидитъ барства. Внѣ моей квартиры для тебя существуетъ только улица. Такъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло.

Что̀? Страшно стало? А зачѣмъ произносить громкія слова, ежели ихъ не обдумывать? Сама ты все твердишь: «загубленная жизнь», «загубленная жизнь», а какъ только я тебѣ доказываю, что жизнь твоя дѣйствительно загублена, сейчасъ блѣднѣешь.

— О! простонала она,—если бы нашъ ребенокъ не умеръ, я бы его убила изъ страха, что онъ будетъ такимъ же негодяемъ.

— Неужели?.. протяжно произнесъ Иванъ Сергѣевичъ, и лицо его приняло отвратительно-радостное выраженіе.—Ты была бы на это способна? Вотъ отлично. Послушай, я тебѣ кое-что разскажу. Садись. Разговоръ будетъ интересный.

Голосъ его звучалъ такою зловѣщею усмѣшкой, что Софью Васильевну обуялъ страхъ. Предчувствіе чего-то ужаснаго охватило ее.

Внезапно обезсиленная, она опустилась на стулъ.

— Ему было бы два года, не правда ли? сказалъ Хрустовъ,—два года тому назадъ онъ заблагоразсудилъ внѣдриться въ міръ въ качествѣ мертворожденнаго... Такъ, два года было бы ему?

— Было бы два года, прошептала Софья Васильевна.

— Ха! Было бы! А, можетъ быть, ему два года и есть.

Вздрогнула она, со сдавленнымъ сердцемъ.

— Что̀ ты хочешь сказать?

— Массу. Цѣлую область хочу я сказать, если можно такъ выразиться... Впрочемъ, какъ хорошо было бы теперь оборвать повѣствованіе, замкнуться въ молчаніи и выйти изъ комнаты! А? Сколько мыслей бы у тебя явилось! Ты бы

стала себя мучить и, конечно, утверждала бы, что мучитель я. Знаю твою повадку... А, не помолчать ли?

Жена смотрѣла на него безмолвно, но взглядъ ея кричалъ «говори!».

Иванъ Сергѣевичъ засмѣялся тѣмъ смѣхомъ, который ему служилъ однимъ изъ способовъ расходовать злость.

— Начнемъ съ другого конца. Послѣ родовъ ты пролежала почти двѣ недѣли безъ памяти. Помнишь? Когда потомъ я тебѣ объявилъ, что ребенокъ былъ мертвый, ты поплакала и успокоилась. А плакать не слѣдовало, не слѣдовало мнѣ вѣрить. Надо было всѣхъ допросить... Всѣхъ! И акушерку, которая съ тѣхъ поръ Богу душу отдала, и прислугу, которую я быстро смѣнилъ... Можетъ быть, ты и добралась бы до правды... Вотъ ты бы и узнала, можетъ быть, что сынъ нашъ съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей сданъ въ воспитательный домъ, гдѣ и обрѣтается среди сотенъ ему подобныхъ и безо всякихъ отличительныхъ клеймъ.

Попрежнему Софья Васильевна молчала. Но ей казалось, что она кричитъ и плачетъ. Стоны и слезы были внутри ея, оглушали ее и душили. Въ первый разъ въ жизни ощущала она такое страданіе, въ которомъ гнѣвъ не былъ все. Впервые видѣла она себя несчастною, съ такими чувствами, какихъ она еще не знала. Холоднымъ и чернымъ казалось ей все то, что̀ составляетъ жизнь. Представлялось ей, что въ ней больше боли, нежели души, и что вся эта лишняя боль распространяется вокругъ нея кругами страданья. Мучительная любовь къ сыну вызывала такое ощущенье, какъ будто всѣ мысли болятъ.

Веселая, довольная своею жизнью и случаемъ показать свою нарядную квартиру, Вѣра Михайловна поцѣловалась съ гостьей, для чего ей пришлось подняться на цыпочки, потомъ схватила ее за локоть и повела въ гостиную.

— Ну, вотъ, отлично! Мы съ тобой поболтаемъ вдосталь, какъ добрыя кузиночки... Вѣдь мы кузины, par alliance... Ахъ! Родственныхъ связей никогда не слѣдуетъ забывать. А ты забывала! Да, ты забывала. Нехорошо. Очень нехорошо. Мы года три не видѣлись... Вотъ, вотъ, три года, съ тѣхъ поръ какъ ты вышла замужъ... Представь себѣ, я тебѣ очень сочувствовала, когда узнала всю эту исторію. J'aime les caractères à l'emporte pièce. У тебя всегда былъ такой рѣшительный характеръ, и я положительно знала, что съ тобой что-нибудь такое превзойдетъ. Я даже говорила Коко: «c'est très amusant». А ты и не подозрѣвала? Ты воображала, что я осуждаю тебя? Полно. Разъ дѣло идетъ о бракѣ, о такомъ таинствѣ... Конечно, если бы ты просто стала жить съ человѣкомъ... Впрочемъ, зачѣмъ говорить о томъ, чего нѣтъ... Вотъ нехорошо ты себя вела относительно меня... Я тебя ждала. Право. Я ждала тебя. Ты сама понимаешь, я гораздо раньше вышла замужъ, чѣмъ ты, и я старше тебя на одинъ годъ... Ты должна была придти и показать мнѣ своего мужа, котораго я почти не помню... Ты счастлива?

Всѣ эти короткія и торопливыя фразы шумѣли въ ушахъ Хрустовой, какъ трещетки, и разбивали то настроеніе, съ которымъ она пришла. Дружелюбный пріемъ, ей оказанный, согрѣвалъ ей душу. Столько времени ничего не слышала *она, кромѣ* грубыхъ словъ!

— Нѣтъ, сказала она. — Я очень несчастна. Я знала, что ты добрая, и пришла поговорить съ тобой о моемъ горѣ.

Ей показалось страннымъ и обиднымъ, что такія слова стали для нея возможны. И голосъ не попрежнему звучитъ.

Нефедова сразу насторожилась, словно отошла, готовясь скрыться. Она вглядѣлась въ кузину, замѣтила ея темный видъ, обратила вниманіе на скромное платье. «А! вотъ въ чемъ дѣло?»

Она сказала:

— Ты несчастна? Au fond, это можно было ожидать. Видишь ли, ты вышла замужъ противъ воли родителей, а Богъ всегда за это наказываетъ. Что̀ же дѣлать! Надо терпѣть. Что̀ Богъ посылаетъ—отъ того нельзя уходить. Можетъ быть, ты несчастна потому, что у тебя мало денегъ?

Софья Васильевна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Денегъ у меня совсѣмъ нѣтъ, но не въ этомъ мое горе.

Вторая половина отвѣта прозвучала для Вѣры Михайловны успокоительно, но первая ей не понравилась. На всякій случай она сочла нужнымъ принять мѣры предосторожности.

— Опять я тебѣ скажу, что денегъ у тебя нѣтъ по твоей же винѣ. Я вообще никогда не осуждаю родителей, parce que les parents sont... sont une institution, которую мы должны уважать; но я должна сказать, что относительно тебя они поступили по своему праву.

— Я ихъ и не осуждаю, съ тоской произнесла Хрустова.

— Вотъ за это хвалю! Это доказываетъ, что

у тебя осталось христіанское чувство. Посмотри на меня. Развѣ я осуждаю свою мать? А сколько я вижу отъ нея непріятностей, хотя бы опять-таки по денежнымъ дѣламъ. Какъ ты, можетъ быть, знаешь, она дала мнѣ хорошое приданое и оставила себѣ хорошія деньги. Но когда я замѣтила, что Коко слишкомъ много тратитъ и что мы можемъ остаться sans le sou, я получила отъ мамы остальныя и держу ихъ у себя, а мамѣ даю полторы тысячи въ годъ, потому что ей больше не надо. Ты сама понимаешь, что полторы тысячи это очень большія деньги. А потомъ оказалось, что мамѣ мало... Она не проситъ, нѣтъ. Ты понимаешь, если бы она просила, мнѣ было бы неловко ей отказать, но у нея такая манера, знаешь, постоянно даетъ понять, намекаетъ. Намеки, вообще, вещь непріятная. Они мѣшаютъ à la sincérité des rapports. Я же не хочу, чтобы между нами были непріятности. Поэтому я попросила Коко, у котораго есть знакомые, и онъ устроилъ маму въ отличной богадѣльнѣ... Не въ простой, гдѣ даютъ каждый день щи, а въ такой, гдѣ можно приплатить за отличную комнату и за хорошій обѣдъ. Это очень далеко, и мама рѣдко ходитъ. Можетъ быть, она недовольна мною, но я все ей прощаю и молюсь за нее Богу, потому что la religion nous enseigne de pardonner les offenses. А вотъ ты говоришь, что у тебя совсѣмъ нѣтъ денегъ. Это опять доказываетъ, что ты не права. Если бы я была глупа, я бы давно была безъ денегъ, потому что Коко очень много тратитъ. Но я не была легкомысленна. Рыбовскій мнѣ устраиваетъ дѣла. Онъ покупаетъ и продаетъ для меня бумаги. Все идетъ очень хорошо, и ключъ отъ кассы у меня.

А что мнѣ мѣшало все истратить или все раздать? Я не попрыгунья-стрекоза.

— Вѣра, ты ошибаешься, рѣзко сказала Софья Васильевна,—я не пришла просить денегъ.

— Это хорошо. Это очень хорошо, потому что я никогда никому денегъ не даю. Зачѣмъ я буду давать, когда я сама ни у кого не прошу? И если я раздамъ свои деньги, то кто же мнѣ ихъ дастъ, когда у меня ихъ больше совсѣмъ не будетъ?

Хрустова согласилась, безстрастно:

— Совершенно вѣрно. Я пришла къ тебѣ съ просьбой, но не съ денежной.

— Съ какою просьбой? съ возродившеюся улыбкой проговорила Вѣра Михайловна.

— Я очень несчастна, сказала Софья Васильевна,—и я не знаю, гдѣ искать конца своему горю... Отъ меня отвернулись тѣ, которые всего болѣе могли бы мнѣ помочь... Мнѣ больше не къ кому обратиться, какъ къ тебѣ, къ твоему мужу... Ты не можешь себѣ представить, какъ поступилъ со мной Иванъ Сергѣевичъ.

Ей было очень тяжело и стыдно произносить эти слова, но она не сумѣла подыскать другихъ, съ которыхъ легче было бы начать.

— Ton mari te rend malheureuse? Какая ты странная, Соня! Я вижу, что ты совсѣмъ не умѣешь жить. Люди только тогда могутъ сдѣлать насъ несчастными, когда мы имъ это позволяемъ, то-есть когда мы безхарактерны и поддаемся. Если ты видишь, что Иванъ Сергѣевичъ тебя не любитъ, то и ты перестань его любить, и тогда тебѣ станетъ все равно. А если онъ дурной человѣкъ, то ты успокойся на томъ, что сама исполнила свой долгъ. Знаешь, когда у меня непріятности, я сейчасъ молюсь Богу за того,

который меня обидѣлъ. И какъ только я помолюсь, у меня является мысль, что я лучше другихъ, потому что другіе, навѣрно, не помолились.

Сказавъ это, Нефедова весело улыбнулась и посмотрѣла вверхъ.

— Господи! вздохнула Софья Васильевна,— до сихъ поръ я не научилась молиться. И въ моемъ горѣ одной молитвы было бы мало!

Вѣра Михайловна покачала головой.

— О! о! какія нехорошія слова. Ну, въ чемъ твое горе?

Съ большимъ трудомъ Хрустова повѣдала кузинѣ все то, что̀ узнала отъ мужа. Ребенокъ живъ. Его надо отыскать. Могъ бы сдѣлать это только Иванъ Сергѣевичъ, но онъ не хочетъ. Онъ смѣется. У Константина Николаевича имѣются отличныя связи... Вѣроятно, онъ не откажется помочь.

— Не могу я жить безъ своего ребенка! крикомъ закончила Софья Васильевна.

Разсказавъ свое горе, она словно удвоила его. Прозвучавъ въ словахъ, оно стало ярче, опредѣленнѣй. Какъ будто отъ каждаго стона страданія пошли развѣтвленія, ростки... Мальчикъ, дорогой мальчикъ, внезапно начавшій для нея существовать, мальчикъ, чье имя ей неизвѣстно!.. Мальчикъ, о которомъ ей ничего неизвѣстно и котораго она себѣ не можетъ представить иначе, какъ плачущимъ!

Нефедова выслушала ее съ большимъ интересомъ. Никакъ не думала она, что въ жизни кузины окажется такое необыкновенное происшествіе. Очень разсудительная, она сразу поняла, что помочь въ такомъ дѣлѣ невозможно. Во-первыхъ, не слѣдуетъ соваться въ исторіи.

Во-вторыхъ, для Коко не особенно выгодно, чтобы знали о его свойствѣ съ человѣкомъ, дѣлающимъ des canailleries pareilles. Въ-третьихъ, извѣстно, что ребенка, сданнаго въ воспитательный домъ, отыскать нельзя, если сдавшій человѣкъ не принялъ къ тому мѣръ...

Все это Вѣра Михайловна быстро разсудила и сказала своей кузинѣ:

— Отлично! Я переговорю съ Коко. Сама понимаешь, я ни за что̀ не ручаюсь и сразу ничего не дѣлается.

Та посмотрѣла на нее такимъ взглядомъ, который весь былъ боль.

— О! дай Богъ, чтобы поскорѣй... Поскорѣй хоть какой-нибудь отвѣтъ, а то я умру. Я больше ни о чемъ не думаю. У меня сердце болитъ даже во снѣ.

— Хочешь чаю? предложила Нефедова и, замѣтивъ, что этотъ вопросъ точно оскорбилъ гостью, наставительнымъ тономъ произнесла:

— Ты воображаешь, что я безсердечна? Ахъ! какая ты злая, какая ты осуждающая! Не этимъ расположишь ты Бога въ свою пользу... Но ничего, ничего... Я тебѣ прощаю. Я даже могу дать тебѣ хорошій совѣтъ. Видишь ли, все твое несчастіе происходитъ именно отъ того, что ты слишкомъ много о немъ думаешь. Il faut se distraire. Я бы на твоемъ мѣстѣ поѣхала въ театръ. Я увѣрена, что ты нигдѣ не бываешь, никого не видишь. Надо быть очень осторожной въ жизни и теперь ты непремѣнно должна предвидѣть, что твое дѣло не удастся. А поэтому ты должна себя подготовить, чтобы потомъ не приходить въ ужасъ... Вотъ, хочешь, я тебѣ приведу примѣръ... Не хотѣла я объ этомъ говорить, но выдамъ тебѣ

потъ взволновала ее такъ, что охватившее ее безпокойство можно было принять за огорченіе.

— Умеръ! вполголоса произнесла она.

Ей нимало не захотѣлось плакать. «C'est vrai!» подумала она. Il y a longtemps que je ne l'aime plus. Въ сущности, безъ него спокойнѣй будетъ жить. Сколько окажется послѣ него долговъ?»

Софья Васильевна смотрѣла на нее съ удивленіемъ. Какъ! ни одного крика?

— Это неожиданное несчастіе, сказала Нефедова.—Онъ скончался при васъ?

— Да... Онъ упалъ... Мы призвали доктора, который опредѣлилъ разрывъ сердца.

— Гдѣ? рѣзко спросила Вѣра Михайловна.

Растерянно, Парменъ Владиміровичъ повторилъ:

— Разрывъ сердца...

— Да гдѣ, я васъ спрашиваю, гдѣ это съ нимъ случилось? Въ ресторанѣ?

— Нѣтъ, не въ ресторанѣ, такъ, знаете, пробормоталъ Рыбовскій.

Адвокатъ развелъ руками. Положительно онъ предпочиталъ молчать. Но молчать было трудно. Поэтому онъ заявилъ:

— Покойника сейчасъ доставятъ сюда, въ каретѣ... чтобы никто не зналъ, что онъ умеръ не дома... полиція приметъ мѣры...

Нефедова пришла въ ярость:

— Да гдѣ же онъ умеръ? Я хочу знать.

Нечего было дѣлать, пришлось Пармену Владиміровичу объяснить, что Константинъ Николаевичъ умеръ у такой дамы, у которой умирать совсѣмъ неприлично. Онъ ожидалъ, что Вѣра Михайловна дастъ полную волю неистовству,

и чрезвычайно удивился, когда услышалъ ея слова:

— Я такъ и думала, какъ только вы начали говорить... И вы тамъ были? Ну, знаете, я перестану довѣрять вамъ свои дѣла. Но обо всемъ этомъ потомъ... Его сейчасъ привезутъ? Отлично. Надо будетъ призвать доктора, чтобы констатировать смерть, потомъ раздѣть его, обмыть, распорядиться насчетъ панихидъ и похоронъ. Я все это сдѣлаю и попрошу васъ мнѣ помочь. Ты видишь, Соня, que ma vie à moi aussi n'est pas rose... Но я надѣюсь, что Богъ меня не оставитъ. Я же прощаю своему мужу всѣ его грѣхи. Теперь уже не намъ о нихъ судить.

Она перевела духъ, перекрестилась и ровнымъ голосомъ произнесла:

— Царствіе ему небесное!

IV.

Софья Васильевна пришла къ княжнѣ Ксеніи Владиміровнѣ.

За нѣсколько минутъ до своего прихода не ожидала она, что у нея явится рѣшимость войти въ квартиру родителей. Видѣть Ксенію ей хотѣлось прямо-таки болѣзненно. Въ больной душѣ своей двоюродной сестры она угадывала готовый откликъ на ея безмѣрное страданіе. Ей казалось, что уже не помощь ей нужна, а только простое сочувствіе... Но Ксенія живетъ у ея родителей. Не можетъ она войти къ нимъ, потому что отъ перваго ихъ взгляда въ ней зародится столько стыда, что душа не выдержитъ... Вызвать Ксенію невозможно... Встрѣтиться съ

ней на улицѣ? Гдѣ? Бѣдная Ксенія не отходитъ отъ Андрюши...

И ей случалось по нѣскольку разъ въ день, прикрывъ лицо муфтой, проходить по Моховой, мимо знакомаго дома. Съ болью въ сердцѣ и слезами на глазахъ она заглядывала въ окна, ждала чего-то. Представлялось ей, что тутъ, за толстою сѣрою стѣной, она сумѣла бы найти хоть мигъ утѣшенія. Съ ужасомъ думала она о томъ, что въ какихъ-нибудь двадцати минутахъ ходьбы отсюда, на другой ненавистной улицѣ, темнѣетъ то зданіе, гдѣ жизнь для нея чернѣе смерти. Изъ того проклятаго дома она уйти не можетъ, потому что нѣтъ мѣста, куда бы она могла придти.

Но она хоть можетъ уходить на цѣлые часы, спасается на улицѣ, съ ощущеніемъ неизбѣжно предстоящаго ей ужаснаго возвращенія. И каждый разъ, возвращаясь, она съ тоской видитъ въ себѣ смутную надежду на то, что произойдетъ какая-то невѣдомая перемѣна, что неожиданною волной жизни ее внезапно придвинетъ вплотную къ смерти... Внѣ смерти спасенія нѣтъ... Узнать, что ребенокъ погибъ для нея безвозвратно, и тогда умереть...

Но сперва надо узнать, чтобы не пришлось раскаяться въ смерти такъ же, какъ теперь она раскаивается въ своей жизни.

Идетъ она по улицѣ, видитъ дома, магазины, прохожихъ, а кругомъ нея словно пустыня стелется... Чужая жизнь для нея не жизнь... другіе люди живутъ и не знаютъ ея горя, живутъ внѣ окутывающаго ее мрака...

Проходятъ они мимо, не видя ея страданія... Носится она съ цѣлымъ міромъ наболѣвшихъ

терзаній, а до этого міра никому дѣла нѣтъ. Она—могила, вокругъ которой красуются цвѣты, проведены чистыя дорожки... Съ каждымъ мигомъ горе растетъ, горе накопляется... Въ душѣ столько горя, что она изуродована. Нельзя показать людямъ душу. Они отвернутся съ отвращеніемъ, побоятся заразить свои души страданіемъ... Идетъ она по улицѣ, торопится, бѣжитъ, съ пристальнымъ взглядомъ зеленыхъ глазъ, и сама себя видитъ, жалкую, навѣки безрадостную... Скорби въ ней столько, что мысли устали. Подѣлиться нужно, открыть свою душу и почувствовать, что кто-то понялъ и пожалѣлъ... Если бы всѣ эти люди, которымъ все равно, узнали правду, неужели они могли бы улыбаться? Могли бы, да, навѣрно... Тотъ, злобный, Иванъ Сергѣевичъ, не всю злобу міра въ себѣ претворилъ... И равнодушіе хуже злобы, потому что оно людямъ нужнѣй... Господи! Всякая мысль—это боль...

Идетъ она, торопится и вдругъ останавливается, словно пригвожденная къ мѣсту. Въ быстро пронесшейся каретѣ она увидала отца и мать. Они ея не узнали, не замѣтили, но она увидѣла ихъ, послѣ трехъ лѣтъ! Ихъ лица мелькнули, и все увидѣла она, что̀ въ нихъ дорого... Теплое чувство дѣтской любви проснулось въ ней, и она сдѣлалась еще болѣе несчастна, разглядѣвъ, что они не такіе, какими стала ихъ воображать. За три года они въ ея представленіи измѣнились, обрисовывались какими-то изображеніями гнѣва и презрѣнія... Думала она, что своимъ поведеніемъ внушила имъ навѣки суровость... А тутъ вдругъ увидѣла она добродушное, немного жалкое лицо отца, уловила

скорбное выраженіе на лицѣ матери... О! кинуться къ нимъ.

А вдругъ одного ея появленія будетъ достаточно, чтобы брови сдвинулись, чтобы раздались сердитые голоса?

Испугалась она, дрожитъ. Въ ея наболѣвшей душѣ все постоянно готово для страха и для слезъ.

Внезапная мысль сверкаетъ въ ней, вызываетъ радость и волненіе... Отецъ и мать поѣхали на похороны Константина Николаевича Нефедова... Сегодня его хоронятъ... Имъ не вернуться раньше, какъ черезъ два часа. Ксенія осталась дома... Пойти къ ней, поцѣловать ее, почувствовать на себѣ ея поцѣлуй... И Андрюшу увидѣть... Войти опять въ это родное страданіе, котораго она столько лѣтъ не понимала и которое теперь согрѣетъ ей сердце.

Торопится она, почти бѣжитъ, видитъ знакомый домъ. По мѣрѣ того, какъ она къ нему приближается, чувство мучительной поспѣшности разрастается въ ней... Господи! и могла она жить безъ Ксеніи, могла проходить мимо этого дома... Теперь она вошла бы даже въ присутствіи отца и матери, вошла бы даже для того, чтобы безжалостно быть изгнанной.

Вотъ подошла она совсѣмъ близко, нервно ускоряя шагъ... Двѣ дамы, идя навстрѣчу, на мигъ заградили ей путь, и она едва не заплакала... Наконецъ, входитъ она въ подъѣздъ, и сразу на нее нахлынули впечатлѣнія возобновленіемъ прошлаго... Словно перерождается она, вновь чувствуетъ себя Соней, перестаетъ быть Хрустовой, ощущаетъ въ себѣ быстро нарастающую радость... Милая, дорогая, знакомая

лѣстница... мраморный каминъ вестибюля, золоченыя рамы зеркалъ, своеобразный рисунокъ ковра... все это подробности, которыя живутъ и дышатъ... И все тотъ же швейцаръ, старикъ Илья... Онъ смотритъ на нее съ удивленіемъ... видно, что онъ радуется.

— Дома княжна Ксенія Владиміровна?

— Дома, ваше сіятельство, дома, пожалуйте, торопливо отвѣчаетъ швейцаръ, попрежнему обращаясь къ ней, какъ къ княжнѣ... И въ этихъ двухъ словахъ: «ваше сіятельство» звучитъ какъ бы стихійное отрицаніе того, чего и не должно было бы случиться... звучитъ въ нихъ точно признаніе ея права на прошлое, безсознательное указаніе на то, что будущее для нея не закрыто...

— Здравствуй, здравствуй, Илья, говоритъ Соня и спѣшитъ наверхъ, ободренная и счастливая, въ жаждѣ наступленія слѣдующихъ минутъ... Безбрежною радостью представляется ей то время, которое она проведетъ у Ксеніи. Только это время она и видитъ, опьяненная впечатлѣніями, отъ какихъ она отвыкла. Съ каждою ступенькой чувствуетъ она, какъ входитъ въ родную жизнь, готовую ее принять и защитить, съ каждымъ шагомъ растетъ въ ней вдохновеніе какое-то... Упоеніе охватываетъ ее... Она ощущаетъ, что стѣны и двери ее принимаютъ, что окружающее какъ будто находитъ себѣ желанное дополненіе въ томъ, что она на него смотритъ... Входитъ она въ раскрытую дверь квартиры, проносится мимо удивленнаго лакея и спѣшитъ въ свою комнату, туда, гдѣ она когда-то считала себя въ тюрьмѣ и гдѣ для нея теперь прошлое создало себѣ храмъ. Дрожащею и холодною рукой напираетъ она

на ручку двери, входитъ и слышитъ возгласъ, звучащій радостью и испугомъ:

— Соня, ты!

Это крикнула Ксенія, дорогая, хорошенькая Сеня, въ которой красота сверкаетъ ангельскимъ сіяніемъ. Вотъ она, чудная, безгрѣшная, святая. Вотъ ея добрые голубые глаза, дивные золотистые волосы... весь ея ласковый обликъ... Вотъ она, та, о которой мечталось такъ, какъ будто она живетъ высоко на небѣ.

— Ксенія, ангелъ!

И онѣ цѣлуются, плачутъ, смѣются. Ихъ обѣихъ охватилъ вихрь рѣзкаго счастія, вѣющій безуміемъ, неземною радостью.

— Соня, славная, хорошая, какъ я рада тебя видѣть... Ты вернулась? Ты совсѣмъ вернулась? Ты будешь просить прощенія? О, пожалуйста, проси... Они тебя простятъ, они тебя любятъ... Развѣ можно увидѣть тебя и не простить... Мнѣ здѣсь стало хорошо, будетъ хорошо и тебѣ...

— Ксенія, чудная, святая... Прости меня, ты меня прости. Утѣшь, приласкай. Мнѣ это нужно, такъ нужно...

— Ты несчастна? Говори, почему ты несчастна, разскажи все... Мы поплачемъ вмѣстѣ, и такъ намъ будетъ хорошо...

— Разсказать? Все? Потомъ... Дай посмотрѣть на тебя... Да, ты другая стала... у тебя изъ глазъ смотритъ тихая душа... А у меня злая. Похорошѣла ты, свѣтлая стала, небесная. А я! А я!

— Соня, перестань, не волнуйся, успокойся. Я хочу тебя видѣть, а волненіе мѣняетъ твое лицо. Дорогая моя, бѣдная...

— Гдѣ Андрюша? Покажи мнѣ Андрюшу... чтобы я могла его поцѣловать, просить у него

прощенія за то, что я его не любила... О, я никого не любила, и все-таки мнѣ нужно, чтобы теперь меня любили всѣ...

— Вотъ Андрюша, показываетъ Ксенія,—тутъ на диванѣ... видишь...

Соня видитъ, и ей дѣлается больно... Вотъ онъ, большой, крѣпкій, съ потемнѣвшими волосами. Онъ сидитъ на диванѣ, улыбается, смотритъ на нее... Можно подумать, что онъ ее узнаетъ. Она кидается къ нему, цѣлуетъ его, прижимаетъ свое лицо къ его лицу, а онъ шепчетъ очень внятно:

— Кто? Кто? Кто?

— Онъ говоритъ! вскрикиваетъ Соня.

Ксенія радостно подтверждаетъ:

— Да, говоритъ... только два-три слова... мое имя... тетю онъ называетъ мамой... Сейчасъ онъ въ первый разъ сказалъ «кто»... О! я его вылечу.

Снова цѣлуются онѣ, снова счастливы.

— Почему ты несчастна, разсказывай, проситъ Ксенія.

Соня приступаетъ къ разсказу, но сразу видитъ, что нельзя, нельзя! Ея ненавистное горе проснулось, очарованіе нарушено, волшебство чарующаго сна миновало.

— Довольно, довольно! благодарю, шепчетъ она,—я несчастная, я сумасшедшая, я не могу. Я приду въ другой разъ, я приду къ мамѣ, буду просить... Я ей разскажу, а потомъ приду къ тебѣ, чистая.

И она уходитъ съ такою же поспѣшностью, съ какою вошла, торопится унести съ собой ненарушеннымъ впечатлѣніе счастливыхъ минутъ взволнованно думаетъ о томъ, что съ этими впечатлѣніями ей нужно бѣжать въ церковь, въ ту

самую церковь, которая спасаетъ все человѣчество.

Вотъ она снова на улицѣ, снова спѣшитъ, но уже другая, одухотворенная надеждою и вѣрою, словно унесла съ собой лучи сіянія, исходящаго отъ Ксеніи. Она входитъ въ храмъ, опускается на колѣна, молится, словъ не произнося. Душа ея возносится куда-то вверхъ, безмолвная молитва объединяетъ ея земное страданіе съ обѣтованіемъ неземного. И вдругъ точно оборвалось въ ней чувство, застыла душа. Она вспомнила фарисейскія молитвы Вѣрочки. Подступило къ ней со всѣхъ сторонъ ощущеніе лжи, злобы, обиды. Подхватила ее волна жизни, потянула къ себѣ назадъ, снова смѣшала ея душу съ горемъ и грязью.

И Софья Васильевна вышла изъ церкви съ такимъ чувствомъ, какъ будто церковь ея не приняла.

V.

Софья Васильевна пришла къ Пармену Владиміровичу.

Ее толкало отъ одного къ другому, съ мѣста на мѣсто. Всюду искала она успокоенія, не находила его нигдѣ. Отъ посѣщенія двоюродной сестры не стало ей легче. Напротивъ, душа наболѣла сильнѣй. Рѣзче обозначилось ея горе. Теперь, продолжая биться въ сѣти окутавшихъ ее страданій, она видѣла въ себѣ меньше энергіи. Мысль о ребенкѣ ее не покидала. И это была не мысль, а скорѣе чувство, въ которомъ каждая частица дышала болью.

Къ Пармену Владиміровичу рѣшила она обра-

титься потому, что слышала о немъ, какъ о человѣкѣ практичномъ.

Онъ выслушалъ ее внимательно, испытывая большое удовольствіе отъ ея разсказа. Ему нравилось, что наконецъ-то сущность Хрустова вылилась въ фактъ. Отнынѣ, когда ему захочется сказать, что Иванъ Сергѣевичъ подлецъ, онъ будетъ приводить въ подтвержденіе своихъ словъ довольно типичный случай.

— Итакъ, чего же вы собственно желаете? спросилъ онъ, когда Софья Васильевна ему все разсказала.

— Найти своего ребенка...

Рыбовскій улыбнулся.

— Вы обращались въ контору воспитательнаго дома?

— О! Нѣтъ!

Она покраснѣла при одной мысли о томъ, что могла бы войти со своимъ несчастіемъ въ какую-нибудь контору, гдѣ сидятъ равнодушные люди и пишутъ цифры въ большихъ книгахъ.

— Жаль. Вы бы сразу убѣдились въ тщетѣ своихъ надеждъ. Сдалъ ребенка вашъ мужъ и только онъ одинъ могъ бы вамъ помочь, но, очевидно, не захочетъ... Тутъ никакія силы не могутъ быть вамъ полезны. Да оно въ сущности и ни къ чему... Живъ ли онъ еще? Наконецъ, если бы совершенно исключительное вмѣшательство пришло къ вамъ на помощь, я бы не взялъ на себя смѣлость утверждать, что тотъ мальчикъ, котораго вамъ вернутъ, дѣйствительно вашъ...

«Я слушаю и не страдаю!» удивилась Софья Васильевна. «Я слушаю и я все та же».

Но едва успѣла она такъ подумать, какъ сильная душевная боль заставила ее поблѣднѣть.

— Никакой надежды? прошептала она.

— Никакой, подтвердилъ Парменъ Владиміровичъ.—Знаете что̀, милая барыня, я вамъ совѣтую оставить это дѣло, то-есть, не подходить къ нему съ этой стороны. Полноте. Вы считали своего сына умершимъ, даже, кажется, мертворожденнымъ, такъ и продолжайте считать, что такъ оно и есть. Насколько я знаю Ивана Сергѣевича, онъ способенъ былъ даже всю эту исторію сочинить, чтобы доставить вамъ рядъ волненій.

— Неужели! вскрикнула она, внезапно радостная, и всѣ мысли ея вернулись къ той минутѣ, когда мужъ ей сказалъ о своемъ поступкѣ. Она увидѣла предъ собой его лицо, услышала его голосъ... и все это такъ явственно, что дрожь ее охватила.

Упавшимъ, едва слышнымъ голосомъ она произнесла:

— Нѣтъ, это правда. Онъ не солгалъ.

— Что же, въ такомъ случаѣ оно не такъ дурно. Вы теперь можете отъ него избавиться.

— Разводъ?

«Господи! Господи! Неужели я могу развестись!» подумала она, не смѣя вѣрить такому счастію. «Уйти! Уйти навѣки»...

Парменъ Владиміровичъ засмѣялся.

— Ахъ, барыня, барыня милая, какъ все у дамъ скоро дѣлается! Для формальнаго развода нѣтъ никакого законнаго основанія. Вы, очевидно, воображаете, что вашъ мужъ совершилъ преступленіе. Нисколько. Юридически онъ чистъ до великолѣпія. Но мы вамъ устроимъ отдѣльный видъ на жительство черезъ комиссію прошеній.

— Это возможно? Я не буду отъ него зависѣть?

«Да развѣ я отъ него завишу?» тотчасъ же сказала она себѣ. «Развѣ онъ станетъ мнѣ мѣшать, если я захочу отъ него уйти? Развѣ этого мнѣ нужно?»

— Вполнѣ возможно, сказалъ Рыбовскій,—потребуется только навести кое-какія справки, разыскать прислугу, какая у васъ была въ то время, вообще подобрать доказательства того, что ребенокъ былъ живъ и вашимъ мужемъ унесенъ живымъ изъ квартиры. Конечно, все это потребуетъ расходовъ...

Софья Васильевна пожала плечами.

— Нѣтъ, я не хочу. Мнѣ не отъ мужа нужно уйти, а отъ самой себя.

— Можетъ быть, у васъ нѣтъ денегъ?.. Не безпокойтесь, я возьму расходы на себя, а вы мнѣ потомъ отдадите, когда сойдетесь съ своими родителями. Я и въ этомъ могу вамъ помочь, предложилъ Парменъ Владиміровичъ.

Она посмотрѣла на него съ такимъ видомъ, точно его слова были для нея совсѣмъ непонятны.

— Денегъ у меня нѣтъ, спокойно проговорила она,—но ядъ у меня имѣется. Это лучше. Прощайте. Я сперва хорошенько подумаю, а потомъ, вѣроятно, отравлюсь.

VI.

Неожиданное появленіе Алекса очень порадовало князя Николая Васильевича.

Младшій Хрустовъ мало измѣнился. Онъ окрѣпъ, возмужалъ, отпустилъ бороду, но въ глазахъ была прежняя энергія, молодости не убавилось

въ немъ вовсе. Взглянувъ на него, Могиловъ-Стольный увидѣлъ всю перемѣну, которая въ немъ самомъ произошла. Пока жизнь закаляла Алекса, Николая она истрепала. «И вѣдь мы были когда-то почти одинаковы!» съ тоской подумалъ князь. На мигъ въ немъ поднялась энергія, вызванная сознаніемъ того, что отъ бездѣйствія атрофируется въ немъ душа.

— Надолго? спросилъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Не надолго, а совсѣмъ, съ веселымъ смѣхомъ объявилъ Алексъ,—я переведенъ сюда товарищемъ прокурора.

— Ты давно пріѣхалъ?

— Третьяго дня... О! не безпокойся, я все знаю... Я поселился у отца, встрѣтилъ Мерлона, имѣлъ удовольствіе сейчасъ видѣть Рыбовскаго, и всѣ поступки моего брата мнѣ хорошо извѣстны. Жаль, не попалъ сегодня на похороны Нефедова... Да и ты, поди, не былъ... Если позволишь, мы объ этомъ не будемъ говорить. Дай срокъ, на всякіе разговоры и на всякіе поступки найдется время. Я примусь за свою прежнюю семью тогда, когда устрою здѣсь жену и дѣтей.

— У тебя дѣти? удивился Могиловъ-Стольный.

Алексъ засмѣялся.

— Послушай, отчего же имъ не быть? Да, у меня двое, сынъ и дочь... какъ это называется, розовыя дѣтки. Какъ только я найду квартиру, я ихъ выпишу сюда. Ну, а ты что?

Николай Васильевичъ съ горестью усмѣхнулся.

— Я? Ровно ничего. Пребываю въ собственной пустотѣ.

Всмотрѣлся въ него Александръ Сергѣевичъ, сдвинулъ брови.

— Вотъ какъ?.. Въ самомъ дѣлѣ, отъ прежняго въ тебѣ осталось мало. Ты словно погасъ. Впрочемъ, буду допрашивать обстоятельно... Служишь?

— Числюсь... Эта работа меня не интересуетъ... на мелочахъ держатъ, ничего существеннаго не поручаютъ...

— Ну, да, тебѣ сразу бы весь капиталъ... Чѣмъ же ты занимаешься?

— Ничѣмъ... Читаю... Въ прошломъ году я съ тоски вздумалъ было изучать арабскій языкъ...

— Если бы не съ тоски, тогда было бы не такъ глупо... Влюбленъ?

Князь только пожалъ плечами.

Алексъ даже разсердился.

— Ну, скажи пожалуйста, для какого чорта ты ушелъ изъ родительскаго дома?.. Ты мерзлый цыпленокъ, который полѣзъ въ пѣтухи... Ну, ну, не обижайся... Что̀ это за жизнь! Завелъ себѣ квартиру, а душою не обзавелся. Прежде она у тебя была...

— Да, прежде была... только потому, что прежде у меня былъ гнѣвъ. Было нѣчто опредѣленное, что меня сердило. Я протестовалъ. Понимаешь, это придавало смыслъ моей жизни. А теперь ни за что̀ ухватиться не могу. Все то, что̀ меня возмущало, можетъ быть, и существуетъ, но оно стало неуловимо.

— А, вотъ какъ! Ты съ донъ-Кихотомъ пошелъ бы на вѣтряную мельницу только потому, что она издали видна... Ты согласенъ видѣть врага лишь въ томъ случаѣ, если онъ нагло кричитъ: «Посмотрите на меня, я здѣсь»... Это, братъ, происходитъ отъ лѣни. А ты не лѣнись, поищи. Та гнусность, которая нѣкогда возмущала насъ, за послѣднее время переродилась... Она не вы-

держала сопротивленія. Корень перегнилъ, и пошли отъ него мелкіе ростки, а перегной удобрилъ ниву пошлости. Что̀ и говорить, прошло то время, когда безчинствовалъ преступникъ, но остались пошляки, плодовитые, какъ кролики. Эхъ, ты, воображаешь себя Ахиллесомъ и праздно размышляешь о Гекторѣ въ то время, какъ намъ всѣмъ слѣдуетъ помнить, что, пока Гуливеръ спалъ, лилипуты его связали по рукамъ и по ногамъ. По нынѣшнимъ временамъ человѣчество умѣетъ себя ограждать отъ хищныхъ животныхъ, но на смѣну шакаламъ появились микробы.

Николай Васильевичъ слушалъ равнодушно. Ему было все равно. Давно пересталъ онъ интересоваться тѣмъ, что̀ не касалось лично его.

Алексъ продолжалъ:

— Отъ этихъ микробовъ намъ никогда не отдѣлаться по той простой причинѣ, что нѣтъ организма, въ которомъ не было бы элементовъ, стремящихся ему вредить, либо сознательно, либо въ силу чисто механической борьбы за существованіе. И всякій организмъ долженъ съ этими микробами бороться, а не успокоиваться на томъ, что они больно малы. Слава Богу, тѣло Руси въ достаточной мѣрѣ снабжено фагоцитами, поглощающими микрококковъ. Центральный, главнѣйшій такой фагоцитъ заключается въ національномъ самосознаніи. Противъ него и направлены всѣ силы микробовъ. Расшатать это самосознаніе, вотъ ихъ задача, раздробить его имъ хочется, повернуть исторію назадъ, во что̀ бы то ни стало разложить общее на поддѣльныя составныя части. Главная цѣль ихъ убить въ Россіи Русь. И все это дѣлается не открыто, не прямо, а *обходнымъ* путемъ, подъ прикрытіемъ громкихъ

словъ. Недаромъ во главѣ движенія стоятъ евреи, за которыми тянется длинный хвостъ инородцевъ. А къ этимъ инородцамъ примыкаютъ и тѣ русскіе, относительно которыхъ искренно сожалѣешь, что они носятъ русскія имена, иногда очень громкія, не заслуживая русскаго имени. Ты думаешь, что я преувеличиваю? А постарайся представить себѣ слѣдующее... Возьми два разсказа. Въ одномъ описана какая-нибудь прескверная русская семья, а во второмъ изображается что-нибудь нелестное изъ еврейскихъ нравовъ. Будь увѣренъ, что первый разсказъ не вызоветъ протестовъ, а второй подниметъ цѣлую бурю. Будутъ кричать: «Клевета. Не либерально. Доносъ». У насъ вѣдь такъ, кстати отмѣтить, сложилось, что наши противники монополизовали всѣ добродѣтели и не согласны признать за нами ни одной, между тѣмъ какъ они этимъ самымъ кладутъ клевету въ основу своей дѣятельности. А мы смотримъ на это съ глубокимъ спокойствіемъ или ровно ни на что не смотримъ, вотъ, какъ ты, напримѣръ...

— Что же, прикажешь мнѣ ополчиться? съ неискренней усмѣшкой сказалъ Могиловъ-Стольный.

— Во всякомъ случаѣ прикажу не записываться въ инвалиды. Если для того, чтобы вызвать въ тебѣ энергію, нужны убійства, нельзя скрыть, что твоя энергія стоила бы слишкомъ дорого. А куда дѣлось твое намѣреніе посвятить себя отысканію убійцы Владиміра Андреевича?

Николай Васильевичъ развелъ руками.

— Ты говоришь несообразности... Тебѣ же извѣстно, что слѣдствіе вели не глупые люди и что ничего найти не удалось.

— Что же, по-твоему, коль скоро виновнаго

не нашли, то его и нѣтъ? Да мнѣ, наконецъ, все равно, что бы ты ни искалъ: убійцу своего дяди, дороги на сѣверный полюсъ или средства отъ чахотки, лишь бы ты чѣмъ-нибудь разбудилъ себя. Противно смотрѣть, какъ ты киснешь...

Вошелъ лакей.

— Ваше сіятельство, одна дама васъ спрашиваютъ...

— Дама? Незнакомая?

Князь удивился.

— Я радъ придраться къ этому случаю, чтобы уйти, сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—до свиданія. И, пожалуй, не до скораго.

— Алексъ! Алексъ! Это вы! Нѣтъ, не уходите! вскрикнула Софья Васильевна, поспѣшно входя,—для меня не могло быть большаго счастія, какъ увидѣть сразу и васъ и брата.

— Соня! ты! заволновался Могиловъ-Стольный.—Что̀ случилось?

И онъ самъ въ ту же минуту понялъ, насколько безсмысленъ былъ его вопросъ. Развѣ онъ не знаетъ, что за послѣдніе дни произошло въ жизни сестры? Развѣ ему неизвѣстно, что горе привело ее въ ту глубину страданія, гдѣ уже ничего «случиться» не можетъ?

Алексъ горячо проговорилъ:

— Я радъ васъ видѣть. Я хотѣлъ идти къ вамъ, но мнѣ нужно было сперва приготовиться къ встрѣчѣ съ Иваномъ.

Братъ и сестра поцѣловались.

— Бѣдная, бѣдная, прошепталъ Николай.

Она начала:

— Я пришла, чтобы...

Внезапно слезы залили ей лицо. Въ первый *разъ за* всѣ дни мученія она заплакала полною

грудью, съ какимъ-то наслажденіемъ, съ такимъ чувствомъ, какъ будто она перестала черезъ силу бороться съ теченіемъ и дала потоку себя унести. Слезы давали ей ощущеніе теплаго отдыха, что-то дѣтски-чистое возродилось въ ней, воскрешенное этими слезами. Ни самолюбія, ни гордости въ ней не было. Всею ея душой овладѣлъ плачъ. Ея несчастіе, ея безсиліе переродилось въ особую сладость грусти. Плакала она и думала: «Отчего нельзя плакать всегда»?

— Мы знаемъ, зачѣмъ вы пришли, дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Александръ Сергѣевичъ, — ничего не разсказывайте, потому что намъ все извѣстно. Ничего не просите, потому что мы сами сдѣлаемъ все, что̀ нужно.

Соня продолжала плакать, закрывъ лицо. Плачъ ея былъ слышенъ, какъ у дѣтей.

У князя были слезы на глазахъ. Его мучила совѣсть. Неужели надо было дождаться, чтобы сестра пришла! Неужели нельзя было пойти къ ней и сказать: «Тебѣ, можетъ быть, нуженъ близкій человѣкъ, разсчитывай на меня»... Нѣтъ, въ своей тусклой и безсодержательной хандрѣ онъ постыдно замеръ, точно пустота его души окружала его, не давая видѣть и чувствовать. Онъ эгоистиченъ какъ ничтожество. Онъ ничто, потому что сердце его безплодно.

«Былъ! Былъ!» мысленно прокричалъ онъ. «Теперь я не буду такимъ. Я посвящу себя исцѣленію горя сестры. Я ее спасу»!

Алексъ далъ Сонѣ стаканъ воды.

«Даже этого не сумѣлъ я сдѣлать!» съ презрѣніемъ къ самому себѣ подумалъ Николай.

Отпивъ нѣсколько глотковъ, Соня успокоилась. Посмотрѣла она на брата и на Алекса съ та-

кимъ видомъ, какъ будто пробудилась отъ сна. Ея взглядъ выражалъ безпомощность, усталость, разочарованіе. Слезы прошли. Прежней боли нѣтъ, но нѣтъ и радости, нѣтъ вѣры въ то, что радость можетъ быть. Зачѣмъ же было плакать? Отчего же душа просила рыданій?

— Соня, ты останешься у меня, сказалъ князь,—я не хочу, чтобы ты вернулась къ своему мужу... Я не...

— Но онъ-то не побоится къ тебѣ придти! прервалъ Александръ Сергѣевичъ,—ему она нужна, какъ жертва, которую можно терзать. Онъ придетъ за ней. А каковъ ты будешь въ ту минуту? Теперешнимъ или прежнимъ, какимъ я тебя засталъ? Ей мѣсто дома, у княгини Глафиры Николаевны, которая ее приметъ, я за то ручаюсь. А пока мнѣ удастся это дѣло уладить, Софья Васильевна будетъ жить у моего отца, куда братъ не придетъ, потому что онъ знаетъ, что я тамъ остановился до пріѣзда семьи. Софья Васильевна, вѣрите вы мнѣ, полагаетесь на меня? Идемте къ моему старику. Онъ васъ пріютитъ, и я буду вашею защитой.

Почти неслышно, Соня проговорила:

— Я вамъ вѣрю. Я пойду за вами.

— Дѣлай какъ знаешь! недовольнымъ тономъ произнесъ Николай.

Онъ сознавалъ, что Алексъ правъ. Обидно было ему, и онъ рѣшилъ, что такъ или иначе докажетъ свое пробужденіе.

VII.

Состоя въ теченіе семи лѣтъ покровителемъ Даши Скворца, князь Василій Андреевичъ Могиловъ-Стольный былъ въ достаточно сильной степени ею пріученъ ко всякимъ неожиданностямъ, преимущественно непріятнаго свойства. При всей своей непроницательности онъ никакъ не могъ уклониться отъ полной увѣренности въ томъ, что она не отплачиваетъ ему вѣрностью за крупный ущербъ, причиняемый ею его состоянію. Даша Скворецъ такъ мало стѣснялась въ своихъ дѣйствіяхъ, что князь, вѣроятно, разглядѣлъ бы свою несчастную роль и безъ содѣйствія лицъ, посылавшихъ ему анонимныя письма. А такихъ писемъ получалъ онъ не мало. Онъ ихъ читалъ съ чувствомъ большой досады, не понимая, какое находятъ люди удовольствіе въ томъ, чтобы вмѣшиваться не въ свое дѣло. Очевидно, это пишутъ враги Даши, но ей отъ того никакихъ огорченій не причиняютъ, потому что онъ объ анонимныхъ письмахъ ничего ей не говоритъ. Отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что его поведеніе по отношенію къ княгинѣ Глафирѣ Николаевнѣ заслуживаетъ осужденія, онъ находилъ, что смѣна Даши Скворца другою личностью была бы только усугубленіемъ его вины. Кромѣ того, онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что женѣ все извѣстно. И въ ея молчаніи онъ находилъ какъ бы разрѣшеніе продолжать. Ссориться съ Дашей онъ не хотѣлъ. Прежде всего, въ немъ было большое отвращеніе ко всякаго рода осложненіямъ, создающимъ сразу новыя положенія и требующимъ новыхъ мыслей.

Потомъ онъ къ Дашѣ привыкъ. Конечно, онъ ея не любилъ. Это облегчало ему равнодушное отношеніе къ ея измѣнамъ. Но привычка къ ней была большая. Эта женщина заполняла часть пустого пространства, изъ котораго состояла его жизнь. Исчезни она почему-либо внезапно изъ его жизненнаго обихода, онъ оказался бы въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ, на склонѣ дней отодвинутый отъ обстановки, внѣ которой онъ не умѣетъ существовать. И нельзя сказать, чтобы такая привычка находила себѣ объясненіе въ особенныхъ чарахъ Даши Скворца. Наружность Даши была ничѣмъ не примѣчательна. Еще лѣтъ семь тому назадъ, когда ей пошелъ двадцать восьмой годъ и когда Василій Андреевичъ вступилъ съ нею въ договорныя отношенія, въ ней была несомнѣнная миловидность, сверкалъ заманчивый задоръ. Съ годами это прошло. Профиль ея сталъ тяжелъ, а задоръ погасъ. Вѣроятно, отъ хорошей жизни. Если же при этомъ находились охотники снабжать матеріаломъ энергію авторовъ анонимныхъ писемъ, то, вѣроятно, потому, что Дашу въ значительной мѣрѣ украшала окружающая ее богатая обстановка, и что съ лицами, не содѣйствовавшими ея благосостоянію, она умѣла быть иногда забавною. Съ княземъ же она вела себя прямо-таки невыносимо, обращалась съ нимъ грубо, охотно надъ нимъ насмѣхалась и не скрывала отъ него, что только въ его деньгахъ находитъ смыслъ, а никакъ не въ немъ самомъ. И Василій Андреевичъ безпрекословно производилъ платежи. Будучи очень богатъ, онъ могъ тратить большія суммы. Однако, требованія Даши Скворца подчасъ были таковы, что князю пришлось

бы призадуматься надъ вопросомъ, не слишкомъ ли для него велики производимые расходы, если бы онъ, несчастный, вообще былъ способенъ серіозно о чемъ-нибудь думать. Но болѣзненная слабость его мозга не допускала въ немъ правильной умственной работы. Въ немъ чувство всегда преобладало надъ мыслью. И онъ чувствовалъ, что, только давая Дашѣ много денегъ, онъ сохраняетъ за собой надъ нею хоть какое-нибудь преимущество. Ему представлялось, что долгъ порядочнаго человѣка повелѣваетъ ему платить и что только такимъ образомъ создаются условія, ограждающія его отъ худшаго. Худшимъ онъ считалъ всякій скандалъ, всякое отступленіе отъ приличія. Сознавая себя обыкновеннымъ и далеко не прекраснымъ человѣкомъ (и это сознаніе не огорчало его, а только ставило его въ собственныхъ глазахъ на надлежащее мѣсто), онъ находилъ, что единственнымъ оправданіемъ его не особенно хорошихъ поступковъ служитъ соблюдаемый имъ декорумъ. Можетъ быть, несмотря на свое ничтожество и безмысліе, онъ въ области человѣчества оказывался благодаря этому гораздо болѣе приглядною цѣнностью, нежели тѣ, которые, принадлежа по рожденію къ одному съ нимъ обществу, оскверняютъ имя предковъ тѣмъ, что ищутъ популярности въ рѣзкомъ отреченіи отъ родовыхъ завѣтовъ и безъ разбора средствъ шныряютъ за успѣхомъ. Эти послѣдніе обыкновенно прикрываютъ громкими словами свое полное безсиліе идти по пути, приведшему ихъ предшественниковъ ко всеобщему почету. Они идутъ въ сторону, хотя бы въ болото, лишь бы отличиться, выдѣлиться, и во всякомъ случаѣ го-

раздо ниже роняютъ себя, нежели какой-нибудь жалкій, какъ Василій Андреевичъ, человѣкъ. Василій Андреевичъ поступалъ иногда скверно, потому что былъ глупъ. А они, нерѣдко бывая тоже глупыми, производятъ дрянные поступки въ угоду толпѣ, изъ расчета. Въ томъ обстоятельствѣ, что князь Василій Андреевичъ дорожилъ декорумомъ, была стыдливость, а не лицемѣріе.

Поэтому его до крайности разстроило извѣстіе о томъ, что Константинъ Николаевичъ Нефедовъ скончался въ домѣ Даши Скворца. Узналъ онъ это въ тотъ же день въ клубѣ и долго не могъ придти въ себя отъ глубокаго негодованія. Внезапно для него обрисовался фактъ, чрезвычайно отвратительный самъ по себѣ и могущій имѣть дрянныя послѣдствія.

Природная брезгливость заговорила въ немъ. Онъ увидѣлъ, что нравственная оцѣнка его поступковъ зависитъ не только отъ ихъ свойства, но и отъ постороннихъ обстоятельствъ, съ которыми поступки эти ставили его въ соприкосновеніе. Черезъ Дашу Скворца онъ вступилъ въ связь съ цѣлой областью постороннихъ случаевъ. Чутьемъ усвоилъ онъ себѣ, что его могутъ осуждать не только за то, что̀ онъ сдѣлалъ, но и за дѣйствія другихъ. Не виноватъ онъ въ томъ, что братъ его жены умеръ у его содержанки послѣ чрезмѣрно оживленнаго завтрака; не причастенъ онъ къ тому, что Константинъ Николаевичъ бывалъ у Даши тайкомъ отъ него и тѣмъ самымъ доказалъ гнусность своихъ посѣщеній, но, во всякомъ случаѣ, по сосѣдству съ нимъ, княземъ Могиловымъ-Стольнымъ, открывается цѣлое море грязи. Ему нужно отойти,

пока брызгами его не закидало. Обстановка, въ которой умеръ Нефедовъ, словно объединила два позора: стыдъ связи съ дрянною женщиной и грѣховное отношеніе къ долгу семьянина.

Узнавъ въ клубѣ, что Константинъ Николаевичъ умеръ у Даши Скворца въ присутствіи Рыбовскаго, Николай Васильевичъ тотчасъ же вернулся домой. Негодованіе было въ немъ такъ сильно, что вызвало значительный подъемъ духа. Начать разговоръ съ Глафирой Николаевной онъ не рѣшался, но ждалъ, чтобы она приступила къ объясненію. Онъ ждалъ случая, чтобы сказать: «Да, я виноватъ, я прощу прощенія и отнынѣ не провинюсь». Дальше намѣренія его не развивались, и мысли его складывались, какъ у ребенка, сознающаго свою вину. Но Глафира Николаевна къ разговору не приступила ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій. Они вдвоемъ ѣздили на панихиды, обмѣнивались фразами объ ужасахъ смерти, выслушивали благочестивыя слова Вѣры Михайловны, проводили часы рядомъ, съ такимъ чувствомъ, какъ будто другъ друга избѣгаютъ. Для Василія Андреевича это были дни нравственной пытки, съ очень большимъ воспитательнымъ значеніемъ для его слабаго ума. Сперва онъ только мучился и терялся, а потомъ въ немъ стали обрисовываться и крѣпнуть опредѣленныя намѣренія. Онъ понялъ, что разрывъ съ Дашей Скворцомъ необходимъ. На то нужна была большая рѣшимость, требовалось отречься отъ ряда мелкихъ привычекъ, приходилось идти противъ цѣлой горы мелочей, которымъ онъ за послѣдніе годы позволялъ надъ собою господствовать. «Пусть», думалъ онъ: «мнѣ надо себя наказать. Чѣмъ тяжелѣй, тѣмъ лучше».

Началъ онъ съ того, что готовился къ шумнымъ поступкамъ, находя желательнымъ придать своему разрыву огласку. Словно онъ боялся, что вездѣ готовятся ему обвиненія и что этимъ обвиненіямъ не нужно дать высказаться. Его младенческому мышленію нравилось создавать воображаемыя сцены яркаго благородства: мысленно изображалъ онъ себя героемъ и вымучивалъ изъ себя представленіе объ ореолѣ собственнаго величія. Но черезъ нѣсколько времени оказалось, что одного воображенія было достаточно, чтобы его удовлетворить. И ему больше величія не захотѣлось, а какъ можно болѣе скромнаго разрѣшенія событія. Онъ остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: дождусь того, чтобы Константинъ Николаевичъ былъ преданъ землѣ, а потомъ просто заявлю Дашѣ, что я съ нею больше не знакомъ. Пусть она сердится и бранится. Мнѣ все равно.

И въ день похоронъ Нефедова, вернувшись съ женою домой, онъ удалился къ себѣ въ кабинетъ, досталъ чековую книжку и на одномъ изъ ея листковъ грузнымъ почеркомъ начерталъ крупную сумму. Затѣмъ онъ оторвалъ этотъ листокъ и спряталъ его въ бумажникъ. Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Сознаніе того, что опредѣленный поступокъ за нимъ уже имѣется и что начало положено, подѣйствовало на Василія Андреевича чрезвычайно благотворно и ободрительно. Ему захотѣлось, чтобы многіе это узнали.

Въ это время вошла Глафира Николаевна. Видъ у нея былъ немного взволнованный.

— Безъ меня была здѣсь Соня, она заходила къ Ксеніи, плакала, жаловалась...

Эти слова поразили старика. Въ свое время вопросъ о Сонѣ былъ для него рѣшенъ, и онъ думалъ, что къ нему вернуться не придется. Когда дочь ушла, онъ призналъ себя несчастнымъ, оскорбленнымъ. За него какъ-то кругомъ рѣшили, что дочери у него больше нѣтъ. И онъ скоро пересталъ о ней думать, не по безсердечію, а по недостатку мыслей, которыхъ едва хватало на ежедневный обиходъ. Теперь то, что̀ онъ услышалъ отъ жены, произвело на него большое впечатлѣніе.

— Плакала! съ ужасомъ проговорилъ онъ,— жаловалась! Слѣдовательно, она несчастна... Глаша, мы должны ее простить... Знаешь, я пойду къ ней... Или я ей напишу... диктуй.

Онъ придвинулся къ своимъ канцелярскимъ принадлежностямъ.

Глафира Николаевна остановила его.

— Погоди. Я сама знаю, что нужно ее простить... Но она придетъ сама. Я хочу, чтобы она пришла сама. Только тогда буду я увѣрена, что она вновь не уйдетъ. Придетъ она, и мы будемъ знать, что мы счастливы. Мы должны же наконецъ быть счастливы.

Слезы брызнули у нея изъ глазъ, плачъ исказилъ ея лицо.

Василій Андреевичъ былъ пораженъ. Никогда не воображалъ онъ, что его жена способна плакать. Внезапно увидѣлъ онъ, что многіе годы около него росло горе, о которомъ онъ не зналъ.

Княгиня сквозь рыданія шептала:

— Мы наказывали, мы отворачивались отъ нея, а развѣ мы знали, не наказана ли она помимо насъ.

— Не плачь, сказалъ Василій Андреевичъ.

Вдругъ онъ рѣшился произнести:

— Я самъ во многомъ грѣшенъ... Того, знаешь, больше не будетъ. Все кончено.

Посмотрѣла на него жена. Онъ увидѣлъ радость, промелькнувшую въ ея взглядѣ, но не понялъ словъ этого взгляда: «О! если и ты перестанешь терзать, жалкій, невинный мучитель!»

VIII.

Сергѣй Виссаріоновичъ и Софья Васильевна, въ полутьмѣ надвигавшихся сумерекъ, сидѣли другъ противъ друга у окна...

Всего два часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ Алексъ привелъ къ отцу жену своего брата, а уже между нею и старикомъ установился душевный союзъ. Казалось Сергѣю Виссаріоновичу, что онъ счастливъ, потому что къ его печали присоединилась другая. Теплота чужого горя согрѣвала ему сердце. Создавалось въ немъ такое впечатлѣніе, какъ будто скорбь его, сливаясь со скорбью Сони, стала вдвое шире, обрѣла такую силу, которая позволяетъ ей не быть робкою. Въ первый разъ, можетъ быть, за все то время, какъ ушла Катя, онъ рѣшается кому-нибудь показать свое горе. Не съ Иваномъ же быть ему откровеннымъ. Иванъ—оскорбитель душъ. Чужими слезами питается его смѣхъ. Въ немъ есть что-то злобно-повелительное, что-то запрещающее всякой душѣ раскрываться и дышать. «И это мой сынъ!» думалъ Сергѣй Виссаріоновичъ, съ чувствомъ, похожимъ на испугъ. Алекса онъ тоже боялся, но иначе. Онъ усматривалъ въ немъ большое превосходство, непонятную и недосягаемую энергію. Рядомъ съ нимъ

онъ видѣлъ себя до крайности ничтожнымъ, почти не имѣющимъ права на существованіе. Иногда ему хотѣлось, чтобы Алексъ заплакалъ, чтобы въ немъ дрогнула душа отъ страданія. Тогда создалось бы между ними соприкосновеніе, положено бы было начало полному общенію. Но въ томъ-то и дѣло, что Алексъ не умѣетъ падать духомъ.

Поэтому появленіе Сони, страдающей и высказывающей свою печаль, было для него счастіемъ.

А Софья Васильевна, какъ только осталась вдвоемъ съ отцомъ своего мужа и ощутила его настроеніе, тоже почувствовала облегченіе большое.

Это не было такое облегченіе, которое умаляетъ скорбь. Нѣтъ, тутъ сказывалось чувство совершенно особенное, впервые испытанное, какъ будто эту скорбь сталъ окружать воздухъ ей необходимый... Словно горе пришло на родину, видитъ себя свободнымъ и желаннымъ. Она страдала, но ей уже не больно было страдать... Если бъ она могла вполнѣ ясно выразить, что̀ происходитъ въ ней, она бы сказала: «Наконецъ-то мнѣ позволено быть несчастною!»

За окномъ, тамъ, гдѣ среди темныхъ домовъ протискивалась узкая улица, стлалась картина сплошной тоски. Гниль оттепели вызывала впечатлѣнье уродливаго разложенія. Въ туманной желтизнѣ сумерекъ носился какъ бы призракъ той неуловимой и всеулавливающей смерти, которая убиваетъ духъ. Этотъ призракъ мерещился Сонѣ, а Сергѣй Виссаріоновичъ видѣлъ только постепенное усиленіе удручающе-сладкой темноты.

Продолжая обмѣнъ короткихъ фразъ, звучащихъ одновременно болью и счастьемъ, онъ сказалъ:

— Вы помните, Соня, когда я васъ увидѣлъ въ первый разъ?

— Нѣтъ, отвѣтила она,—это было очень давно...

— Очень... Вамъ было лѣтъ десять...

«Пятнадцать лѣтъ тому назадъ!» подумала Соня и никакъ не могла себѣ представить, какою она была въ дѣтствѣ. Теперешнее слишкомъ велико. Оно загромождаетъ видъ на прошлое. Не перекинешь взора черезъ гору мученія.

Онъ продолжалъ:

— Вы были хорошенькая дѣвочка... совсѣмъ золотые локоны были у васъ.

Эти слова помогли ей увидѣть себя ребенкомъ. Она точно почувствовала на своихъ плечахъ тяжесть тѣхъ локоновъ, о которыхъ говорилъ Сергѣй Виссаріоновичъ.

— Да, меня называли «bébé doré», съ болѣзненною улыбкой произнесла она и вспомнила всю ту обстановку ласки, что̀ окружала ее нѣкогда. Пришли ей на память поцѣлуи матери, дѣтскіе вечера, разноцвѣтная вереница подробностей, создававшихъ беззаботную жизнь. «Господи! неужели, неужели родители не простятъ? Возможно ли, чтобы Алексъ не убѣдилъ ихъ!»

— Алексъ тамъ? спросила она.

Старикъ понялъ, что̀ значитъ слово «тамъ».

— Нѣтъ еще... онъ хотѣлъ быть въ седьмомъ часу, передъ самымъ обѣдомъ, чтобы всѣхъ застать... Теперь четыре... Я не знаю, гдѣ онъ.

Помолчали они. Въ безмолвіи усиливалось овладѣвшее ими настроеніе. Прошла минута, медленная, въ которой каждая секунда дала себя чувствовать.

— Вы скоро будете счастливы, сказалъ онъ.

— Скоро? безсознательно переспросила она и внезапно заволновалась, подумавъ о томъ, что въ самомъ дѣлѣ не можетъ быть сомнѣнія. Еще сегодня вечеромъ она вернется подъ родной кровъ и она будетъ спасена.

— Скоро! радостію прозвучалъ ея голосъ.

Но эта радость погасла сразу, какъ пламя, которому воздуха не хватило.

— А я никогда не буду счастливъ, тихо проговорилъ Сергѣй Виссаріоновичъ, — когда вы уйдете, мнѣ станетъ еще хуже, чѣмъ было до вашего прихода.

Ей сдѣлалось очень жаль его. И помочь нельзя. Не отказываться же отъ счастія!

— Я одинъ, продолжалъ онъ,—мнѣ съ вами хорошо, мнѣ кажется, что предо мной сидитъ Катя.

Голосъ его оборвался.

«Катя! Да! Катя!» вспомнила Соня. «Несчастный старикъ».

Съ трудомъ рѣшившись на этотъ вопросъ, она спросила:

— Вы ее съ тѣхъ поръ не видѣли?

— Нѣтъ...

Всего одинъ слогъ произнесъ Сергѣй Виссаріоновичъ, но много жалобы и горя Соня въ немъ услыхала.

— Но вы слышите о ней, справляетесь?

— Да... Когда могу, осторожно... Не черезъ всякаго можно.

— Она не приходила къ вамъ?

— Не рѣшится... Я увѣренъ, что она раскаялась...

— Вы ей простили?

— О! вскрикнулъ старикъ,—какъ можно не простить своему несчастному ребенку!

— Скажите ей, что вы простили... призовите ее къ себѣ, напишите ей...

Зналъ старикъ, что никто ихъ разговора не слышитъ... все-таки онъ сперва оглянулся, а потомъ отвѣтилъ вполголоса:

— Я писалъ... три мѣсяца тому назадъ... я все объяснилъ... Она не отвѣтила... Я не сержусь на нее... Она не отвѣтила, потому что ей стыдно, потому что она гордая... Кто страдаетъ, тотъ непремѣнно долженъ быть гордъ... Скажите Алексу... Онъ о ней слышать не хочетъ... Уговорите его, объясните ему... Зачѣмъ меня лишаютъ дочери? Когда я ей все прощаю... Пусть онъ мнѣ поможетъ... Онъ все сумѣетъ... Онъ умный и сильный, а я слабый и ума у меня больше нѣтъ.

Старикъ заплакалъ тихими слезами.

Покраснѣвъ и чувствуя въ себѣ силу рѣзкихъ душевныхъ движеній, Соня предложила:

— Поѣдемте къ ней.

Сергѣй Виссаріоновичъ оторопѣло взглянулъ на нее. Онъ не совсѣмъ ее понялъ.

— Поѣдемте къ ней, повторила она,—вы сами знаете, что Алексъ вернется только въ седьмомъ часу... Слѣдовательно, предо мной два часа времени... Эти часы я хочу отдать вамъ, чтобы сдѣлать ваше счастіе.

Она встала.

Поднялся и старикъ, но тотчасъ же вновь опустился на стулъ. Въ наступившей темнотѣ видно было только общее очертаніе его фигуры, но и этого было достаточно, чтобы разглядѣть его безпомощность.

— Я не могу! жалостливо произнесъ онъ, какъ будто надъ собою плакалъ,—я не могу, потому что мнѣ нельзя рѣшаться безъ Алекса...

— Въ такомъ случаѣ, сказала Соня,—я поѣду одна... Я все устрою. Я верну вамъ дочь.

Она услышала боязливый отвѣтъ:

— Дѣлайте сами. Я не могу вамъ говорить «поѣзжайте». Вы сами, сами...

И вдругъ, словно испугавшись того, что его робость передастся Сонѣ, онъ вскрикнулъ:

— Не слушайте меня, а себя.

Приступъ энергіи окончательно овладѣлъ Соней. Она стала прежней Соней, рѣшительной и сильной. Не о себѣ она теперь думала, не на свое страданіе смотрѣла.

Поэтому она болѣе не видѣла того, что̀ угнетало ея духъ. Чужая скорбь точно сдвинула ее въ сторону, заставила сойти съ того пути, гдѣ все было для нея загромождено.

Она спросила:

— Адресъ? Гдѣ живетъ Катя.

Голосъ старика звучалъ такъ робко, что она вынуждена была переспросить.

— Хорошо, сказала она,—я сдѣлаю свое дѣло. Ждите меня. Черезъ часъ я вернусь, и вы увидите, что я вернусь не одна.

Соня вышла.

Сергѣй Виссаріоновичъ, оставшись одинъ, застылъ. Кругомъ стало совсѣмъ темно. Ему казалось, что со всѣхъ сторонъ на него смотрятъ и что каждое его движеніе будетъ враждебно истолковано какими-то незримыми свидѣтелями.

IX.

Чувство, овладѣвшее Соней, она принимала какъ благородное вдохновеніе, и это чувство повелительно требовало отъ нея поступковъ, создавало жажду дѣятельности. Она сама съ полной ясностію сознавала, что ею руководитъ возбужденіе и что не повседневная Соня ѣдетъ къ Катѣ Хрустовой. Понимала она, что она не поступила бы такъ, будь она способна разсуждать спокойно, но мысли эти только съ возрастающимъ упорствомъ твердили ей: «Торопись, не упусти времени, сдѣлай все, пока душа твоя снова не стала безсильною?»

Какъ будто торжествуя надъ самою собой, она думала: «Я ѣду къ Катѣ, къ погибшей женщинѣ, я могу натолкнуться на отвратительныя сцены, и все-таки я ѣду, потому что я должна это сдѣлать. Я такая же погибшая. Меня одинъ человѣкъ погубилъ, а ее многіе. Ее презираютъ, а меня жалѣютъ... Кѣмъ быть лучше, презрѣнной или жалкой, когда знаешь, каковы тѣ люди, которые презираютъ или жалѣютъ».

Она оборвала свои мысли и крикнула извозчику:

— Скорѣй!

Надо все исполнить, пока вдохновеніе не миновало. Исполнить все и вернуться туда, куда за нею пріѣдетъ Алексъ. Не пройдетъ какихъ-нибудь полутораста минутъ, какъ наступитъ мигъ, когда все теперешнее, все вчерашнее, все то, что̀ составляло боль и душу цѣлыхъ трехъ лѣтъ, превратится въ далекое прошлое. Тогда *уже поздно* будетъ дѣлать то, что̀ она хочетъ

дѣлать теперь. Она разроднится со страдающими, оборваны будутъ объединяющія цѣпи.

— Скорѣй! скорѣй! торопила она извозчика.

Улица за улицей оставались позади, темныя, ноющія въ гнили и туманѣ, путаною вереницей скорбныхъ путей. Петербургъ въ дни грязныхъ оттепелей представляется какъ бы созданнымъ для того, чтобы служить родиною страданію. Иногда кажется, что какой-то геніальный декораторъ написалъ его на исполинскомъ сѣромъ полотнѣ, заготовилъ обстановку, въ которой должны разыгрываться мрачныя и тоскливыя драмы неопредѣленнаго содержанія. По сценѣ ходятъ люди хмурые, безвольные, безсвязные какіе-то. Въ зимнихъ сумеркахъ творятъ они работу, мыслятъ, любятъ, хлопочутъ... И въ ихъ работѣ, въ ихъ мысляхъ, ощущеніяхъ и стремленіяхъ постоянно чувствуется примѣсь тумана, которымъ надышались ихъ души. Они копошатся въ полутьмѣ, полярный холодъ ихъ пронизываетъ, а для того, чтобы согрѣться, имъ нужно вообразить себѣ солнце. И дѣйствительно живутъ только тѣ, которые могутъ для себя такое солнце создать. А вокругъ нихъ—громадная толпа, не знающая лучей, какія-то фигуры безъ очертаній, безъ остова, странныя тѣни... Неопредѣленныя существа, снящіяся Метерлинку и видящія во снѣ Ибсена. Вяло и безслѣдно проходятъ они мимо мрачной декораціи, чрезвычайно ненужные, какъ второстепенные исполнители неинтересныхъ ролей. На нихъ лежитъ непреодолимый гнетъ тусклаго сѣвера. Много солнца и тепла нужно имъ, чтобы проснулась въ нихъ жизнь.

— Направо, направо! крикнула Соня, разглядѣвъ нумеръ дома,—остановись.

Она быстро сошла съ дрожекъ, вошла въ подъѣздъ, спросила швейцара:

— Здѣсь живетъ Екатерина Сергѣевна Хрустова? Она дома?

И только тутъ ей пришло въ голову, что ото всѣхъ ея намѣреній ничего не останется, если окажется, что Кати дома нѣтъ.

— Дома, услышала она отвѣтъ,—во второмъ этажѣ налѣво.

«Все спасено, все будетъ сдѣлано!» рѣшила Соня.

Увѣреннымъ шагомъ поднялась она по лѣстницѣ.

Остановившись у двери во второмъ этажѣ и надавивъ кнопку звонка, она съ удовольствіемъ подумала: «Я все еще сильная».

Едва успѣла она такъ подумать, какъ увидѣла себя готовою къ отступленію. Она замѣтила, что настоящей рѣшимости въ ней нѣтъ, а есть только такая, которую она себѣ навязала. За послѣдніе дни она слишкомъ много израсходовала души, и теперь осталось ея такъ мало, что всякая мелочь представляется для этого остатка громадою. Она пришла сюда и будетъ говорить, но лишь потому, что станетъ себя заставлять. Ничтожная она, но такъ злобно сама на себя накричала, что создала въ себѣ искусственную волю. И какъ далеко въ настоящую минуту все то, что̀ она ощущала, покидая Сергѣя Виссаріоновича! Даже то счастіе, о которомъ она мечтала, перестало волновать.

Дверь отперли. Горничная, слишкомъ нарядно одѣтая, спросила:

— Что̀ вамъ угодно?

Соня невнятно проговорила:

— Мнѣ надо видѣть Екатерину Сергѣевну...

Покраснѣла она, замѣтивъ, какъ явно ея смущеніе, и заставила себя сказать отчетливымъ голосомъ:

— Мнѣ надо видѣть Екатерину Сергѣевну... если она одна.... по очень важному дѣлу... Екатерина Сергѣевна меня знаетъ... Я жена ея брата...

Ей представлялось невозможнымъ дать свое имя. Она сама не знала, чего слѣдуетъ избѣгать и на что̀ идти. Въ ней словно было нѣсколько человѣкъ... то одинъ забѣжитъ впередъ и ведетъ всѣхъ остальныхъ, то другой.

Горничная пропустила ее въ прихожую.

— Я пойду доложу барынѣ.

— Если у нея никого нѣтъ, напомнила Соня.

И тотчасъ же эти слова ей показались невыносимо постыдными. Вообразила она, что и горничная ее за нихъ осуждаетъ, удивляется ея малодушію. Ей захотѣлось крикнуть: «Нѣтъ, нѣтъ, все равно... Я ни передъ чѣмъ не отступлю!» но мучительная робость ей помѣшала.

Оставшись одна въ прихожей, она старалась одновременно прислушаться и къ своимъ душевнымъ движеніямъ, и къ тому что̀ происходило въ комнатахъ. Но себя она никакъ не могла разглядѣть, ея слухъ же достигъ такого напряженія, что она ясно уловила слова, произнесенныя шепотомъ:

— Что̀ вы говорите? Жена моего брата? Не можетъ быть...

«Не приметъ, прогонитъ?» испугалась Соня.

Эта мысль совершенно неожиданно на нее подѣйствовала, быстро создала поддѣльную энергію, которая поспѣшила проявиться, пока другое чувство не пришло на смѣну.

— Да, это я, Соня, жена вашего брата! крикнула она и вошла въ комнату,—неужели вы меня оттолкнете...

«Не то, не то я говорю!» подумала она. «Сюда я не о себѣ пришла просить, не на свою судьбу жаловаться».

Но ея чувства шли помимо ея воли, точно втянули ее въ колею, проложенную печалями послѣднихъ дней.

Просительницею и несчастною предстала она предъ Катей. Та, полная блондинка съ грубоватымъ, хотя и красивымъ лицомъ, посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, а потомъ сказала горничной:

— Оставьте насъ.

Въ ея голосѣ Соня разслышала враждебные звуки.

— Екатерина Сергѣевна, неужели вы меня встрѣтите какъ врага... Я вамъ никогда ничего дурного не сдѣлала, а въ дѣтствѣ мы были дружны.

— Чего же вамъ надо? спросила Катя.

Она не понимала и какъ бы находила въ этомъ силу.

Соня почти безсознательно объяснила:

— Я къ вамъ отъ вашего отца.

— Отецъ боленъ! съ испугомъ произнесла Катя,—онъ умираетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... онъ хочетъ васъ видѣть...

Катя пожала плечами. Выраженіе досады прошло по ея лицу.

— А! Видѣть... Опять старая исторія... Да, впрочемъ, что я... Садитесь... Мы съ вами обѣ какъ сумасшедшія.

Она указала посѣтительницѣ на кресло, сѣла противъ нея.

— А знаете, это очень хорошо, что вы пришли

ко мнѣ, то-есть это очень хорошо съ вашей стороны... Я отлично понимаю, что вы меня презираете, но хоть за то спасибо, что оно у васъ не сразу видно.

Соня нагнулась къ ней, положила ей руки на колѣни.

— Я? Презираю? Я! О! сколько злости въ васъ, когда вы не понимаете моего сердца! Какъ вы похожи на своего брата Ивана!

Она заплакала. Это сразу измѣнило настроеніе Кати, которая стала ее обнимать и цѣловать.

— Ну, полноте, душечка, перестаньте... что̀ съ вами! Подумайте сами, развѣ я могу быть безъ злости! Когда я васъ увидѣла, я такъ много вспомнила и такъ противно мнѣ стало. Вы пришли меня звать къ отцу? Васъ послалъ отецъ?.. Милая, скажите ему, чтобы онъ пересталъ такъ дѣлать... Неужели онъ воображаетъ, что мнѣ стоитъ лишь войти въ его квартиру, чтобы вернуться къ нему? То, что̀ во мнѣ есть, то во мнѣ и останется... Куда мнѣ со своимъ стыдомъ дѣваться!.. Я останусь въ стыдѣ, чтобы о стыдѣ не думать. Да и желанія вернуться во мнѣ нѣтъ. Зачѣмъ? Развѣ я ту жизнь, прежнюю, больше люблю, чѣмъ свою теперешнюю? Вы хотите, чтобъ я пожалѣла отца? Ну, знаете, я не жалѣла его до сихъ поръ, а теперь уже поздно. Да, да, я злая, я хоть проклятая даже, думайте какъ хотите, но только я останусь здѣсь, гдѣ никто не смѣетъ меня попрекнуть и пристыдить, а тамъ вѣдь стѣны даже будутъ отъ меня ждать, чтобъ я краснѣла. Ему тяжело безъ меня? Да вы объясните ему, что меня уже нѣтъ. Я это поняла сразу... Когда я въ тотъ вечеръ вышла изъ квартиры отца, я такъ себѣ и сказала: «вотъ меня

и нѣтъ больше»... Ахъ, пожалуйста, не воображайте, что я несчастна. Мнѣ живется очень весело. Я это не нарочно говорю. Мнѣ дѣйствительно весело, а когда станетъ скучно, я брошусь въ Фонтанку. C'est une décision qui me facilite singulièrement l'existence...

Французскій языкъ сохранился у нея чистымъ и изящнымъ, но по-русски разучилась она говорить иначе, какъ съ грубостью.

Увидѣвъ, что Соня успокоилась и внимательно ее слушаетъ, Катя продолжала:

— А ну-ка, давайте думать, развѣ я одна себя сдѣлала такою, какою вотъ теперь стала? Покойница мать, не тѣмъ будь помянута, такъ-таки прямо на дорожку и поставила... Повезутъ меня на балъ въ такомъ открытомъ платьѣ, что какъ кто взглянетъ, такъ его сейчасъ и въ жаръ бросаетъ. Мать думала, что такъ скорѣе жениховъ заполучу, а вышло совсѣмъ наоборотъ. Много лишняго я тогда изъ своего тѣла показывала, да зато и наслушалась бывало на балу отъ молодыхъ людей такихъ штукъ, что нынче, когда эти самые господа у меня бываютъ, ничего худшаго имъ и говорить не надо. Ну, первымъ, должно быть вы знаете, былъ Павликъ Чавровъ, который очень скоро меня бросилъ, но денегъ оставилъ достаточно... И все съ тѣхъ поръ деньги да деньги... Съ голода не умру... И все это черезъ веселіе... Такъ зачѣмъ же мнѣ отъ веселія уходить? Дурное оно? А кто вамъ говоритъ, что оно хорошо? А, по-вашему, легче мнѣ станетъ, коль я только и буду думать: «ахъ, какъ дурно!»... Оставьте пожалуйста... Тамъ, гдѣ я сижу, мнѣ и тепло и не дуетъ... Если я заговорила о стыдѣ, *то вовсе* не о томъ стыдѣ, который я испытываю,

а о томъ, что вы всѣ хотите мнѣ навязать, со своими мыслями... Дѣло не въ стыдѣ, а въ самолюбіи, которое посильнѣе всякихъ нѣжностей.

— А вѣдь вы все не то говорите, сказала Соня, впиваясь зелеными глазами въ лицо Кати,—это почти ложь...

Та пожала плечами.

— Я такъ чувствую.

— То-есть, вы такъ чувствуете въ настоящую минуту, пока настраиваете себя такимъ образомъ... Вы стараетесь себя объяснить, а я вамъ не вѣрю.

Катя хотѣла было разсердиться, но быстро раздумала.

— Мнѣ все равно. Не вѣрьте. И вы лжете. И вы не по-своему поступаете. Точно я не понимаю, что вы пришли ко мнѣ не по правдѣ, а съ горя.

Встрепенулась Соня.

— Моего горя не трогайте! рѣзкимъ голосомъ произнесла она,—оно мое, и я вамъ его не даю.

Катя засмѣялась. Въ ея смѣхѣ послышались наглыя хрустовскія нотки, и сходство ея съ Иваномъ Сергѣевичемъ стало зловѣще-поразительнымъ. Впечатлѣніе ужаса обуяло Соню. Она предъ собой увидѣла ненавистное лицо мужа, внезапно выступившее тамъ, гдѣ она его не ждала. Сумасшествіемъ пахнуло на нее.

Она задрожала и вскрикнула:

— Какъ вы смѣете смѣяться!

— Я? Мнѣ смѣшно видѣть, какъ вы предо мною изворачиваетесь. Вѣдь я все знаю, такъ хорошо знаю, какъ будто мнѣ все даже заранѣе было извѣстно, а вы взяли и своею жизнью все повторили предо мной. Да, мы были съ вами когда-то

очень дружны, но я васъ тогда меньше знала все-таки, нежели теперь, за все то время, какъ я васъ не видѣла. А все потому, что я хорошо знаю своего брата Ивана и понимала, какою надо быть, чтобы повѣрить ему, и что должно съ человѣкомъ произойти, если онъ Ивану повѣритъ... Обманулъ онъ васъ, да не такъ просто, какъ обманываешь другого, если скажешь ему «да» тамъ, гдѣ правда называется «нѣтъ». Не словами онъ васъ обманулъ, а всѣмъ своимъ существомъ, съ злораднымъ упоеніемъ, каждою чуточкой, какая только въ немъ есть. Вы увидѣли, что въ немъ все ложь и что обиднѣе Ивана нѣтъ ничего на свѣтѣ. Теперь для васъ все кончено. Вы уже никогда не будете счастливы, потому что до самой послѣдней минуты вашей жизни для васъ будетъ мученіемъ, что онъ на свѣтѣ существуетъ. И для этого вовсе не надо было, чтобы онъ отдалъ вашего ребенка въ воспитательный домъ.

— Вы и это знаете?! воплемъ вырвалось у Сони.

Она встала, блѣдная, съ широко раскрытыми глазами.

Катя тоже встала.

— Знаю! сказала она, и снова смѣхъ зазвучалъ въ ея голосѣ. Волненіе Сони ей передалось въ видѣ какого-то пиѳическаго настроенія. Злоба расколыхалась въ ней. Она сама чувствовала, какъ дѣлается похожей на старшаго брата, улавливала въ себѣ его движенія, его интонаціи. Нервно заходила она по комнатѣ, съ наслажденіемъ повторяя:

— Знаю! знаю! знаю!

И каждое «знаю» представлялось ей ударомъ молотка, который она наносила Сонѣ.

— Зачѣмъ вы меня мучите! простонала та.

— Я мучу? Я терзаю? Что̀ же прикажете дѣлать! Каждому свое. А когда вы пришли сюда, развѣ вы подумали о томъ, не будетъ ли вашъ приходъ для меня мученіемъ? Развѣ я дура какая, что одни только слова понимаю? Достаточно было посмотрѣть на то, какъ вы сюда вошли, чтобы почувствовать себя оскорбленною! А кому больнѣе оскорбленіе, вамъ или мнѣ? Подумайте. А я, изволите ли видѣть, мучу васъ, разъ только я начала говорить о томъ, что̀ было. Да̀ хоть бы я молчала, все-таки оно было. Я-то могу молчать, но вы сами предъ собой молчать не можете. До самой вашей смерти все будетъ въ васъ кричать: «это было, было, было»...

— Вы хуже своего брата! вскричала Соня,— онъ меня мучитъ, но онъ и ненавидитъ меня.

Катя захохотала.

— А кто вамъ сказалъ, что я васъ не ненавижу, по крайней мѣрѣ въ эту минуту? И что̀ это значитъ: «вы хуже своего брата?» Васъ возмущаетъ, что я не лицемѣрю и не плачу надъ вашею судьбой. А чорта мнѣ въ ней, если плакать мнѣ не хочется! Вы мнѣ сперва докажите, что я хуже васъ. Постарайтесь. Я буду вамъ доказывать, что вы не лучше. Изъ родительскаго дома мы обѣ бѣжали, только я пошла къ веселому дурачку, а вы къ отъявленному негодяю. Я бы такого негодяя и двухъ дней не стала терпѣть, а вы три года приноравливались къ нему и только подъ самый конецъ разсердились, да и то сдѣлали это глупо. И что̀ пользы въ вашемъ гнѣвѣ? Кто отъ него станетъ лучше. Ни мой братъ, ни вы. Вотъ вернетесь вы въ княжескія хоромы и будете собой жертву изобра-

жать, а небось не придетъ вамъ въ голову, что только расплачиваетесь за свое удовольствіе. Скажете, пожалуй, что идеи васъ увлекли. Вранье! Все та же попѣлуйная чепуха, отъ которой наша сестра на стѣну лѣзетъ.

— Что же мнѣ по-вашему дѣлать? дрожа отъ злости, спросила Соня,—думать о томъ, чтобы такія, какъ вы, меня одобряли?

— А! Вотъ оно! Наконецъ-то! «Такія, какъ вы...» Договорились вы до того, что вы меня презираете. Презирайте, презирайте побольше! Чѣмъ сильнѣе ваше презрѣніе, тѣмъ больнѣе вамъ. Да, именно такъ, потому что, какъ бы то ни было, все-таки я теперь начальствую надъ вами, а не вы надо мной. Какъ вы полагаете? Что̀ вамъ дѣлать, спрашиваете вы! А я почемъ знаю, и какое мнѣ до этого дѣло. Поступайте, какъ знаете. Ежели вамъ хочется жить, живите... ежели вамъ хочется умереть, умрите... Да нѣтъ, вамъ умирать не захочется. Не такая въ васъ закваска. Будете вы таскаться изо дня въ день со своимъ горемъ, охать да вздыхать, сами того не понимая, что только въ вашемъ горѣ и держится ваша душа... Вы небось только о томъ и мечтаете, что когда-нибудь вы превосходно утѣшитесь и что тогда вамъ будетъ особенно хорошо, потому что вы будете притворяться несчастною, и люди будутъ васъ жалѣть... Охъ, какъ жалость нужна вамъ! Самой себя вамъ жалко. Только потому и не противно, что жалко. А знаете, какъ разсуждаютъ такія, какъ я? Такія, какъ я, говорятъ: «Живи, пока живется, а какъ станетъ не по себѣ, ложись въ могилу». Про себя я знаю, что нищенствовать не пойду, *не пойду* просить: дайте на копеечку прощенія, *дайте на* грошикъ жалости.

— Нищенствовать! визгливо засмѣялась Соня,—нищенствовать! Какъ это вѣрно сказано! Вотъ гдѣ я правду нашла.

Быстрымъ шагомъ подошла она къ угловому столику, гдѣ стоялъ графинъ.—Это что̀ у васъ, вода? Отлично. Въ горлѣ пересохло.

Наливъ стаканъ воды, она достала изъ кармана кошелекъ, вынула небольшой бумажный пакетикъ и высыпала изъ него что-то себѣ въ ротъ.

— Что̀ вы дѣлаете! вскрикнула Катя.

Соня выпила воды и спокойно объяснила:

— Я отравилась.

— Сюда! На помощь! закричала Катя испуганнымъ голосомъ,—доктора!

Она, совершенно обезумѣвшая, кинулась въ прихожую, потомъ раскрыла дверь, выбѣжала на лѣстницу.

— Доктора! Скорѣе доктора!

Злобы въ ней больше не было. Она плакала.

. . . . . .

. . . . . .

Когда Соня пришла въ себя, она увидѣла, что находится въ квартирѣ родителей.

Во время перенесенныхъ ею физическихъ мученій она сознанія не теряла, то-есть не лишилась ни зрѣнія, ни слуха, но переживаемыя мгновенія были для нея безсвязны. Она видѣла и слышала то, что кругомъ нея происходило, а между тѣмъ словно не замѣчала происходившаго, съ такимъ чувствомъ, какъ будто она—олицетвореніе отвратительной боли, все же кругомъ представляется далекимъ, празднымъ, безсмысленнымъ, потому что находится внѣ этой боли. Вспоминаетъ она теперь, какъ кричала

Катя: «доктора, доктора!», какъ вбѣжалъ Алексъ со словами: «какъ ты смѣла ее до этого довести!...» Почему онъ явился? Вѣроятно, узналъ отъ Сергѣя Виссаріоновича, что она у Кати, возмутился, поспѣшилъ за нею, засталъ ужасъ... Два незнакомые доктора съ испуганными лицами... Одинъ изъ нихъ съ какимъ-то побѣдоноснымъ видомъ кричитъ: «сулема», а другой сдираетъ съ нея платье... Все это она видитъ и слышитъ сквозь боль... Она понимаетъ, что ее хотятъ спасти, но сама она ни жизни, ни смерти не хочетъ, а только конца страданіямъ... Катя, Алексъ, доктора, всѣ какъ-то ужасно одинаковы для нея... Возмутительно некрасивыя терзанія доводятъ ее до бреда... Все существующее вызываетъ въ ней отвращеніе, а всего для себя отвратительнѣе она сама... Что ее заставляютъ глотать? Что вливаютъ въ ротъ? Ее, почти нагую, растираютъ... Ей все равно... На свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что не было бы составною частью ея страданія... Ненавидитъ она себя за то, что приняла ядъ, и никакъ не можетъ вспомнить, зачѣмъ она это сдѣлала... Сколько времени прошло, она не знаетъ... Видитъ и слышитъ она, а минуты подчасъ словно пропадаютъ, ускользаютъ отъ воспріятія... Больно, невыносимо больно... Схватки накидываются на нее одна за другой, какъ смѣняющіеся хищные звѣри... Помнитъ она, какъ съ дивана скатилась на коверъ... И ее оставили на коврѣ, отодвинули столъ, опустились около нея на корточки... Тутъ самая большая схватка пришла, вцѣпилась въ нее когтями, и чернота смерти пронеслась передъ глагами. Именно смерть была видна, что-то невѣроятно злое... Еще схватка, еще, еще... Вдругъ,

голосъ раздается: «Я ручаюсь за ея спасеніе!» Кто это сказалъ? У Кати радостное лицо... Холодно стало... Ощущеніе тошноты невыносимо... Но какая-то перемѣна произошла. Мерещится, что отошли тѣ звѣри, которые накидывались... Громадная усталость надвигается, наступаютъ минуты полузабытья... Теплѣе становится... Ее одѣли... да, теперь вспоминаетъ она, какъ надѣвали на нее платье... Тогда не обратила она вниманія на то, что платье чужое... Алексъ сказалъ: «Я самъ вижу, что она спасена...» Съ кѣмъ онъ говорилъ? Были ли уже при этомъ отецъ и мать? Или она только о нихъ вспомнила и представила себѣ ихъ плачущія лица? Какое пріятное наступило ощущеніе, когда ее взяли на руки и понесли внизъ... Такъ радостно было опускаться и думать: «ниже, ниже, ниже». Потомъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ... Было очень темно. Еще темнѣе стало въ каретѣ... Сонливость мѣшала смотрѣть, но она разъ двадцать открывала глаза во время переѣзда, и каждый разъ она видѣла темноту. Ей было все равно куда ее везутъ. Ее убаюкивала увѣренность въ томъ, что тамъ, куда она ѣдетъ, ей будетъ хорошо... Съ нею Алексъ и докторъ. Они очень добрые, они знаютъ, чего ей нужно...

Прибытіе домой... Ласки отца и матери, слова радости и прощенія. Эти слова проходили мимо. Ихъ не было нужно. И безъ нихъ было хорошо. Хотѣлось заснуть. Заснула она. Долго ли спала? Не все ли равно. Теперь она чувствуетъ, что все прошлое дѣйствительно прошло. У нея новыя мысли, такія, которыя очень долго оставались нетронутыми. Хорошо ей послѣ глубокаго сна.

— Ксенія! проговорила Соня.

Она была увѣрена, что двоюродная сестра тутъ, около кровати.

— Соня, милая, спи, не утомляй себя разговорами, услышала она голосъ матери.

Мама здѣсь... хоть бы достать ея руку... поцѣловать. Но Соня не можетъ. Едва коснулось ея слуха слово «спи», какъ сонливость ею снова овладѣла, не настоящій сонъ, а такое ощущеніе, словно все кругомъ ласково притупилось, смягчилось, убаюкиваетъ и обѣщаетъ счастіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Пріѣхавъ на Варшавскій вокзалъ, Парменъ Владиміровичъ съ большимъ неудовольствіемъ услышалъ, что утренній вержболовскій поѣздъ идетъ съ пятнадцатиминутнымъ опозданіемъ.

Онъ очень дорожилъ своимъ временемъ, такъ какъ оно обыкновенно у него даромъ не пропадало. Въ послѣднія пять лѣтъ онъ составилъ себѣ порядочное состояніе веденіемъ конкурсныхъ дѣлъ и удачными биржевыми операціями. Но достигъ онъ такого благополучія именно благодаря тому, что не предавался праздному созерцанію жизни и развилъ въ себѣ до крайности способность ловить нужные моменты.

«Сегодня, положимъ, особенныхъ дѣлъ не предвидѣлось», подумалъ онъ, «а все-таки, выѣхавъ изъ дому на четверть часа позже, я успѣлъ бы что-нибудь сработать. Итакъ, княгиня Лидія Ивановна возвращается, послѣ шестилѣтняго отсутствія. Въ сущности, она въ настоящую минуту

представляетъ несомнѣнный интересъ. Какова она стала? Съ чѣмъ ѣдетъ? Говорятъ, съ пѣвцомъ Таормина она давно разошлась. Таормина, должно быть, изъ итальянскихъ жидовъ... Таормина городъ въ Сициліи, а у евреевъ въ Италіи часто встрѣчаются фамиліи такого сорта».

Рыбовскій, въ ожиданіи поѣзда, сталъ ходить по платформѣ быстрымъ шагомъ человѣка торопливаго въ дѣлахъ.

Въ воздухѣ сказывалось скорое наступленіе весны. Подъ мрачную крышу вокзала вѣтеръ приносилъ какъ бы дыханіе пробуждающихся полей. Талый снѣгъ распространялъ сырость, въ которой чувствовалось тепло. Въ гнили, пропитавшей городъ, ощущалось зарожденіе новой жизни. И эта гниль замѣняла тѣ признаки пробужденія природы, какими на югѣ лѣто предвѣщаетъ свое появленіе.

Пармену Владиміровичу не было никакого дѣла до того, подходитъ ли весна или нѣтъ. Объ этой порѣ года ему случалось думать лишь какъ о такомъ времени, когда нефтяныя бумаги дорожаютъ. А теперь онъ былъ занятъ мыслями о пріѣздѣ княгини Лидіи Ивановны. Наканунѣ вечеромъ, очень поздно, онъ получилъ отъ нея телеграмму: «Пріѣду завтра утромъ, пожалуйста встрѣчайте и распорядитесь въ какой-нибудь гостиницѣ, чтобы были приготовлены комнаты мнѣ и горничной, лучше всего въ «Европейской» необходимо съ вами переговорить»... Телеграмма чрезвычайно дамская, съ массой лишнихъ словъ и загадочнаго смысла.

«Коль скоро она обращается ко мнѣ и просит приготовить помѣщеніе въ гостиницѣ», принялся *разсуждать* Рыбовскій, «ясно, что роднымъ она

о своемъ пріѣздѣ ничего не сообщила. Можетъ быть, она даже пріѣзжаетъ тайкомъ отъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, ей необходимо увидѣть меня, чтобы узнать о господствующихъ настроеніяхъ. Ее безпокоитъ, какъ ее примутъ. Прескверно, нельзя ни на мигъ сомнѣваться. Уѣхала вихремъ, всѣхъ бросила, натворила скандала, пропадала шесть лѣтъ, ни разу не писала ни одного письма, а еще, пожалуй, разсчитываетъ на сочувствіе современниковъ. Рискованно. Теперь, почему она возвращается? Соскучилась? Трудно предположить. Растранжирила деньги? Тысячъ восемьсотъ у нея было... По завѣщанію старика на ея долю досталось четыреста тысячъ, да столько же она выручила отъ продажи имѣнія, при жизни подареннаго ей мужемъ... и отъ продажи дома на Милліонной... Я же, передъ ея отъѣздомъ, нашелъ ей покупателя... Деньги большія, но и ихъ просадить можно... Догадался старикъ обезпечить отдѣльно дѣтей... Однако, если у Лидіи не осталось ни гроша, на кой чортъ стану я съ ней возиться! А что касается до пріятности, то, я думаю, въ ней осталось довольно мало сути. Мы ровесники. Ей тридцать девять лѣтъ. Можетъ быть, она стала такою уродиной, что и глядѣть на нее скучно».

Онъ посмотрѣлъ на часы. Осталось еще минутъ восемь. Это время Парменъ Владиміровичъ захотѣлъ посвятить чисто дѣловымъ размышленіямъ, но совершенно некстати вспомнилъ о женѣ и пришелъ въ дурное настроеніе. Его сердило ея поведеніе. Ну, разумѣется, онъ всегда зналъ, что за нею водились грѣхи. Николай Могиловъ-Стольный, пожалуй, не былъ первымъ, а баронъ Воль, чего добраго, даже третьимъ не

оказался... Мало ли что! Но въ свое время многое можно было допустить, такъ сказать, изъ уваженія къ обстоятельствамъ. Глупо хитрить передъ самимъ собою... приходилось смотрѣть на вещи просто... Въ «Крейцеровой сонатѣ» даже сказано, что въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста бракъ лживъ... Но всему есть предѣлъ... Теперь, когда денегъ достаточно...

Какъ ни былъ нахаленъ Рыбовскій въ бесѣдѣ съ самимъ собой, однако и мысленно не договорилъ своей фразы. Онъ прямо перешелъ къ тому, что жена его ведетъ себя глупо. Что это за постоянная смѣна молодыхъ людей, угнетающе безсодержательныхъ! И подло, что приходится молчать, чтобы не начинать объясненій отъ Адама... Зачѣмъ объясняться, когда женщина именно тѣмъ и сильна, что понимаетъ только то, что понимать ей хочется. Она скажетъ: «Развѣ ты не зналъ про Николая Васильевича, про барона?» Попробуй ей указать разницу... Такія слова пойдутъ, что всякая логика зачахнетъ.

Раздался звукъ сигнальнаго рожка. Вдали показался поѣздъ. Появились носильщики, выстроились въ рядъ. Вокзалъ оживился.

Парменъ Владимировичъ отложилъ въ сторону мысли о своихъ семейныхъ дѣлахъ и приготовился къ встрѣчѣ. А что, если она не одна, а съ какимъ-нибудь чичисбеемъ?

Онъ подумалъ, что въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ уклониться отъ всякаго участія въ судьбѣ княгини, чтобы не навлечь на себя неудовольствія ея родныхъ. Когда вагоны стали катиться мимо него, онъ началъ волноваться. *Пріѣздъ* Лидіи Ивановны принялъ для него зна-

ченіе событія. Дѣло сводится къ тому, чтобы сразу разгадать сущность положенія.

Поѣздъ остановился. Рыбовскій пристально вглядывался въ окна вагоновъ, искалъ въ толпѣ. Его безпокоила мысль, что онъ, пожалуй, не узнаетъ княгини, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему было досадно: ну, съ какой стати безпокоиться!

— Парменъ Владиміровичъ, услышалъ онъ около себя знакомый голосъ, оглянулся и увидѣлъ Лидію Ивановну.

Онъ скорѣе угадалъ, нежели узналъ вдову князя Владиміра Андреевича въ окликнувшей его дамѣ. За шесть лѣтъ княгиня значительно потолстѣла, а это совершенно измѣнило характеръ ея наружности. Огрубѣла она, отяжелѣла, пріобрѣла въ такой степени новый обликъ, словно все то, что составило ея толщину, было чѣмъ-то постороннимъ, претворившимъ въ себѣ ея прежнюю сущность. Изъ красивой молодой женщины она превратилась въ видную даму, о которой нельзя было не подумать: «была очень хороша», но всякій, кто захотѣлъ бы себѣ представить, какою она была прежде, не возстановилъ бы въ своемъ воображеніи прежней Лидіи Ивановны, а воспроизвелъ бы въ своихъ мысляхъ откормленную барышню нѣмецкаго типа. Выраженіе лица стало еще болѣе глупымъ и злымъ, нежели бывало. Ея сѣрые глаза глядѣли почти безо всякой мысли.

— А! здравствуйте, княгиня, сказалъ Рыбовскій,—поздравляю съ пріѣздомъ... Какъ вы поправились!

Онъ посмотрѣлъ поверхъ ея головы, ища, нѣтъ ли тутъ придаточнаго господина. По всѣмъ признакамъ, не имѣется.

Княгиня спросила:

— Вы получили мою телеграмму?

— Конечно, коль скоро я здѣсь...

— Карета есть? Да? Въ гостиницѣ вы распорядились? Пожалуйста, объясните все моему носильщику и поѣдемъ... Моя горничная тутъ, во второмъ классѣ... вотъ она... пусть ѣдетъ на извозчикѣ.

Парменъ Владиміровичъ не ожидалъ такого обращенія. «Точно я ея управляющій или дворецкій!» разсердился онъ.

Но привычка быть къ услугамъ другихъ и извлекать изъ того выгоду и расположеніе окружающихъ заставила его безпрекословно подчиниться. Пока онъ распоряжался, Лидія Ивановна отошла немного въ сторону отъ протока публики, стремившейся къ выходу, и съ любопытствомъ осматривала всѣхъ, кто мимо нея проходилъ. Сразу видно было, что никакая мысль ея не занимаетъ, что она чувствуетъ себя совершенно спокойно.

— Теперь мы можемъ ѣхать, объявилъ Рыбовскій,—захватимъ съ собой только ручной багажъ. Онъ уже у кучера.

Она кивнула, пошла впередъ.

«Что за нахалка», подумалъ Парменъ Владиміровичъ. «Погоди, я тебя проучу».

— Садитесь, сказала она, занявъ мѣсто въ каретѣ. Онъ подсѣлъ къ ней. Карета покатилась.

Рыбовскій рѣшилъ начать враждебныя дѣйствія.

— Простите, княгиня, мое присутствіе на вокзалѣ вполнѣ объясняется для васъ вашей телеграммой, но я не прочь былъ бы отъ дополнительныхъ разъясненій по поводу того, отчего на мнѣ остановился вашъ выборъ.

— Вы хотите знать, почему я васъ вызвала? спросила Лидія Ивановна.—Очень просто: мнѣ нуженъ посторонній человѣкъ, который бы мнѣ все разсказалъ... и я привыкла давать вамъ порученія. Мнѣ съ вами нечего стѣсняться. Я могу васъ спрашивать безъ церемоній обо всемъ. Ну, что новаго?

— Вы меня спрашиваете собственно о содержаніи утреннихъ газетъ, или вамъ желательно узнать, живъ ли вашъ сынъ? съ холоднымъ ехидствомъ произнесъ Парменъ Владиміровичъ.

Его иронія пропала даромъ, совершенно не понятая.

— Какія вы мнѣ глупости говорите о газетахъ!.. Мнѣ нужно знать, что̀ происходило безъ меня. Я должна знать раньше, чѣмъ имѣть разговоръ со своими родными. Вы будете моимъ адвокатомъ, и я вамъ заплачу.

«Ну, и дура!» опредѣлилъ Рыбовскій. «Дѣла твои мнѣ извѣстны, никакого процесса ты противъ своихъ затѣять не можешь, а если тебя приспичило и необходимо тебѣ выкрутиться, то для улаженія семейныхъ вопросовъ требуется человѣкъ обласканный».

Онъ небрежно проговорилъ:

— Никакихъ особенныхъ новостей. Вашъ сынъ здоровъ, ежели не считать того, что онъ попрежнему идіотъ. Онъ проживаетъ у князя Василія Андреевича, вмѣстѣ съ вашей падчерицей, у которой бываютъ припадки сумасшествія. Софья Васильевна, вышедшая, если изволите помнить, за Ивана Сергѣевича Хрустова замужъ, разошлась со своимъ супругомъ и живетъ у родителей... Тому назадъ года три она пыталась отравиться сулемой и настолько разстроила себѣ здо-

ровье, что, вѣроятно, скоро умретъ... Вамъ пользующій ее докторъ съ надлежащею обстоятельностью объяснитъ, въ чемъ собственно дѣло, а я боюсь высказать ошибочныя сужденія, которыя могли бы причинить вашему родственному чувству слишкомъ сильное безпокойство. Вашъ племянникъ Владиміръ, кажется, еще при васъ застрѣлился, убійца вашего мужа понынѣ не отысканъ. Сестра ваша впала въ крайнюю бѣдность, отдавъ все свое состояніе дочери, которая о ней знать не хочетъ, а мужъ Вѣры Михайловны три года тому назадъ скончался въ моемъ присутствіи отъ разрыва сердца.

Пока онъ говорилъ, Лидія Ивановна не спускала съ него глазъ. Ему это было чрезвычайно непріятно.

Когда онъ кончилъ, княгиня пожала плечами.

— Неужели вы воображаете, что я всего этого не знаю? Какъ глупо! Вы хотите сказать мнѣ побольше непріятностей, а мнѣ рѣшительно все равно. Я только нахожу, что глупо быть невѣжливымъ съ женщиной.

Въ ея взглядѣ мелькнуло то выраженіе равнодушія къ чужому мнѣнію, которое Рыбовскій замѣчалъ въ глазахъ ея племянницы, Нефедовой.

Она продолжала:

— Мнѣ нужно отъ васъ узнать, что̀ обо мнѣ говорятъ на Моховой.

Пармену Владиміровичу очень хотѣлось отвѣтить: «ничего хорошаго», но онъ уже успѣлъ убѣдиться въ томъ, что такими словами не произведешь впечатлѣнія.

— Не знаю, сказалъ онъ,—я тамъ почти не *бываю*... Весьма вѣроятно, что о вашемъ суще-

ствованіи совершенно забыли. И очень можетъ быть, что они о васъ ничего не знаютъ. Никому неизвѣстно, гдѣ вы были... Слышалъ я какъ-то случайно, что васъ видѣли въ Монте-Карло, около года тому назадъ.

Не обративъ вниманія на его послѣднія слова, Лидія Ивановна разсердилась:

— Знаютъ или не знаютъ, мнѣ все равно. Я хочу знать, что̀ они думаютъ. Мнѣ надо быть приготовленной раньше, чѣмъ я ихъ увижу.

— Вы предполагаете начать какой-нибудь процессъ? Въ такомъ случаѣ, чѣмъ раньше вы меня поставите въ курсъ дѣла, тѣмъ скорѣе мнѣ будетъ ясно, зачѣмъ вы мнѣ телеграфировали.

Ехидныя фразы не имѣли на княгиню никакого дѣйствія, потому что она не понимала намековъ.

Она пожала плечами и объявила:

— Я оттого и пріѣхала, что хочу безъ процесса обойтись. Если бы я хотѣла, развѣ бы я не могла послать вамъ оттуда довѣренность! Вы все говорите оттого, что желаете поскорѣй все узнать... Я еще посмотрю, стоитъ ли съ вами совѣтоваться. А пока вы мнѣ наняли карету и комнату, это очень хорошо. Лучше бы еще было, если бы вы могли отвѣчать на вопросы.

Она замолкла, какъ-то особенно надула губы и тупо уставилась взглядомъ впередъ, ничего не видя. Ясно было, что въ ней сидятъ какія-то намѣренія, презлыя. Вообще, достаточно было на нее взглянуть, чтобы не ожидать ничего хорошаго.

Пармена Владиміровича душила злость. Никогда еще не былъ онъ въ столь глупомъ положеніи. На самого себя сердился онъ за то,

что сразу взялъ не тотъ тонъ, какой взять слѣдовало. «Эта дура подчинила меня себѣ!» съ раздраженіемъ думалъ онъ. «Не остановить ли карету и не распрощаться ли?

Но рѣзкія дѣйствія не отвѣчали его характеру, Кромѣ того, онъ надѣялся, что вотъ-вотъ представится возможность перетянуть превосходство на свою сторону. Неужели на томъ успокоиться, что онъ спасовалъ передъ такой гусыней?

— Мы сейчасъ пріѣдемъ, сказалъ онъ,—позвольте мнѣ считать мою задачу завершенною.

Княгиня съ удивленіемъ вскинула на него сѣрыми глазами.

— Вы мнѣ еще нужны. Погодите.

И даже намекъ на просьбу не прозвучалъ въ ея словахъ. Самый что ни на есть повелительный тонъ.

Рыбовскій сталъ мечтать о томъ, что ему когда-нибудь дано будетъ наговорить ей грубостей.

Когда экипажъ остановился у подъѣзда гостиницы, Лидія Ивановна вышла первая изъ кареты и пошла впередъ, не оглядываясь, предоставивъ Пармену Владиміровичу расплачиваться съ кучеромъ и распоряжаться относительно ручного багажа. Въ вестибюлѣ Рыбовскій ея уже не засталъ. Ему объяснили, что подъемная машина уже доставила ея сіятельство въ бельэтажъ.

Это ему показалось всего обиднѣе. Въ прескверномъ настроеніи духа поднялся онъ по лѣстницѣ, раза три едва не повернулъ назадъ, сознавая, что только явная невѣжливость можетъ послужить для него исходомъ. Но опять-таки заставила его идти впередъ надежда на то, что ему удастся стать хозяиномъ положенія.

Въ озлобленіи, онъ мечталъ: «Погоди же, ты меня увидишь, каково со мной имѣть дѣло. Обращу я тебя въ правую вѣру».

Но не успѣлъ онъ войти къ Лидіи Ивановнѣ, какъ она принялась имъ распоряжаться:

— Мнѣ нужно, чтобы вы немедленно поѣхали за Моховую и привезли сюда Ксенію.

— Позвольте, княгиня, началъ было Рыбовскій.

— Я васъ прошу поѣхать немедленно. Развѣ вы не понимаете, что мнѣ больше не къ кому обратиться... Впрочемъ, вы знайте, что я вамъ потомъ все припомню... Въ долгу не останусь.

«А кто тебя знаетъ! Можетъ быть, денегъ у тебя куры не клюютъ!» подумалъ Парменъ Владиміровичъ, въ которомъ проснулась обычная жажда ко всему чужому.

— Что же... я могу исполнить ваше желаніе, но князь Василій Андреевичъ и его супруга, пожалуй, не захотятъ отпустить княжну.

— Celà sera toujours ça, pour indiquer leur façon d'envisager les choses, сказала княгиня,— поѣзжайте... и до свиданія, потому что я васъ сегодня, можетъ быть, больше не увижу. Когда нужно будетъ, я за вами пошлю. Идите... Да, погодите, вотъ еще что... въ той богадѣльнѣ, гдѣ живетъ моя сестра, имѣется телефонъ?

— Не знаю... Вѣроятно...

— Узнайте. Если есть телефонъ, протелефонируйте, а не то напишите Зинѣ, что я прошу ее быть сегодня у меня... Вѣдь она сохранила отношенія съ Моховою? Вы и этого не знаете? Décidément, pour un avocat, vous n'êtes pas suffisament renseigné...

«Однако, что же она задумала?» задалъ себѣ вопросъ Парменъ Владиміровичъ. «Тутъ цѣлая система шахматныхъ ходовъ».

Тономъ, который не соотвѣтствовалъ его недавнимъ намѣреніямъ, онъ поспѣшилъ заявить:

— Я съ удовольствіемъ исполню ваши порученія.

Оставшись одна, княгиня Лидія Ивановна Могилова-Стольная при помощи горничной съ большой аккуратностью разобралась въ своихъ вещахъ.

Номеръ состоялъ изъ трехъ комнатъ: спальни, туалетной и гостиной. Раньше чѣмъ вымыться и переодѣться, княгиня поторопилась достать изъ чемоданчиковъ всякую мелочь, флорентинскія статуэтки, сорентинскія коробки изъ оливковаго дерева, вѣера изъ Санъ-Себастіана, всякую дребедень, которую разставила по столикамъ и этажеркамъ съ озабоченнымъ видомъ, указывавшимъ на то, что она придаетъ украшенію своей гостиной большое значеніе. Горничная Луиза, родомъ изъ Мюнхена, безтолково нанятая на пути года два тому назадъ, очевидно, знала, что за разстановкою мелочей признается большой смыслъ. Безмолвно и тоже серіозная, она усердно помогала Лидіи Ивановнѣ.

— So, jetzt sind wir fertig, сказала княгиня,— schauen sie dass ich recht viel heisses Wasser bekomme.

— Ja, Durchlaucht.

Въ туалетной комнатѣ она пробыла очень долго, вышла оттуда помолодѣвшей, съ чуть-чуть напудреннымъ лицомъ и осторожно подведенными глазами. Только тогда посмотрѣла она на часы и, разсчитавъ, что Ксенія давно уже должна была быть здѣсь, стала думать о будущемъ. Чтобы удобнѣе было думать, она приказала Луизѣ уйти.

II.

Вмѣсто Ксеніи, къ Лидіи Ивановнѣ пріѣхала Глафира Николаевна. Это было для Лидіи Ивановны столь неожиданно, что она не мало растерялась, даже почувствовала испугъ. У нея было все заранѣе обдумано, но только въ границахъ того, что она способна была предвидѣть. Пріѣздъ Ксеніи представлялся ей обязательнымъ, а появленіе жены князя Василія Андреевича вовсе не входило въ ея планы. Съ перваго взгляда на нее поняла она, что бывшая акушерка прибыла къ ней не отъ избытка родственныхъ чувствъ. У Глафиры Николаевны было ясно въ выраженіи лица обозначено, что ею овладѣло настроеніе скорѣе всего воинственное. Dieu, qu'elle est laide!

Дѣйствительно, наружность «матери рыжиковъ» была почти невыносима. Въ послѣднее время она значительно подурнѣла. Въ ея рыжихъ волосахъ проявилось много сѣдины, черты лица обострились, узкія губы складывались въ пренепріятно-насмѣшливую улыбку, а манеры стали рѣзки до крайности.

Въ сравненіи съ ней Лидія Ивановна почувствовала себя очень красивой, но никакого удовольствія отъ того не испытала, инстинктивно чуя, что въ данномъ случаѣ это только обострить отношенія.

— Здравствуйте, немного сконфуженно проговорила она,—какъ я рада васъ видѣть.

И потянулась цѣловаться.

Глафира Николаевна отстранилась отъ объятій.

— Ну... знаете, и безъ нѣжностей тоже недурно... У васъ лицо напудрено... терпѣть я этого не могу.

Лидія Ивановна покраснѣла. Взглядъ ея принялъ очень злое выраженіе. Однако, она произнесла довольно спокойно:

— Да, у меня съ дороги лицо горитъ... Садитесь, пожалуйста... Какъ жаль, что вы не взяли съ собой Ксеніи... Я просила.

— Положимъ, вы совсѣмъ не объ этомъ просили, а о томъ, чтобы Ксенія пріѣхала одна.

— Кажется, я имѣла право ее звать... Я ей самая близкая...

— Ну, знаете, близость бываетъ разная. Отъ одной тепло, отъ другой одна тѣснота.

Сѣвъ, Глафира Николаевна полѣзла въ карманъ за портсигаромъ.

— Погодите, я съ собой привезла испанскія пахитоски, предложила Лидія Ивановна, рѣшившая во что бы то ни стало очаровать гостью.

Та пожала плечами.

— Я этой мерзости не курю... А только я сюда пріѣхала не съ тѣмъ, чтобы толковать о пахитоскахъ и о погодѣ. Вы понимаете, почему я не отпустила Ксенію?

— Нѣтъ...

— Тѣмъ лучше. Мнѣ пріятнѣе, чтобы на это отвѣтила я, а не вы. Суть въ томъ, что никакого я къ вамъ довѣрія не питаю, сочувствія не имѣю къ вамъ вовсе, а если бы вы пріѣхали къ намъ прямо съ вокзала, я бы, навѣрно, бросилась въ вамъ по-дружески... А то, изволите видѣть, сразу какого-то шарлатана въ посредники взяли... Эге, смекнула я, да это Ксенію не къ мачихѣ, а словно къ мировому вызываютъ.

Нѣтъ, извините, тутъ что-нибудь неладно. А у меня такая привычка: ежели неладно, я суюсь первая...

Она съ особеннымъ удовольствіемъ придерживалась грубаго склада рѣчи, угадывая, что собесѣдницѣ это должно быть очень непріятно.

«А я тебѣ ничего не скажу!» подумала Лидія Ивановна. «Окажется, что ты напрасно проѣхалась».

— Какъ жаль, что у васъ такія мысли! сказала она,—Я была бы такъ рада видѣть Ксенію и Андрюшу. Я къ нимъ сегодня же пріѣду.

— Что же, милости просимъ. Ежели душа у васъ этого требуетъ...

Наступило молчаніе. Глафира Николаевна угадала, что Лидія Ивановна избѣгаетъ объясненій. «Погоди, мазаная кукла, ты у меня заговоришь, заставлю».

Докуривъ папироску и закуривъ слѣдующую, она рѣзкимъ тономъ спросила:

— А гдѣ вашъ любовникъ?

Лидія Ивановна даже подскочила.

— Что?! вскрикнула она, — какъ вы смѣете мнѣ...

— Э, матушка! перебила Глафира Николаевна, — не вчера я родилась. Въ пятьдесятъ два года мнѣ словъ бояться нечего, когда вы, напримѣръ, подъ сорокъ лѣтъ самаго дѣла не боитесь. Будемъ разсуждать начистоту. Кому не извѣстно, что вы поѣхали за границу съ черномазымъ итальянцемъ... Бросилъ онъ васъ, что ли? Всѣ деньги изъ васъ вымоталъ? Кабы вы были поумнѣй, то ничего бы другого отъ него и не стали ждать.

Успѣла придти въ себя Лидія Ивановна.

— Моя жизнь васъ не касается. Я не обязана давать вамъ отчетъ. Это вы должны мнѣ дать отчетъ...

«Ага! Вотъ въ чемъ дѣло! Я такъ и знала!» мысленно отмѣтила Глафира Николаевна. «Погоди, ничего ты отъ меня не скроешь».

— Мы должны дать отчетъ? съ притворнымъ удивленіемъ промолвила она, — это съ какой стати? Я васъ и не понимаю... Страннымъ словамъ васъ научили итальянцы. По-русски это называется чепуха.

Лидія Ивановна разсердилась. Ей хотѣлось грубить и стучать кулакомъ. Вся ея сдержанность пропала.

— Я требую отчета по опекѣ надъ Андрюшей! закричала она, — я ему мать, я ему опекунша... Если я передъ отъѣздомъ дала довѣренность князю Василію Андреевичу и устроила такъ, чтобы онъ вмѣстѣ со мной былъ опекуномъ, это не значитъ, что это будетъ всегда такъ.

— Ну, вотъ, мы и договорились, сказала Глафира Николаевна, скрывая гнѣвъ. Руки у нея дрожали, но голосъ звучалъ ровно и тихо.

— Я такъ и знала, что вы хотите сдѣлать подлость, но мнѣ нужно было знать, какую именно. Я очень рада, что вы меня предупредили. Защита найдется.

— О, да, я понимаю. Vous êtes capable de contester les droits sacrés d'une mère...

— Это вы насчетъ священныхъ материнскихъ правъ? Ну, отложите попеченіе...

Лидія Ивановна ея не слушала. Она въ сильномъ возбужденіи ходила по комнатѣ и быстро *говорила:*

— Я не дамъ себя обмануть и ограбить. Мой мужъ оставилъ Андрюшѣ родовое имѣніе, которое приноситъ семьдесятъ тысячъ въ годъ... Я знаю, что имѣю право на пять процентовъ и что я могу требовать отчетъ за шесть лѣтъ... Я всѣмъ буду разсказывать, что вы живете на счетъ Андрюши, потому что c'est un idiot... un pauvre malheureux idiot! Вы его еще навѣрно бьете... Я его возьму къ себѣ, своего несчастнаго сына... Я обязана это сдѣлать... Это мой священный долгъ...

— На который за шесть лѣтъ наросли проценты... Однако, здорово облапошилъ васъ итальянецъ, разъ вы дошли до такихъ словъ, насмѣшливо произнесла Глафира Николаевна.— Я ухожу. Я теперь знаю, что̀ хотѣла знать. Прощайте.

Достаточно было Глафирѣ Николаевнѣ выйти, чтобы Лидія Ивановна опомнилась и увидѣла всю неосновательность своего поступка. Со злостью упрекнула она себя, сознавая, что вовсе не такъ надо было вести дѣло. Слѣдовало дождаться свиданія съ Ксеніей, которая, какъ говорятъ, стала очень пуглива. Недаромъ весь планъ основывался на ней... Такъ было бы легче... А теперь необходимо поднять цѣлую исторію, нанимать адвоката, идти въ судъ.

— Eh bien, tant pis, s'ils veulent du scandale—ils en auront par dessus la tête!

И Лидія Ивановна стала представлять себѣ, какъ она подниметъ цѣлую смуту, поѣдетъ къ предводителю дворянства, къ министру юстиціи. А surtout chez le prefet de police... это имъ болѣе всего будетъ непріятно...

«А, негодяи, они хотятъ ее устранить! Нѣтъ,

она не позволитъ. Ей нужны деньги. Не умирать же ей съ голода. Они будутъ говорить, что она развратная женщина... разскажутъ про Таормина, про шестилѣтнее отсутствіе. Ils sont capables de tout, ces intrigants!»

Приступъ гнѣва душилъ Лидію Ивановну. Она выпила стаканъ воды. Не помогло. Жарко было, душно. Подошла она къ окну, дернула шнурокъ. Форточка распахнулась, и свѣжій воздухъ ворвался въ комнату. Такъ-то лучше!

Она сѣла у окна, задумалась. Мысли ея складывались не совсѣмъ такъ, какъ у другихъ людей. Онѣ являлись у нея только подъ вліяніемъ чувства или въ случаѣ необходимости. Поэтому въ нихъ не было гибкости, и думать ей было трудно. Мало того, мозговая работа ее раздражала, какъ нѣчто навязываемое ей со стороны, вынуждаемое обстоятельствами... Шесть лѣтъ тому назадъ все складывалось очень хорошо... Она перевела всѣ свои деньги за границу и поѣхала съ Таормина, который до того былъ нѣженъ, что даже подчасъ казалось страннымъ, какъ можетъ человѣкъ до такой безграничной нѣжности дойти... Въ теченіе перваго года все имѣло чрезвычайно поэтичный видъ... Не жизнь, а баркаролла съ красивыми декораціями, сладкою музыкой и убаюкивающими словами... Неаполь, Флоренція, Севилья, Біарриць, Ницца... Все такія мѣста, гдѣ Crédit Lyonnais имѣетъ своихъ представителей и гдѣ такъ легко было получать деньги по кредитивному листу... Получать ихъ приходилось часто, потому что Таормина былъ вынужденъ посылать крупныя суммы домой... То povera sorella нуждалась въ приданомъ, чтобы выйти замужъ за давно любимаго берсальер-

скаго офицера, то povero padre преслѣдовался за долги... madre и fratello тоже о себѣ напоминали... а потомъ вдругъ оказалось, что Таормина очень гадкій человѣкъ. Вышла такая возмутительная исторія съ кельнершей, что Лидія Ивановна сразу прозрѣла и закричала: «Via, bestia»... Благодаря Таормина, она довольно недурно говоритъ по-итальянски, но лишилась приблизительно трехсотъ тысячъ рублей... Что и говорить, они жили въ роскошныхъ виллахъ и поражали населеніе своимъ великолѣпіемъ, но все-таки трехсотъ тысячъ не стало... Княгиня тогда же вернулась бы въ Россію, если бы не подвернулся французскій маркизъ, который совмѣщалъ поразительную красоту съ поразительнымъ благородствомъ... Онъ выступилъ защитникомъ Лидіи Ивановны, дрался на дуэли съ двумя хроникерами, пропустившими въ печать исторію «de la princesse russe et de son ténor», и въ скоромъ времени предложилъ княгинѣ быть ея мужемъ... Свадьба задержалась потому, что у маркиза какихъ-то бумагъ не хватало, а когда онѣ пришли, то у маркиза прошла всякая охота жениться, такъ какъ наканунѣ Лидія Ивановна, узнавъ, что онъ вовсе не маркизъ и нисколько не обладаетъ тѣмъ имѣніемъ, подъ которое онъ занялъ у нея крупную сумму, наговорила ему массу непріятностей. Тутъ опять появилось у нея желаніе поѣхать домой, и она непремѣнно бы вернулась, но по неосторожности влюбилась въ мюнхенскаго скрипача, потомъ въ скульптора... Нѣтъ, въ скульптора раньше... А затѣмъ стало совсѣмъ нехорошо... Въ Монте-Карло она проигралась, принялась за биржевыя спекуляціи, выиграла немного, проиграла, снова

выиграла и послѣ цѣлой вереницы безтолковыхъ приключеній увидѣла, что у нея остался всего какой-нибудь десятокъ тысячъ рублей... До крайности напугалась она и окончательно собралась въ Петербургъ. Она такъ и видѣла себя возвращающейся comme l'enfant prodigue съ поникшею головой и просьбой о прощеніи. Ей это было чрезвычайно непріятно, но она утѣшалась мыслью: «не умирать же мнѣ съ голоду»... Уложила она свои вещи, захватила Луизу и поѣхала... По дорогѣ у нея явились другія мысли, и ея готовность къ покорству ее очень разсердила... Скажите, пожалуйста, будетъ она унижаться, когда она можетъ требовать et poser ses conditions! Она опекунша Андрюши. А развѣ она не знаетъ, что̀ это значитъ! Ей еще передъ отъѣздомъ изъ Россіи Рыбовскій объяснялъ, что она можетъ не отдавать отчетовъ по опекѣ и что никакого за то наказанія нѣтъ... Тогда она не обратила вниманія на его слова, потому что ей ничего не было нужно. А теперь вспомнила... Семьдесятъ тысячъ годового дохода. Ну, много ли можетъ стоить Андрюша! Et qui m'empêchera de présenter des comptes d'apothicaire!.. Ага, Глафира Николаевна объявляетъ войну. Эта скверная бывшая акушерка смѣетъ спорить... Посмотримъ!

Ей стало холодно. Вспомнивъ, что форточка открыта, она поспѣшила ее захлопнуть.

«Такъ!» рѣшила Лидія Ивановна. «Я мать и имѣю право. Скандала они побоятся и должны будутъ мнѣ уступить».

Вошла Луиза.

— Es ist zwölf Uhr. Durchlaucht gedenken nicht das Essen zu bestellen?

И то правда. Пора завтракать. Пусть подадутъ сюда.

— Bestellen sie selbst... Sie wissen was ich gerne zu essen pflege...

Нѣмецкимъ языкомъ княгиня довольно недурно владѣла съ тѣхъ поръ, какъ была знакома съ мюнхенскимъ скрипачомъ. Скульпторъ, впрочемъ, тоже былъ нѣмецъ.

Позавтракавъ, Лидія Ивановна рѣшила поѣхать къ Рыбовскому. Нечего откладывать. Пусть онъ начнетъ переговоры.

Но какъ разъ въ то время, когда княгиня собиралась переодѣться, раздался стукъ въ дверь.

— Avanti! сказала она, но, вспомнивъ, что она не въ Италіи, захотѣла поправиться и крикнула было: — «herein» и «entrez», раньше чѣмъ нашла слово «войдите».

Она, конечно, хорошо понимала, что находится въ томъ городѣ, гдѣ живутъ ея ненавистные родственники, но не сразу могла въ каждую минуту сообразить, что она въ Россіи, а не въ другой странѣ.

Вошла сѣдая женщина, очень скромно одѣтая, вошла и остановилась у двери.

— Простите... мнѣ указали, что здѣсь живетъ княгиня Могилова-Стольная...

— Ну-да, здѣсь, съ нетерпѣніемъ произнесла Лидія Ивановна и, вглядѣвшись въ лицо вошедшей, нерѣшительно проговорила:

— Зина, неужели это ты?

Впечатлѣніе ужаса прошло по ея душѣ. Не ожидала она такой перемѣны. Вмѣсто прежней сестры со строгимъ взглядомъ и звучнымъ голосомъ передъ ней стояла какая-то робкая старушка, у которой глаза такъ и говорятъ: «я ви-

дѣла много печальныхъ дней». Лидіи Ивановнѣ стало до крайности тяжело, какъ при видѣ какой-нибудь страшной картины. Жалости она не ощущала вовсе, но подосадовала на себя за то, что вызвала сестру.

А та промолвила едва слышно:

— Лидія! я тебя не узнала...

«Дѣлать нечего, надо поцѣловаться!» подумала княгиня и сдѣлала это съ большимъ отвращеніемъ.

Она терпѣть не могла старыхъ и некрасивыхъ людей.

— Мы обѣ перемѣнились, сказала она, — у тебя теперь всѣ волосы сѣдые... На улицѣ я бы прошла мимо тебя, положительно.

Времени, ушедшаго на произнесеніе этихъ словъ, Лидіи Ивановнѣ было достаточно, чтобы избавиться отъ изумленія. Въ ней создалось чувство довольно пріятное, потому что она подумала: «прошли тѣ дни, когда я тебя боялась». Ей только не нравилось, что Зина молчитъ. Когда люди молчатъ, не знаешь, что̀ у нихъ происходитъ въ головѣ, и съ ними быть трудно.

— Садись, Зина... почему ты такъ поздно?

Зинаида Ивановна сѣла.

— Я пѣшкомъ пришла. Мнѣ очень далеко и я не умѣю ходить скоро.

«Ты на десять лѣтъ старше меня», сообразила княгиня. «А на видъ могла бы мнѣ быть матерью. Глупо, что ты сразу мнѣ намекаешь на свою бѣдность».

И неудовольствіе ея стало очень сильнымъ, когда она увидѣла, что ровно не о чемъ съ сестрою говорить. Когда она ее вызывала, то представляла ее себѣ другою.

— Хочешь чаю? съ явнымъ недружелюбіемъ предложила она.

Кормакова не отвѣтила на вопросъ. Она съ изумленіемъ посмотрѣла на сестру, пораженная ея тономъ. Выпрямилась она немного. Лицо ея приняло менѣе робкое выраженіе.

— Мы лѣтъ шесть не видѣлись, сказала она съ грустной усмѣшкой, — и намъ кажется, что мы не видѣлись никогда... Мы стали другія... У каждой изъ насъ явилась какая-то новая сестра.

«Allons, il faudra bien passer par là!» съ тоской рѣшила Лидія Ивановна и проговорила съ такимъ видомъ, что ясно было, насколько она далека отъ своихъ словъ: — Я знаю, что у тебя были большія непріятности...

— Ты ошибаешься, тихо произнесла Зинаида Ивановна,— непріятностей у меня не было...

«Терпѣть не могу, когда ломаются!» мысленно оборвала ее сестра.

Она сказала:

— Твоя дочь поступила съ тобой очень нехорошо.

— Ну, это мое дѣло... И вовсе она со мной дурно не поступила... Я сама съ собой такъ поступила. Сама. Я все отдала ей, потому что мнѣ ничего не нужно. Понимаешь, мнѣ ничего не нужно. Будь покойна, денегъ я у тебя не попрошу.

Конечно, Лидіи Ивановнѣ было пріятно услышать эти слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей показалось, что было бы еще лучше, если бы сестра стала намекать на денежную помощь. Можно было бы ничего не дать и все-таки добиться кое-какихъ услугъ.

Тутъ ея мысли сложились довольно опредѣленно, и она составила себѣ планъ дѣйствій.

— А мнѣ надоѣло, я вернулась, сказала она.— Ты не можешь себѣ представить, какъ опротивѣло это шатаніе по заграницѣ... Я столько времени...

Внезапный приступъ кашля оборвалъ ея рѣчь.

«Bon, me voilà pincée!» подумала она съ испугомъ. «Стоитъ только пріѣхать въ Петербургъ, чтобы простудиться. Очевидно, все отъ открытой форточки».

Крайне мнительная, она пришла въ большое безпокойство и продолжала безъ прежняго увлеченія:

— Я столько времени провела безъ своихъ, что я, конечно, сдѣлалась грустною. И вотъ меня теперь не хотятъ пускать къ моему сыну... Ты понимаешь, я не могу такъ оставить. Сынъ долженъ быть со мной. Je suis sa mère... Les sentiments d'une mère sont sacrés.

Она опять закашляла. Кормакова молча смотрѣла на нее. Но въ ея глазахъ видно было враждебное настроеніе. Понемногу Зинаида Ивановна возвращалась къ прежнему повелительному отношенію къ сестрѣ. Это происходило оттого, что слова сестры мѣшали ей думать о дочери.

— Что жъ ты ничего не говоришь? обидѣлась Лидія Ивановна.—Точно ты находишь, что я не права... Или ты тоже скажешь, что я слишкомъ дурно себя вела, чтобы имѣть право на сына...

— Кто это уже успѣлъ тебѣ сказать? безстрастно спросила Кормакова.

— Кто? Конечно, восхитительная Глафира. Она прискакала ко мнѣ и надѣлала грубостей.

Зинаида Ивановна сказала:

— Мы давно не видѣлись, Лида. Я не знаю, какъ ты провела эти шесть лѣтъ. Пожалуй, лучше и не знать. Я даже хочу думать, что передо мной не та моя сестра, которую я знала, съ которой не стоило тратить слова, а другая, мнѣ неизвѣстная, а потому, можетъ быть, не лишенная сердца. Прежней я бы сказала: «жаль что у меня больше нѣтъ денегъ, а то бы я тебѣ ихъ отдала, чтобы вернуть всѣмъ спокойствіе». А теперь я говорю: Лида, перестань, опомнись, иначе Богъ тебя накажетъ... Прощай. Я тебя больше не увижу. Видно мнѣ, что ты очень дурно жила за границей.

Она вышла. Лидія Ивановна недоумѣло посмотрѣла ей вслѣдъ. Такая досада! Черезъ Зину такъ удобно было бы подѣйствовать на Ксенію. Что жъ, надо ѣхать къ Рыбовскому.

Новый приступъ кашля.

За Рыбовскимъ лучше бы послать, чѣмъ ѣхать къ нему. Не рисковать же жизнью наканунѣ устройства своихъ дѣлъ... Но ѣхать нужно. Трудно ждать бездѣятельно, когда сердце непокойно.

III.

Николай Васильевичъ подсѣлъ къ своему двоюродному брату и сказалъ:

— Здравствуй, Андрюша.

Андрюша, девятнадцатилѣтній, рослый, широкоплечій, краснощекій, посмотрѣлъ на Николая Васильевича. Безжизненно уставился его взглядъ, а затѣмъ, мало-по-малу, словно издали показался отблескъ едва уловимой мысли въ его глазахъ, что-то живое показалось и разрослось,

Онъ протяжно отвѣтилъ:

— Здравствуй.

— Кто я?

Съ радостнымъ лицомъ, Андрюша повторилъ:

— Кто я?

Голосъ его звучалъ ласково, нѣжно.

Его двоюродный братъ нервно побарабанилъ пальцами по столу, чтобы дать исходъ своему нетерпѣнію.

— Я Коля. Я Коля. Понимаешь, я Коля. Повтори: Коля.

Андрюша пересталъ быть веселымъ. Взглядъ его погасъ, онъ точно не слышалъ.

— Встань! крикнулъ Николай Васильевичъ.

Безо всякаго испуга, больной повиновался.

— Иди за мной.

Николай Васильевичъ всталъ, отошелъ въ сторону. Андрюша двинулся за нимъ. Онъ все понималъ, что касалось ежедневнаго обихода, во время переходилъ изъ комнаты въ комнату, довольно сознательно относился къ ѣдѣ, мылся безъ отвращенія, едва ему о томъ напоминали, но все это было имъ какъ будто заучено наизусть.

— Стой. Садись.

Онъ остановился, сѣлъ.

Его двоюродный братъ подошелъ къ нему, взялъ его за руки и сказалъ:

— Слушай, слушай хорошенько, слушай меня... Ты помнишь, что твоего отца убили? Помнишь? Давно, очень давно... Въ большой новой квартирѣ... Его убилъ человѣкъ, который былъ съ нимъ въ комнатѣ, человѣкъ маленькаго роста... Ты видѣлъ, ты смотрѣлъ въ замочную скважину... Кто это былъ? Ты его

зналъ? Андрюша, вспомни... Андрюша, скажи... Кто?

Онъ былъ взволнованъ, и все болѣе и болѣе тревожное настроеніе имъ овладѣвало.

Андрюша уткнулся ему въ глаза мертвымъ взглядомъ, который постепенно сталъ вновь оживляться. У Николая Васильевича сильно забилось сердце. Его упорная воля должна одержать верхъ. Андрюша заговоритъ, скажетъ... Одно только слово, и тогда все ясно... Вотъ, вотъ идетъ оно, это слово... Придвигается оно, вмѣстѣ съ сознаніемъ, зарождающимся во взглядѣ Андрюши... Смотришь и видишь, какъ оно едва замѣтно мерцаетъ гдѣ-то въ глубинѣ глазъ, постепенно увеличивается, обозначается все яснѣй и яснѣй... Представляется, что этому слову стоитъ только перешагнуть какой-то порогъ, чтобы войти въ жизнь и отразиться въ ней.

Андрюша повелъ губами и проговорилъ:

— Кто?

— Да, да, скажи мнѣ, кто? Кто убилъ твоего отца? Кто держалъ его за горло, когда ты смотрѣлъ въ замочную скважину? Вѣдь ты видѣлъ все, ты смотрѣлъ... Убійца такъ скоро выскочилъ изъ кабинета, что ты не успѣлъ отойти... ручка двери сильно ударила тебя по головѣ... Вспомни, что было раньше, пока тебя не ударили по головѣ. Андрюша, это послѣднее, что ты долженъ помнить... Ты одинъ видѣлъ, ты одинъ знаешь, скажи.

Поникъ головой Андрюша и жалобнымъ голосомъ произнесъ:

— Здравствуй...

Съ отчаяніемъ схватилъ себя Николай Васильевичъ за голову, вскочилъ на ноги, зако-

дилъ по комнатѣ. Два-три звука нужны, чтобы раздалась правда, а звуковъ тѣхъ онъ добиться не можетъ... Такое чувство терзаетъ его, какъ будто онъ знаетъ, что гдѣ-то совсѣмъ близко совершается убійство... Стоитъ лишь приложить глазъ къ замочной скважинѣ, чтобы узнать, кто убиваетъ, но мѣсто у этой скважины занято Андрюшей, который все видитъ и ничего не говоритъ... Сколько бы лѣтъ ни прошло, картина убійства должна была запечатлѣться въ мозгу мальчика... Она гдѣ-то тамъ, въ этой головѣ, рисуется во всѣхъ подробностяхъ... Онъ не можетъ сказать... И нѣтъ средствъ ему помочь.

Внезапная мысль остановила Николая Васильевича на всемъ ходу... Да, да, конечно, есть средство помочь правдѣ сдѣлаться словомъ.

Онъ снова приблизился къ Андрюшѣ, который безучастно глядѣлъ въ пространство съ такимъ видомъ, точно онъ глубоко задумался. Господи! можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ и какъ разъ о томъ! О чемъ же больше ему думать!

Окинувъ комнату взглядомъ, точно боясь, что кто-нибудь услышитъ его слова, Николай Васильевичъ вполголоса проговорилъ:

— Ради Бога, Андрюша, постарайся сказать... Ты видѣлъ? Ты узналъ убійцу? Ты только не помнишь, какъ его зовутъ... Я тебѣ напомню... Это былъ Рыбовскій? Черный Рыбовскій? Илліодоръ Рыбовскій?

Андрюша отвернулся и опять сказалъ:

— Здравствуй.

Потомъ жалобнымъ голосомъ у него вырвалось:

— *Мама* Ксенія.

Поблѣднѣлъ Николай Васильевичъ, до того силенъ былъ приступъ гнѣва, его охватившаго.

— Иди къ мамѣ Ксеніи! почти крикнулъ онъ,— иди... Встань.

Андрюша всталъ.

— Иди.

Пошелъ.

—. Вотъ, въ эту дверь... иди.

Повиновался Андрюша, безъ всякихъ признаковъ какого бы то ни было чувства.

Оставшись одинъ, Могиловъ-Стольный былъ близокъ къ тому, чтобы заплакать. Опять ничего! И всегда будетъ ничего.

Мысль объ Илліодорѣ Рыбовскомъ пришла ему въ голову впервые въ эту ночь... совсѣмъ случайно. Проснулся онъ и сразу вспомнилъ о томъ, о чемъ не переставалъ думать въ послѣдніе дни. Мозгъ его исключительно былъ занятъ мыслію о томъ, что убійцу дяди онъ долженъ разыскать. Девять лѣтъ прошло, но разыскать должно. Убійство не перестало быть оттого, что прошло девять лѣтъ. Оно существуетъ. Оно живетъ въ каждомъ атомѣ жизни всей семьи. Отъ этого убійства все пошло, какъ отъ родоначальника. Пошло и его, Николая, мучительное душевное состояніе, эта убійственная пустота, это мертвенное равнодушіе, смѣняющееся приступами бѣшеной энергіи, не находящей себѣ приложенія... Проснулся онъ, мозгъ заработалъ, и мысль объ Илліодорѣ Рыбовскомъ пришла какъ-то стороною, точно ее кто-то подбросилъ, подсказалъ и спрятался... Илліодоръ Рыбовскій... Съ этой минуты онъ уже не могъ заснуть. Съ поразительной и вмѣстѣ съ тѣмъ удручающей ясностію стало для него несомнѣннымъ, что убійство со-

вершилъ Илліодоръ Ѳедоровичъ Рыбовскій, тотъ самый, о которомъ никто не упомянулъ во все время слѣдствія. Убилъ Илліодоръ, непремѣнно онъ, не кто иной, какъ Илліодоръ. Доказательствъ столько и они такъ быстро группируются, что не успѣваешь въ нихъ вглядѣться. Прежде всего, маленькій ростъ убійцы... полагали даже, что это подростокъ... Но развѣ у подростка мыслима такая сила... Убить старика было не трудно, но размахомъ двери убить мысль Андрюши... Илліодоръ Рыбовскій очень маленькаго роста, а физическая сила у него всегда была замѣчательная... Онъ вошелъ въ вестибюль, прошелъ мимо швейцара и вышелъ съ поднятымъ воротникомъ, съ опущенной головой... Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что не замѣтили его усовъ... Установлено, что убійца вошелъ въ квартиру вмѣстѣ съ дядей, который передъ тѣмъ поспѣшно вышелъ изъ дому и тотчасъ же вернулся съ неизвѣстнымъ лицомъ... Слѣдовательно, вышедши на улицу, дядя встрѣтилъ знакомаго... Можетъ быть, даже онъ увидѣлъ его въ окно, пошелъ за нимъ... Дядя сказалъ же швейцару, что сейчасъ вернется... Знакомый, маленькаго роста и сильный, у дяди былъ только одинъ—Илліодоръ Рыбовскій... Въ тотъ же вечеръ Рыбовскій уѣхалъ за границу. Такъ было имъ раньше рѣшено. Всѣ это знали и никто поэтому не удивился. Убійство совершено въ девятомъ часу... Рыбовскій уѣхалъ за границу въ одиннадцатомъ часу вечера... Онъ уѣхалъ девять лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ никому не писалъ, скрывается, очевидно, скрывается... Убилъ Илліодоръ Рыбовскій. Но почему? Къ преступному политическому движенію онъ не былъ причастенъ, далеко нѣтъ...

Князя Владиміра Андреевича онъ уважалъ... А бѣшенство его? Его безразсудная вспыльчивость... Произошло что-то страшное, непонятное... Убійца—Илліодоръ Рыбовскій.

Когда это убѣжденіе вполнѣ обрисовалось въ Николаѣ Могиловѣ-Стольномъ, первымъ его движеніемъ было кинуться ко всѣмъ, всѣмъ крикнуть: «Я нашелъ убійцу дяди, берите его, разыщите и берите...» Буйная радость овладѣла имъ, какъ будто онъ торжествовалъ побѣду. Раскрывъ неразгаданное до сихъ поръ имя, онъ тѣмъ самымъ осмыслилъ свою жизнь, оправдалъ свое существованіе... Конечно, онъ сдѣлалъ то, чего до него никто сдѣлать не могъ.

Но безпредѣльная энергія, вспыхнувъ въ немъ искрою, тотчасъ вся погасла. Крайняя брезгливость шепнула ему, что его слова будутъ только доносомъ и доносомъ празднымъ... Рыбовскаго отыскать нельзя... Онъ давно, навѣрно, самъ покончилъ съ собой. Разумѣется, онъ убилъ, но самъ не могъ выдержать ужасъ своего поступка... Давность не прошла: дѣло отнесено къ разряду политическихъ... И, когда все станетъ ясно, убійцу оправдаютъ... Въ этомъ всемъ содержится столько таинственнаго, столько необъяснимаго, что мысль не знаетъ, отъ какого начала идетъ преступленіе, къ какому концу оно приведетъ...

Вставъ и одѣвшись, Николай Васильевичъ увидѣлъ, что силы въ немъ не прибавилось. Онъ больше видитъ и даже больше знаетъ, чѣмъ прежде, но душа осталась такая, какая была. Развивъ въ себѣ привычку за собою слѣдить, любившій постоянно перебирать всю мелочь, какая попадала ему въ душу, князь самъ уловилъ себя на томъ, какъ онъ старается вызвать въ себѣ со-

мнѣніе... Всѣ доказательства противъ Рыбовскаго... Но доказательства могутъ быть ошибочны... Не одинъ Илліодоръ маленькаго роста и сильный... Не его одного могъ привести къ себѣ князь Владиміръ Андреевичъ... У него были длинные усы, которые не могли не обратить на себя вниманіе швейцара... Рыбовскій глубоко порядочный человѣкъ... Онъ самъ отдалъ бы себя въ руки правосудія, хотя бы лишь отъ страха передъ осужденіемъ невиннаго... Илліодоръ любилъ дядю...

— Лгу, постыдно лгу! вслухъ произнесъ Николай Васильевичъ,— меня пугаетъ, что теперь у меня есть задача... я отступаю...

«А какая польза отъ того, что я буду дѣйствовать?» продолжалъ онъ разсуждать. «Во мнѣ говоритъ чувство мести... Въ такомъ случаѣ я долженъ мстить самъ, не прибѣгая ни къ чьей помощи. Я долженъ отыскать Рыбовскаго. Я его спрошу прямо: «ты убилъ дядю»? Онъ не солжетъ. Если онъ отвѣтитъ «да», я его убью».

Но все это были только холодныя разсужденія. Пока они складывались въ его мозгу, Николай Васильевичъ вполнѣ отчетливо видѣлъ себя совершенно неспособнымъ на какія бы то ни было опредѣленныя дѣйствія... Онъ взялся бы за такой поступокъ, который не былъ бы связанъ съ цѣлымъ рядомъ подготовительныхъ дѣйствій... Собирать справки, поѣхать, искать, долго искать... Все это можно начать, а докончить нельзя... Вотъ если бы Илліодоръ оказался тутъ, подъ рукою.

— Да, убилъ Илліодоръ, проговорилъ онъ и выслушалъ свои слова, какъ заявленіе посторонняго человѣка о предметѣ, не вызывающемъ никакихъ споровъ. Совсѣмъ пусто было у него въ душѣ. Тогда началась обратная работа. Онъ сталъ

себя разогрѣвать и поступать съ собой, какъ съ обмершимъ человѣкомъ, въ которомъ хотятъ пробудить жизнь, вызвавъ искусственное дыханіе. Образовалась въ немъ какая-то поддѣльная рѣшимость, приведшая его къ Андрюшѣ. Опять загорѣлось въ немъ чувство, волненіе пришло къ нему. Но неудача на этотъ разъ не вызвала въ немъ немедленнаго паденія духа. Остался гнѣвъ. Въ немъ уцѣлѣла злоба, искавшая примѣненія. До Илліодора нужно добраться черезъ Пармена Владиміровича... Съ нимъ вѣдь еще счеты не покончены. Прошлое вѣдь еще не улеглось... что-то въ немъ копошится, неразрѣшенное и обидное.

Николай Васильевичъ пошелъ домой, потому что ему казалось, что онъ дома лучше разберется въ своихъ смутныхъ намѣреніяхъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Пармена Владиміровича, ѣхавшаго по направленію къ Моховой, и едва не повернулъ назадъ, но подумалъ: «успѣется!»

IV.

— Я все знаю, сказала Соня, вошедши къ двоюродной сестрѣ,—я знаю, зачѣмъ пріѣзжалъ сегодня Рыбовскій и отчего у всѣхъ такой разстроенный видъ.

Ксеніи стало страшно.

— Отчего? спросила она, и въ этомъ вопросѣ слышалась боязнь предъ отвѣтомъ, желаніе, чтобы отвѣта не было.

Похудѣла она за послѣдніе мѣсяцы, стала похожа на мученицу, какими ихъ изображаютъ на картинахъ. Ея голубые глаза выражали постоянно тихое страданіе. Доктора говорили о ней, что въ ней все какъ будто старательно загото-

влено для сумасшествія. На порогѣ помѣшательства она воспринимала впечатлѣнія двухъ міровъ, дѣйствительнаго и воображаемаго, въ непрестанной смѣнѣ терзаній. Въ ней радости больше не было. И Соня становилась похожа на нее. Съ тѣхъ поръ, какъ она вновь стала жить въ домѣ родителей, основнымъ настроеніемъ ея была грусть, породившая большую душевную усталость. Ей постоянно вспоминались тѣ три года, которые она провела съ мужемъ, и казалось ей, что никогда не исчерпаетъ она мучительныхъ воспоминаній. Въ эти три года было столько ужасовъ, что имъ въ рамкѣ трехъ лѣтъ не умѣститься... Имъ тѣсно и они разлились кругомъ, окрашиваютъ все прошлое и все будущее. Сколько бы ни было будущаго, горя на него хватитъ, оскорбительнаго горя.

— Отчего? съ печальной улыбкой повторила она вопросъ Ксеніи,—оттого, что пора была случиться несчастію... Сеня, неужели ты не находишь, что намъ жилось покойно?.. У насъ была своя скорбь, съ которой мы сжились... Мы устроились въ своей скорби такъ, какъ устраиваются въ темной квартирѣ... Мы привыкли къ ней, и никто намъ не мѣшалъ. Отецъ и мать давно убѣдились въ томъ, что имъ слѣдуетъ насъ оставить въ покоѣ, что ни гостей, ни баловъ намъ не нужно... Они тоже привыкли, и мы ихъ больше не огорчали... Ко всему привыкнешь... Вѣдь и мы съ тобой больше не плачемъ, когда смотримъ на Андрюшу...

Ксенія слушала, блѣдная, съ выраженіемъ ужаса. Сознаніе надвигающейся неопредѣленной угрозы сжимало ея сердце... Она понимала, что Соня подходитъ къ чему-то страшному... О! хоть бы она

подольше подходила, не произносила того слова, къ которому идетъ.

Наступило молчаніе.

Совсѣмъ противъ воли Ксенія спросила:

— Что же?

Ея двоюродная сестра опустилась на стулъ.

— Сеня, мнѣ очень хочется умереть... Знаешь ты это чувство? Я устала жить. У меня нѣтъ желанія продолжать...

Взглянувъ на лицо Ксеніи, она беззвучно засмѣялась.

— Не бойся, я не хочу ни отравиться, ни повѣситься... Этого больше не нужно... Мнѣ кажется, что я умру только отъ того, что хочу умереть... Я больше не хочу удерживаться... Право, очень многіе, навѣрно, только потому и остаются живы, что у нихъ душа ни за что не хочетъ отпустить тѣло... Пожалуй, я думаю о самоубійствѣ, но о совершенно особенномъ... Не знаю, какъ объяснить... Я оттолкну отъ себя жизнь, и меня не станетъ... Вотъ, Сеня, надо уйти отъ людей. Съ ними жить нельзя. Я устала видѣть злобу.

— Не такъ, Соня, не такъ... Я каждый день прошу Бога о томъ, чтобы онъ не отнималъ у меня жизни... И ты должна такъ дѣлать... Подумай о своихъ родителяхъ, какъ я думаю объ Андрюшѣ... Твоя смерть будетъ для нихъ несчастіемъ, а его и такъ много, много.

Ксенія дрожала, взволнованная. Набравшись храбрости, она сказала:

— Соня, довольно. Я готова. Говори, что случилось?

— Пріѣхала твоя мачиха...

— Ну, такъ что же? недоумѣло промолвила Ксенія.

Въ словахъ двоюродной сестры не прозвучало для нея ничего угрожающаго. Пріѣхала мачиха... Радоваться этому она не можетъ, потому что Лидія Ивановна всегда была для нея чужимъ человѣкомъ, но и бѣды тутъ не видно.

Но вдругъ ее охватило безпокойство.

— Она будетъ просить, чтобы я переѣхала къ ней... Нѣтъ, я не соглашусь, мнѣ здѣсь лучше. Меня нельзя заставить, мнѣ двадцать шесть лѣтъ...

Соня пожала плечами.

— Княгиня Лидія Ивановна о тебѣ и не думаетъ... Ей до тебя нѣтъ дѣла, именно потому, что ты совершеннолѣтняя... Я все знаю... Мама ее видѣла... Твоя мачиха заявила, что желаетъ взять къ себѣ Андрюшу...

Едва Соня успѣла договорить, Ксенія выпрямилась во весь ростъ, съ искаженнымъ отъ душевной боли лицомъ.

— Что? Андрюшу! Я не отдамъ! вскрикнула она и тотчасъ же опустилась на стулъ, съ тихимъ смѣхомъ.—Господи! Почему я такъ испугалась... Я пойду всюду, куда пойдетъ Андрюша. Если она его возьметъ, я послѣдую за нимъ. Ты меня испугала, а я не сообразила сразу... Вотъ я теперь и устала. Но мнѣ хорошо. Знаешь, теперь другой радости у меня не можетъ быть, какъ увидѣть, что я напрасно страдала и что я при своемъ старомъ горѣ остаюсь... Что мачиха хочетъ взять Андрюшу, это доказываетъ, что она его любитъ... Андрюша несчастный, онъ и не замѣтитъ, что его перевезли въ новое мѣсто.

— Опомнись! Какъ тебѣ не стыдно! внезапно разсердилась Соня,—ты не думала о томъ, о чемъ *говорила*... Къ кому ты собираешься идти и какъ

ты смѣешь находить, что все равно? Здѣсь тебя и Андрюшу любятъ, здѣсь тебѣ нечего бояться... А Лидія Ивановна хочетъ взять къ себѣ твоего брата только для того, чтобы его ограбить. Ей его деньги нужны. Она ссылается на свои права опекунши...

Въ Ксеніи пробудилась тревога, подъ вліяніемъ горячихъ словъ двоюродной сестры, но она все-таки не понимала. — Пусть. На что Андрюшѣ деньги...

— Его будутъ держать, какъ собаку, его будутъ бить, надъ нимъ будутъ смѣяться... Воображаю, какъ ты сумѣешь за него заступиться.

— О! закричала Ксенія,—бить, смѣяться!

Вся охваченная дрожью, она была блѣдна, какъ мертвая.

— Спасибо, Соня, спасибо... Теперь я понимаю. Я не отдамъ Андрюши. Я умру, но не отдамъ его.

— И мы не отдадимъ, не бойся, раздался голосъ князя Василія Андреевича.—Соня, зачѣмъ ты ей сказала? Теперь она волнуется.

Онъ вошелъ тяжелымъ старческимъ шагомъ. Недавній приступъ подагры сильно истомилъ его.

— Ксеничка, не безпокойся... Мы его не отдадимъ... Слава Богу, всѣ будутъ на нашей сторонѣ.

Поцѣловавъ племянницу, онъ продолжалъ:

— Есть вещи, о которыхъ ты и думать не должна... Это обязанность тѣхъ, кто призванъ тебя защищать.

— Думать не должна? непривычнымъ рѣзкимъ тономъ спросила Ксенія, – я даже думать не хочу, потому что нѣтъ ничего страшнѣе мыслей... Если бы мысли приходили снаружи, я бы цѣлый день ихъ отгоняла отъ себя, но онѣ сидятъ во мнѣ. Си-

дятъ во мнѣ и радуются, потому что онѣ сильнѣе меня...

Безуміе обрисовалось въ ея взглядѣ, и она сказала со сдавленнымъ хохотомъ:

— Мое сердце занято врагами! Надо отъ нихъ избавиться, оно должно взорваться, какъ герой, который не хочетъ сдаваться непріятелю... А у меня такой храбрости нѣтъ.

Василій Андреевичъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ, а взглядъ Сони выражалъ отвращеніе и усталость.

— Перестань, все пройдетъ, пробормоталъ онъ.

Ксенія провела рукою по лицу, отошла въ сторону, потомъ повернулась къ дядѣ, съ довольно спокойнымъ видомъ.

— Дядя, у меня есть деньги? Ну, да, я васъ спрашиваю, отецъ мнѣ оставилъ такое состояніе, которое принадлежитъ мнѣ?..

— Да, очень порядочное.

— Я хочу все отдать Лидіи Ивановнѣ... ей только деньги нужны... Я ей отдамъ свои...

Соня насмѣшливо произнесла:

— Она и твои возьметъ и Андрюшины. Свое дѣло она знаетъ...

— Какъ хорошо все на свѣтѣ устроено! неожиданно веселымъ голосомъ проговорила княжна, — все такъ просто и всякій знаетъ, о чемъ ему слѣдуетъ безпокоиться... Я только хотѣла бы знать, чего ждутъ отъ меня...

Она опустила голову, задумалась. Въ ней безуміе словно искало себѣ путей, толкалось изъ стороны въ сторону.

— Уведите ее къ Андрюшѣ, шепнула Соня отцу.

Повиновался онъ.

— Ксеничка, пойдемъ къ Андрюшѣ...

Напоминаніе о братѣ точно пробудило Ксенію.

— Андрюша! Въ самомъ дѣлѣ. Я заходила къ нему, онъ дремалъ... Если онъ проснулся, я прикажу подать ему завтракъ... Ты останешься здѣсь, Соня? Это хорошо. Я не люблю, когда оставляютъ мою комнату одну. Я столько пережила въ этой комнатѣ, что у нея, навѣрно, есть жизнь.

Она вышла съ Василіемъ Андреевичемъ, который чувствовалъ себя совсѣмъ растеряннымъ. Одна была у него надежда: что жена и Алексъ придумаютъ исходъ. На Николая разсчитывать нечего...

Соня вздохнула. Одиночество ей было пріятно. Когда она была одна, то ничто не мѣшало ей отдаваться какому-то воображаемому теченію, уносившему ее къ смерти. Ей такъ и представлялось, что смерть близка и что къ ней нужно подойти. Смерть это великое спокойствіе, такое желанное, такое красивое. Только смерть даетъ счастіе. Жизнь мучительна, какъ продолжительные роды... да, да, потому что жизнь родитъ смерть... И люди стараются эти роды задержать... Они не понимаютъ, что надо поскорѣе перебѣжать жизнь изъ конца въ конецъ... Какъ всѣ боятся этого слова, не вдумываются въ него... А оно обѣщаетъ успокоеніе, радость торжествующаго небытія.

V.

— Сегодня вечеромъ я отдыхаю! объявилъ Александръ Сергѣевичъ женѣ, переходя съ нею изъ столовой въ кабинетъ, — Саня и Таня могутъ шумѣть сколько ихъ душѣ угодно...

— Ахъ, какъ хорошо! обрадовалась Анастасія Александровна,—хоть на одинъ вечеръ ты оставляешь себя безъ работы. А то мнѣ все тебя жалко... Въ самомъ дѣлѣ.

Онъ засмѣялся.

— Подумаешь, я чахну отъ занятій. Слава Богу, сила еще есть.

И Александръ Сергѣевичъ съ добродушной хвастливостью тряхнулъ мощными руками, здоровый, крѣпкій и веселый.

— Разбойничья команда! Сюда! крикнулъ онъ.

Тотчасъ же въ сосѣдней комнатѣ поднялся шумъ, затопотали ножки по полу барабанною дробью. Пятилѣтній Саня и четырехлѣтняя Таня вбѣжали въ кабинетъ, штурмомъ кинулись на отца, съ такимъ упоеніемъ, какъ будто вся задача ихъ жизни сводилась къ тому, чтобы уронить его на коверъ.

Анастасія Александровна отошла въ сторону.

Большей радости она не знала, какъ присутствовать при подобной вознѣ. Она смотрѣла, съ выраженіемъ счастія на хорошенькомъ лицѣ. Ей вспоминались картины, которыя она видѣла на выставкахъ и въ которыхъ художники стараются передать счастливыя минуты семейнаго быта, приходили на память трогательные разсказы, дѣтскія пѣсенки звучали въ ушахъ... Но то, что происходило у нея передъ глазами, было лучше всего того, что придумываютъ художники, писатели и музыканты.

— Папа палъ! Папа палъ! торжествующе закричалъ Саня, едва только Александръ Сергѣевичъ, притворяясь, будто не можетъ удержаться на ногахъ, опустился на коверъ.

— Папа палъ! вторила Таня и быстро схва-

тилась за часовую цѣпочку отца. Она знала, что на этой цѣпочкѣ виситъ медальонъ, а въ медальонѣ портретъ мамы. Когда ей случалось открывать этотъ медальонъ, она ощущала большую гордость. А Саня залѣзъ отцу въ боковой карманъ, вытащилъ записную книжку и, довольно удобно расположившись у папы на груди, принялъ серіозный видъ, будто читаетъ:—Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридевять земель...

— Папа, гдѣ тридевять земель? спросилъ онъ и, нисколько не озабоченный отвѣтомъ, внезапно озарился новой мыслью:

— Папа, оставайся такъ... Я принесу Мопку и положу его на тебя.

— И я! И я! съ восторгомъ залепетала Таня.

Они оба кинулись въ коридоръ, гдѣ на красной подушкѣ цѣлыми днями спалъ престарѣлый Мопка, давно переставшій удивляться, когда наднимъ производили странные опыты. Заслышавъ приближающуюся бѣготню, Мопка лѣниво раскрылъ шаровидные черные глаза и вздохнулъ. Ну, опять дѣти что-нибудь затѣяли! Такъ и есть. Розовенькія, теплыя, они вдвоемъ берутъ его на руки. Его хвостъ и лѣвая задняя лапа достались Танѣ, а Саня схватилъ его за шею. Онъ могъ бы заворчать, но не видитъ въ томъ надобности.

Вдругъ раздался звонокъ, и чувство долга одержало въ Мопкѣ верхъ надъ любезностью. Онъ вырвался изъ дѣтскихъ рукъ и побѣжалъ впереднюю лаять. Голосъ у него былъ такой хриплый и глухой, словно раздавался изъ-подъ земли.

— Вотъ и конецъ забавѣ, огорчился Алексъ, вставая.

— Можетъ быть, это только курьеръ съ бумагами, сказала Анастасія Александровна.

Изъ-за двери, ведущей въ коридоръ, Саня и Таня смотрѣли въ прихожую. Чтобы Таня ему не мѣшала, Саня надавилъ ей рученками на голову и смотрѣлъ черезъ нее. Показался господинъ, котораго они не узнали. Одинаково обиженные этимъ обстоятельствомъ, они съ недовольнымъ видомъ отправились въ дѣтскую, гдѣ быстро утѣшились, устроивъ вооруженное нападеніе на старуху-няню. А Мопка, съ какою-то брезгливостью обнюхавъ гостя, презрительно фыркнулъ и вернулся къ своей подушкѣ.

— Это Иванъ, не скрывая удивленія проговорилъ Алексъ,—Настя, пойди лучше къ дѣтямъ.

Анастасія Александровна поспѣшила уйти.

— Я тебѣ не помѣшаю, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, входя,—здравствуй.

— Это зависитъ отъ того, съ чѣмъ ты пришелъ, холодно отвѣтилъ Алексъ,—я очень удивлюсь, если ты мнѣ не помѣшаешь быть довольнымъ сегодняшнимъ днемъ. Ну, дѣлать нечего, здравствуй...Признаться, я не ожидалъ тебя видѣть.

— Любезность твоя не имѣетъ границъ. Но зато предусмотрительность твоя совсѣмъ ограничена... Неужели ты вообразилъ, что твой родной братъ такъ-то никогда къ тебѣ и не покажется? А, понимаю, ты думалъ, что послѣ исторіи съ Соней мнѣ будетъ непріятно показываться тебѣ на глаза... Что жъ, пока я считалъ, что будетъ непріятно, я къ тебѣ и не ходилъ. А теперь прошло года три... Ну, какъ живешь?

Онъ расположился на диванѣ, закурилъ папироску и посмотрѣлъ на брата съ выраженіемъ *безпредѣльнаго* нахальства.

— Ничего себѣ обстановка. У тебя недурно. Тебѣ вообще везетъ... Слышалъ я, будто тебя прочатъ въ товарищи прокурора палаты. Это, какъ говорятъ добрые люди, невѣроятно быстрое движеніе... А жены твоей я не увижу?

— Нѣтъ, отрѣзалъ Алексъ.

Чувство отвращенія къ брату мучило его.

— Недостоинъ? усмѣхнулся Иванъ.—Ты удивительно грубъ. Въ такія минуты я глубоко сожалѣю о томъ, что былъ вынужденъ снабдить свою супругу отдѣльнымъ видомъ на жительство... Ты теперь меня не боишься. Да, кстати, я забылъ тебя поблагодарить за тѣ мытарства, которымъ ты счелъ нужнымъ меня подвергнуть. Прелесть! Даже жандармскаго краснорѣчія не миновалъ я.

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты пришелъ? Чего тебѣ отъ меня надо? спросилъ Алексъ.

— Ровно ничего. Но все-таки не уйду. Я подожду вдохновенья. Можетъ быть, оно мнѣ и подскажетъ самому смыслъ моего появленія... Впрочемъ, нѣтъ, цѣль была. Вспомнилъ. Хотѣлъ спросить: правда, что Лидія Ивановна вернулась и что она собирается потрепать спокойствіе Василія Андреевича и моей очаровательной тещи?

— Правда.

— Забавно. Посмотрю я, что изъ этого выйдетъ.

Алексъ пожалъ плечами.

— Ровно ничего не выйдетъ. Лидія Ивановна ничего не добьется.

— Не добьется? насмѣшливо произнесъ Иванъ,— а я другого мнѣнія. Положимъ, опеки надъ слабоумнымъ сыномъ она не получитъ, потому что сила на вашей сторонѣ, но денегъ она урветъ,

а если даже и не урветъ, благодаря твоему доблестному вмѣшательству, то во всякомъ случаѣ, добьется того, что натворитъ цѣлый океанъ безпокойствъ. И я этому радъ, очень радъ.

Онъ засмѣялся, съ злымъ выраженіемъ наглыхъ глазъ.

— Ты еще можешь радоваться? гадливо проговорилъ Алексъ,— странно! Мнѣ казалось, что прошло твое время. Во всякомъ случаѣ, я не вижу твоего торжества, которое ты предсказывалъ. Было время, когда ты разсчитывалъ, что сущность твоя и тебѣ подобныхъ распространится на всю Русь... Незамѣтно. Грязное пятно отъ васъ осталось, да и то едва видное...

Иванъ Сергѣевичъ опять засмѣялся.

— Ты полагаешь? Право, мнѣ бы не слѣдовало тебя разубѣждать. Что можетъ быть лучше близорукаго противника! Но дѣло въ томъ, что нѣтъ охоты слушать несообразности. По-твоему, ты торжествуешь по всей линіи? Э! господа! кого вы пріобрѣли? Мерлоновъ и Вѣрочекъ Нефедовыхъ. Вотъ именно. Вы радуетесь тому, что водворили порядокъ... Чего добраго, толкуете объ укрѣпленіи умовъ. Смѣшно. Какія были настроенія, тѣ и остались, только проявленія измѣнились. Работа идетъ глухо, подземно, но творится попрежнему... Молоткомъ разбили вы большіе куски и превратили ихъ въ пыль, но пыль-то осталась, незамѣтно повсюду осѣла. Погодите, она дастъ себя знать. Ты воображаешь, что евреи дремлютъ.

— Евреи? невольно переспросилъ Алексъ.

— Ну, да, евреи. Они не успокоятся, покуда не повернутъ все по-своему. Всюду проникаютъ *они*, тайные и явные, постепенно все забираютъ

въ свои руки. Когда-нибудь покажутъ они себя. Они шныряютъ среди молодежи, произнося упоительно-либеральныя фразы, внушаютъ ей все, что имъ угодно. Нѣтъ, братецъ мой, пока еврейство существуетъ, для васъ всякое торжество можетъ быть только кажущимся. А существовать оно будетъ всегда, потому что куда же ему дѣваться. И, повторяю, пріобрѣли вы только лицемѣровъ. Читаю я все то, что пишетъ Мерлонъ, читаю и понимаю, а вы читаете и не видите, что онъ васъ обманываетъ. Не вы его получили, а онъ васъ, потому что онъ вами пользуется. А религіозность Вѣрочки Нефедовой ты одобряешь? Нѣтъ? Напрасно. Если ты не принимаешь въ лоно свое тѣхъ, которые притворяются, тебѣ некого будетъ согрѣть на своей груди.

— Я все жду, когда ты начнешь говорить правду, спокойно промолвилъ Алексъ.

— Какую тебѣ еще правду надо?

— А вотъ ту, которая гласитъ, что вы дѣйствительно побѣждены. Плохо ваше дѣло, коль скоро вамъ приходится пугать насъ евреями и укорять Мерлонами. Когда рѣшаются вопросы, касающіеся Руси, никто не долженъ останавливаться надъ мыслью о томъ: «А что подумаютъ объ этомъ евреи?» Ты хвастаешь тѣмъ, что они противъ насъ, а я нисколько тѣмъ не огорченъ, потому что ихъ въ расчетъ не принималъ. Каждый строитъ домъ для себя, а не для незванныхъ гостей. Что же касается Мерлона, то его поведеніе меня чрезвычайно утѣшаетъ, какъ симптомъ. Въ былое время Мерлонъ притворялся противникомъ порядка, а теперь наряжается его сторонникомъ. Значитъ, ему выгодно быть на сторонѣ того, что мы признаемъ своими

устоями. Слѣдовательно, сила дѣйствительно на нашей сторонѣ. Но не въ евреяхъ и бездарныхъ Мерлонахъ дѣло. И вы сами это понимаете. Прошло то время, когда все русское чувствовало себя въ меньшинствѣ. Оно теперь у себя дома, чувствуетъ себя дома. Ему этого сознанія достаточно. Ты небось не выбѣгаешь на лѣстницу и не кричишь: «Ура! я живу въ собственной квартирѣ». Не пыль отъ васъ осталась, а одинъ мусоръ, въ которомъ вы съ озлобленной безнадежностію копаетесь. Что и говорить, было такое время, когда за вами шло стадо... Оно и теперь, можетъ быть, существуетъ, но арміей никто изъ васъ не рѣшится его назвать.

Иванъ Сергѣевичъ положилъ ноги на диванъ.

— Ладно, болтай, сказалъ онъ, — ты не дождешься того, чтобы я объявилъ: «я доволенъ». А міръ приводится въ движеніе тѣми, которые недовольны.

— Тѣми, кто желаетъ ему добра, а не стремится сдвинуть все съ мѣста ради корыстныхъ цѣлей.

Помолчалъ немного Иванъ Сергѣевичъ, потомъ фыркнулъ.

— Чепуха. Хороши ваши устои! Подъ сѣнью ихъ родилась княгиня Лидія Ивановна... А Володька Могиловъ? Развѣ они его удержали? Удержали Соню? Снабдили Василія Андреевича умомъ и оградили Ксенію Владиміровну отъ ошалѣлости?.. Однако, довольно, не за этимъ я пришелъ... Сообщи, пожалуйста, на Моховой, что я хотѣлъ бы поѣхать за границу. Тысячи три нужно.

— Что̀! вскрикнулъ Алексъ,—ты берешь меня посредникомъ въ шантажѣ?

Иванъ Сергѣевичъ всталъ.

— Я такъ и зналъ, что безъ пошлостей дѣло не обойдется. Если не хочешь, я самъ пойду. Пожалуй, будетъ хуже. Мнѣ терять нечего. А я не могу смотрѣть спокойно на то, какъ Лидія Ивановна дѣйствуетъ: мнѣ необходимо проявить нѣкоторое съ ней единомысліе. Я ухожу. До свиданія. Такъ скажешь?

Алексъ, подумавъ, отвѣтилъ:

— Ты негодяй, и негодяямъ не слѣдуетъ отказывать въ деньгахъ. Я въ такомъ видѣ передамъ о твоемъ желаніи Могиловымъ-Стольнымъ.

VI.

Княгиня Лидія Ивановна лежала въ кровати, до подбородка прикрытая одѣяломъ. Ея лицо, красное, казалось очень широкимъ, потому что щеки отвисали по бокамъ. Она была некрасива и даже могла внушать отвращеніе безмѣрно глупымъ и злымъ выраженіемъ неподвижнаго взгляда. Ее встряхивалъ сильный ознобъ, смѣнявшійся приступами жара. Наканунѣ вечеромъ, въ день пріѣзда, она стала чувствовать себя очень нехорошо. Вѣроятно, она простудилась, когда сидѣла при открытой форточкѣ, либо въ дорогѣ. Или ее продуло въ проходахъ окружнаго суда, куда ей пришлось отправиться въ поискахъ за Парменомъ Владиміровичемъ. Ночью ее мучилъ кашель, прерывавшій болью какой-то безсмысленный и некрасивый бредъ. Мучилъ ее страхъ, что она умретъ, и все свое несчастіе она приписывала ненавистной Глафирѣ Николаевнѣ, которая ее разстроила и заставила предпринять рядъ хлопотъ въ огражденіе des droits sacrés d'une mère. Надо было сидѣть дома, а не ѣздить

къ Рыбовскому, да оттуда въ окружный судъ... «Проклятые, проклятые!» твердила она, покрывая чувствомъ ненависти цѣлую толпу лицъ, представлявшихся ей въ бреду. Утромъ послала она за докторомъ. Онъ ей объявилъ, что у нея инфлуэнца, прописалъ лекарство и обѣщалъ зайти на слѣдующій день. Нѣсколько часовъ прошло довольно благополучно, съ ощущеніемъ неяснаго томленія, тусклаго, сонливаго. А потомъ стало хуже. Пришлось опять доктора позвать. Онъ принялъ озабоченный видъ и приказалъ лечь.

И вотъ теперь она лежитъ съ тоскливою злобой въ сердцѣ, съ короткими сердитыми мыслями. Она чувствуетъ, что не скоро выздоровѣетъ... Если она не умретъ, то пролежитъ долго, а враги воспользуются ея бездѣйствіемъ, примутъ мѣры, будутъ клеветать... Когда она встанетъ, никто не захочетъ съ нею говорить... Передъ ней, около кровати сидитъ въ креслѣ Луиза. У Луизы недовольное лицо... Получаетъ большое жалованье, а никогда привѣтливо не взглянетъ... Вотъ всѣ люди такіе... Они сами никого не любятъ, а требуютъ, чтобы ихъ любили...

«Всѣ ко мнѣ относятся нехорошо!» гнѣвно подумала княгиня Лидія Ивановна. «Я вынуждена всѣхъ не любить... Нѣтъ, я не умру... Я не могу умереть, пока не отомстила...»

— Wie viel ist die Uhr? спросила она хриплымъ голосомъ.

— Halb acht, отвѣтила Луиза.

Половина восьмого... въ девятомъ часу долженъ быть Рыбовскій со всѣми справками... Она ему обѣщаетъ много денегъ, заставитъ его ни передъ чѣмъ не отступать, лишь бы на Мохо-

вой почувствовали, что съ ней ссориться невыгодно... И придутъ они всѣ, жалкіе, просящіе, запуганные, а она будетъ кричать, смѣяться, торжествовать... Тогда будутъ находить ее умною и доброю, тогда не станутъ ей напоминать о Таормина.

Ознобъ замеръ, смѣнился жаромъ. Въ первую минуту это доставило ей удовольствіе. Она вспомнила, что уже раза три была довольно сильно больна въ послѣдніе годы... въ Дрезденѣ, въ Брюсселѣ, въ Меранѣ... И каждый разъ она думала, что умретъ... Вообще, каждый разъ было все совсѣмъ такъ, какъ теперь... такая же кровать, съ такимъ же балдахиномъ... шумъ голосовъ въ коридорѣ, бѣготня лакеевъ съ дребезжащими подносами... въ углу разрытый сундукъ, повсюду выпотрошенные чемоданы. И теперь будетъ хорошо! рѣшила она.

Раздался стукъ въ дверь.

Думая, что это Рыбовскій, Лидія Ивановна очень громко крикнула:

— Войдите.

Луиза поспѣшила въ сосѣднюю комнату и, вернувшись, доложила:

— Es ist eine Dame.

«Опять Глафира!» испугалась Лидія Ивановна и хотѣла сказать, что принять не можетъ, но въ это время услышала голосъ, котораго не узнала.

— Тетя, я пришла васъ навѣстить... Это я, Вѣрочка.

Въ спальню вошла Вѣра Михайловна. Ея появленіе вызвало въ княгинѣ волненіе. Лидіи Ивановнѣ было непріятно, что молодая хорошенькая женщина застаетъ ее больной и не

принявшею мѣръ къ улучшенію своей наружности. Кромѣ того, не видя причины прихода Нефедовой, она пришла въ тревожное настроеніе, какъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда не понимала, въ чемъ дѣло. Кто ее подослалъ? Зинаида или Глафира? И она смотрѣла на племянницу широко раскрытыми глазами, съ испуганнымъ и глупымъ видомъ.

Вѣра Михайловна близко подошла къ кровати.

— Здравствуйте, тетя. Я случайно узнала, что вы больны. Оказывается, васъ лечитъ мой докторъ.

— И ты не боишься заразиться? спросила княгиня.

Нефедова сѣла на то кресло, которое до ея прихода занимала Луиза.

— Нѣтъ, спокойно отвѣтила она, — я знаю, что воспаленіе легкихъ не заразительно.

Отъ этихъ словъ съ Лидіей Ивановной едва не сдѣлалось дурно. Съ ужасомъ она пробормотала:

— Воспаленіе легкихъ.

— А вы не знали? Я не понимаю, почему доктора скрываютъ...

Лидія Ивановна заплакала.

— Я умру! простонала она. — Une fluxion de poitrine, c'est mortel... Я такая несчастная, брошенная въ гостиницѣ.

Холодно посмотрѣвъ на нее, Вѣра Михайловна сказала:

— Въ гостиницѣ нехорошо умирать. Я сегодня буду на Моховой и переговорю относительно того, чтобы вамъ взяли комнату въ больницѣ. Докторъ такого же мнѣнія...

Эти слова усугубили страхъ княгини. Она не могла говорить и только плакала, съ громадною жалостью къ самой себѣ.

Вѣра Михайловна продолжала:

— Можетъ быть, вы и не умрете, но вы обязаны приготовиться къ смерти. Съ тѣхъ поръ, какъ я потеряла мужа, по которомъ я ношу донынѣ трауръ, я постоянно думаю о тѣхъ грѣшникахъ, которые умираютъ безъ покаянія. Меня привелъ къ вамъ мой долгъ. Я знаю, зачѣмъ вы сюда пріѣхали, мнѣ все извѣстно отъ Рыбовскаго. На краю могилы вы хотите еще согрѣшить. Шесть лѣтъ своей жизни вы отдали сатанѣ, а теперь готовитесь отдать ему себя навѣки. Опомнитесь. Покайтесь. Спасайтесь. Ужасенъ адъ.

Она встала, со строгимъ лицомъ, съ обликомъ мрачнаго видѣнія. На ея большіе черные глаза больной страшно было смотрѣть. Лидію Ивановну охватилъ бредъ, полный ужасовъ и терзаній. Она металася, стонала съ широко раскрытыми глазами.

— Кайтесь! Кайтесь! съ наслажденіемъ повторяла Нефедова, радуясь тому, что нашла жертву своему благочестію,—во имя христіанской любви посѣщаю я васъ, во имя христіанской любви хочу васъ спасти отъ когтей сатаны, которому вы себя пріуготовили... Кайтесь! Кайтесь! Постъ и молитва раскрыли мнѣ глаза, вѣра окрылила мою душу, страданіе дало мнѣ силу. И я вамъ говорю: кайтесь... Можетъ быть, уже поздно. Можетъ быть, завтра вы умрете...

— Оставьте, прочь, хрипѣла Лидія Ивановна.

Хотѣла она позвать Луизу, но силъ не хватило.

— Кайтесь! Кайтесь! Завтра васъ положатъ на столъ, а послѣзавтра въ гробъ... Можетъ быть,

черезъ два дня вы будете опущены въ сырую землю, и черви начнутъ уничтожать ваше тѣло, которое породило столько грѣха.

Княгиня уже не слышала. Ее какъ бы залило бредомъ. Она вся ушла въ черноту какихъ-то безформенныхъ ужасовъ, злыхъ видѣній и безпощадныхъ мукъ. Задыхаясь, она металась, хрипѣла. Губы ея прерывисто шептали: «Прочь, прочь», но она уже не сознавала, что передъ нею стоитъ Вѣра Михайловна... Въ ея воображеніи передвигались пугающія демоническія фигуры, сорвавшіяся съ видѣнныхъ когда-то картинъ... Въ ушахъ раздавались зловѣщіе звуки, представлявшіеся шорохомъ приближающейся смерти... Бредъ разрастался, принималъ силу вихря, закружившаго всѣ ея мысли и всѣ ея чувства.

Долго смотрѣла на нее Вѣра Михайловна, съ сознаніемъ исполненнаго долга и съ большимъ удовольствіемъ. Ей было пріятно видѣть, что ея слова напугали грѣшницу, соорудили грѣшной душѣ костеръ.

Черезъ полчаса, когда пріѣхалъ Рыбовскій, Лидія Ивановна все еще была въ бреду.

VII.

Для Мерлона не было высшаго наслажденія, какъ поучать общество и раскрывать читателю сущность нравственныхъ идеаловъ. То обстоятельство, что изъ училища онъ былъ исключенъ по суду товарищей за явное покушеніе на кражу, а со службы былъ удаленъ за взяточничество, нисколько не мѣшало ему высказывать благородныя мысли. Напротивъ, когда онъ писалъ *свои* статьи, Степанъ Николаевичъ находилъ осо-

бенное удовольствіе въ томъ, что вспоминалъ эти случаи, въ свое время вызвавшіе въ немъ горестныя ощущенія. Это доставляло ему душевное удовлетвореніе, словно онъ получилъ возможность говорить тѣмъ, кто его прежде презиралъ: «Видите, насколько я сильнѣе и значительнѣе васъ».

Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и ровнымъ красивымъ почеркомъ выводилъ строку за строкой, заканчивая свою очередную статью.

«Остерегайтесь людей, прикрывающихъ передовыми идеями свои заднія мысли. Помните, что тѣ овечьи шкуры, которыми любятъ прикрываться волки, не разъ уже вводили человѣчество въ заблужденіе. Не забывайте никогда и постоянно напоминайте другъ другу, что міръ покрытъ цѣлою сѣтью путей прохожденія порока и что путь добра единъ. Дѣло не въ томъ заключается, чтобы увлекаться энергичнымъ ученіемъ Льва Толстого или искать себѣ нравственнаго обновленія въ идеалахъ Ибсена и Бьернсона, поскольку мнѣ удалось ихъ разъяснить въ сегодняшнемъ моемъ обращеніи къ читателю. Автодинамически»...

Написавъ это слово, Мерлонъ улыбнулся. Онъ любилъ подобныя выраженія.

«Автодинамически должны мы доходить до извѣстныхъ выводовъ, коль скоро мысль наша занята исканіемъ той руководящей для общества правды, которую можно назвать серединною истиной. Не внѣ себя, не въ смыслѣ толкованія тѣхъ или иныхъ событій должны мы искать эту истину, которая въ насъ самихъ живетъ и которой мы часто не замѣчаемъ только потому, что смотримъ по сторонамъ. Основою всего существующаго является правда, въ правдѣ заклю-

чается начало жизни, и намъ нельзя утверждать, что ея нѣтъ, лишь оттого, что мы отъ нея отошли. Да, многіе изъ насъ перестали ее видѣть. Одни, лѣнивые умомъ и дерзкіе сердцемъ, приходятъ къ тому заключенію, что ея не надо, что и безъ правды можно прожить. Своей мысли они не высказываютъ, но, не участвуя въ поискахъ истины, мертвымъ грузомъ лежатъ на двигательныхъ силахъ общества. Другіе, обуреваемые страстнымъ желаніемъ возвести самихъ себя въ кумиры, измышляютъ правду поддѣланную, для того, чтобы имѣть поводъ всенародно крикнуть: «Я ее открылъ!» Если они бездарны — надъ ними смѣются. Если они даровиты—имъ вѣрятъ. Но и въ томъ и другомъ случаѣ обманъ не продолжителенъ. Всякая неудачная попытка такихъ людей влечетъ за собой другія. И конца имъ нѣтъ. Иные обращаютъ свои мощныя силы на разоблаченіе лжи, но правды не указываютъ. Они раскрываютъ зло, но не даютъ человѣчеству добра въ утѣшеніе. Забываютъ они о томъ, что задача, исполненная наполовину, не составляетъ ни одного шага впередъ. Наконецъ, находятся люди, которые нарочитыми измышленіями сбиваютъ съ толка общественную совѣсть, въ заботахъ о водвореніи анархіи въ умахъ. Ясно, что многочисленны тѣ, чья задача въ концѣ концовъ сводится къ затемненію истины. Единственное средство бороться съ ними—отнять у нихъ аудиторію, перестать ихъ слушать, вызвать къ жизни голосъ собственной совѣсти. Въ насъ самихъ заключается правда. Она сущность и оправданіе жизненной силы»...

Послѣднія строки шли вяло. Мерлонъ отложилъ *перо,* откинулъ голову назадъ и сталъ любоваться

рисункомъ лѣпныхъ украшеній потолка. Онъ видѣлъ, что въ своей статьѣ слишкомъ рѣзко сбивается на проповѣдническій тонъ. Желательно заострить конецъ какимъ-нибудь фейерверкомъ.

— Ты не занимаешься? спросила Ольга Антоновна, входя въ кабинетъ.—Изъ типографіи прислали за фельетономъ.

— Пусть подождетъ полчаса, я сейчасъ кончу, сказалъ Степанъ Николаевичъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ и сознался:—Никакъ не могу кончить...

— А ты сегодня о чемъ? съ озабоченнымъ видомъ освѣдомилась жена.

Ей нравилось говорить съ мужемъ о его работахъ, и она знала, что онъ ничего противъ подобныхъ вопросовъ не имѣетъ.

— Началъ о Толстомъ и о «Перчаткѣ» Бьернсона, поѣхалъ отлично и вдругъ забрелъ въ дебри...

Ольга Антоновна придала своему хорошенькому лицу серьезное выраженіе.

— Что же, ты Толстого бранишь?

Мерлонъ засмѣялся.

— Сунься только! Нѣтъ, я осторожно.

— Хвалишь?

— Ну, хвалить тоже нельзя. Тутъ нужно что-нибудь среднее, недоговоренное, чтобы каждый могъ понять по-своему... Понимаешь, теченіе еще не опредѣлилось. Я хочу присмотрѣться раньше, нежели произнести свое окончательное мнѣніе.

— Такъ не кончай своей статьи, посовѣтовала Ольга Антоновна.

— Что ты! засмѣялся Степанъ Николаевичъ, но сейчасъ же пересталъ смѣяться.—Знаешь, ты

совершенно права. Ты умница. Я ставлю рядъ многоточій и подписываюсь... Вотъ, получай. Отдай разсыльному.

VIII.

Похороны княгини Лидіи Ивановны собрали большое общество. Кромѣ той многочисленной и неопредѣленной родни, какая всегда имѣется у людей съ княжескимъ титуломъ и большимъ состояніемъ, явилось много лицъ, для которыхъ въ данномъ случаѣ слѣдованіе за печальной колесницей служило какъ бы дипломомъ на принадлежность къ высшему обществу. Разумѣется, княгиня Лидія Ивановна отошла за послѣдніе годы отъ «монда». Какъ говорила кузина Зина, «elle avait remplacé ses liens sociaux par des liaisons spéciales»... Конечно, князь Василій Андреевичъ и жена его нимало не являли собою центра свѣтскаго тяготѣнія, потому что Глафира Николаевна давно всѣхъ спугнула; но обаяніе свѣтлой памяти князя Владиміра Андреевича оставалось живо даже для тѣхъ, которые никогда не были бы въ состояніи оцѣнить его прекрасныя душевныя качества. Поэтому Могиловы-Стольные не утеряли своего значенія въ свѣтскихъ кружкахъ. Провожать тѣло княгини Лидіи Ивановны явилось много такихъ лицъ, которыхъ Петербургъ, вѣроятно, вовсе бы не зналъ, если бы не было первыхъ представленій и торжественныхъ панихидъ. Но прибыли и такіе, чьи имена произносились съ уваженіемъ. Были сановники, въ молодые годы служившіе при Владимірѣ Андреевичѣ, были люди, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ. Преобладали равнодушные, занятые преимущественно пріятною мыслью о томъ, что

они участвуютъ въ очень многолюдномъ и красивомъ шествіи.

За гробомъ, впереди всѣхъ, шли князь Василій Андреевичъ, его жена и дѣти.

Чувство, испытываемое Василіемъ Андреевичемъ, было настолько сложно, что онъ самъ не могъ въ немъ разобраться. Но разобраться ему хотѣлось, и это причиняло ему большое умственное утомленіе. Вообще, смерть его удручала. Всякое проявленіе ея было для него тягостнымъ. Въ ней онъ видѣлъ что-то очень злое и очень пугающее, о которомъ всего лучше никогда не думать. Поэтому кончина Лидіи Ивановны, несомнѣнно, должна была произвести на него впечатлѣніе несчастья. Но, въ одно и то же время, онъ ощущалъ большую радость, потому что Лидія Ивановна умерла, къ общему благополучію семьи, наканунѣ причиненія самыхъ невыносимыхъ непріятностей. Останься она жива, пришлось бы пережить массу волненій... Жена заставляла бы его хлопотать, ѣздить къ властямъ, говорить дѣловыя фразы и подписывать бумаги.

Всего этого онъ терпѣть не могъ. И онъ находилъ, что, порвавъ съ Дашею Скворцомъ, имѣетъ право на отдыхъ.

Этотъ разрывъ съ Дашей онъ считалъ великимъ подвигомъ своей жизни. Постоянно вспоминалъ онъ о немъ, съ нѣкоторой гордостью и съ недоумѣніемъ по поводу того, что онъ не слышитъ себѣ похвалъ.

Княгиня Глафира Николаевна шла за гробомъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія. Будучи женщиною очень несложнаго душевнаго облика, она относилась ко всякимъ событіямъ чрезвычайно просто, распредѣляла ихъ на пріят-

ныя, непріятныя и безразличныя. Смерть Лидіи Ивановны была ей пріятна и казалась проявленіемъ Божьяго заступничества по отношенію къ сиротамъ, Ксеніи и Андрюшѣ. Дальше этого мысль ея не шла. И, успокоенная тѣмъ, что Лидіи Ивановны больше нѣтъ на свѣтѣ, Глафира Николаевна считала совершенно лишнимъ о ней думать. Своевременно отдала она всѣ распоряженія относительно панихидъ и похоронъ, напомнила мужу, что онъ въ данномъ случаѣ хоронитъ жену своего незабвеннаго брата, и настояла на томъ, чтобы денегъ было истрачено много. Теперь, во время печальнаго шествія, окруженная титулованной, богатой и сановной родней своего мужа, она, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, видѣла то положеніе, котораго достигла... Единственная княгиня Могилова-Стольная... Тридцать два года тому назадъ, когда князь Василій Андреевичъ предложилъ ей быть его женою, она боялась этого имени и этого титула... Страхъ бралъ ее при мысли о томъ, какъ встрѣтятъ ее тѣ, къ которымъ она войдетъ... Хорошенькая, веселаго нрава, она не придавала значенія влюбленности Василія, не видѣла въ немъ жениха... Вообще, въ былое время, она ничему не придавала значенія, ни надъ чѣмъ не задумывалась. Ея отецъ, бывшій смотритель больницы, съ трудомъ доживавшій вѣкъ на скромную пенсію, хотѣлъ, чтобы изъ нея вышла акушерка... Если бы онъ вздумалъ готовить ее въ учительницы музыки, она бы одинаково подчинилась его рѣшенію... Ей было все равно, потому что она находила, что всякому человѣку живется пріятно, если онъ не создаетъ себѣ лишнихъ заботъ... И вотъ, едва она справилась со своимъ ученьемъ, встрѣ-

тился ей князь Василій Андреевичъ, въ тѣ годы красивый и молодой... Познакомилась она съ нимъ у матери Лидіи Ивановны, у княгини Гжатской, которая ей покровительствовала... Покровительству, впрочемъ, скоро наступилъ конецъ, едва выяснилось, что князь Василій Андреевичъ ради нея готовъ на mésalliance... Непріятностей, вообще, было достаточно. Но она, разсердившись на тѣхъ, которые считали справедливымъ ее презирать, не отступила и, несмотря на какой-то страхъ передъ таинственнымъ для нея бытомъ княжеской семьи, согласилась быть женою Василія... Большой пошелъ переполохъ... Какія-то неопредѣленныя кузины мужа грозили высылкой изъ Петербурга, цѣлая армія родственниковъ мобилизировала всѣ свои лучшія чувства, но все обошлось благополучно, благодаря заступничеству князя Владиміра Андреевича... И вотъ, понемногу, годъ за годомъ, съ ней всѣ примирились. Въ ней уже нѣтъ того, благодаря чему она вошла въ княжескую среду. Красота ея пропала. Но завоеванное осталось за ней. Она княгиня Могилова-Стольная... Въ настоящую минуту, за гробомъ Лидіи Ивановны, она предводительствуетъ цѣлымъ отрядомъ носителей звучныхъ именъ и крупныхъ чиновъ... Но радости она не ощущаетъ никакой... Смутно угадываетъ она, что самоубійство Володи и несчастье Сони также родились отъ нея, какъ родились отъ нея Володя и Соня... Она сама слишкомъ не Могилова-Стольная, чтобы создать Могиловыхъ-Стольныхъ, чувствующихъ себя на своемъ мѣстѣ... Двое уже погибли, а третій, Николай, словно дозрѣваетъ для несчастья. Что-то творится съ его душой... И ничего подѣлать нельзя.

«Ничего подѣлать нельзя»! мысленно повторила Глафира Николаевна, съ такимъ чувствомъ, точно положила безповоротное рѣшеніе, и тотчасъ же увидѣла, что всѣ ея мысли и воспоминанія ни къ чему не привели. Осталось прежнее грубовато-спокойное настроеніе.

Рядомъ съ матерью, Николай шелъ, угрюмо опустивъ голову. Смерть Лидіи Ивановны его сердила потому, что являлась для него несвоевременнымъ событіемъ. Совсѣмъ было приготовился онъ обрушиться на Рыбовскаго, а тутъ изволь пережидать, чтобы не сказали, что онъ нарушаетъ ту тишину, какою принято окружать смерть. Ему необходимо отыскать Илліодора Ѳедоровича. Для этого нужно имѣть разговоръ съ Парменомъ Владиміровичемъ, съ которымъ онъ шесть лѣтъ не говорилъ. Этотъ разговоръ приведетъ попутно къ тому, что получатъ разрѣшеніе обстоятельства, лежащія въ прошломъ какими-то недоконченными. Тѣмъ лучше! Хоть какой-нибудь конецъ, хотя какой-нибудь рѣзкій случай. Такъ жить нельзя, въ безконечной пустотѣ. Съ каждымъ днемъ все дальше и дальше уходишь отъ того времени, когда казалось, что удастся сдѣлаться человѣкомъ... Представляется ему, что кругомъ него люди живутъ, а онъ самъ только уцѣпился за чужія жизни, устроился за счетъ чужихъ душевныхъ движеній... Если жизнь плодоносное поле, онъ лежитъ на межѣ. Если жизнь борьба, онъ въ ней не участвуетъ... Онъ видитъ передъ собой цѣлый большой міръ, гдѣ нѣтъ мѣста, о которомъ онъ могъ бы сказать: «оно мое». Всѣхъ онъ считаетъ ничтожными, а самъ онъ ничтожнѣе всѣхъ. Человѣка роднитъ съ жизнью дѣло, а если этого родства съ жиз-

нью у него нѣтъ, то онъ безличный прохожій, изнывающій въ своей ненужности.

Николай Васильевичъ думалъ: «Кругомъ меня туманъ... Я ничего не вижу и только размахиваю руками... И я буду радъ, если при этомъ что-нибудь разобью».

Позади родителей шла Соня. Она нарочно отстала немного, чтобы ни мать, ни отецъ съ ней не разговаривали. Ей не хочется слышать ихъ слова и, что бы они ни сказали, желанія отвѣтить у нея не будетъ. Устала она. Всѣ требованія души замерли. Тихо идетъ она за колесницей по мокрой мостовой, и ей мерещится, что колесница прокладываетъ колею, указывающую путь въ смерть. Заманчивъ этотъ путь, наклономъ идетъ внизъ... Легко на немъ. Съ каждымъ шагомъ видишь, какъ тяжелое остается позади, все отходитъ въ прошлое, въ вереницѣ умирающихъ минутъ.

Парменъ Владиміровичъ хлопотливо сновалъ среди группъ, составлявшихъ траурное шествіе. Ему необходимо было объяснить какъ можно большему числу лицъ, что онъ вовсе не собирался быть представителемъ интересовъ княгини Лидіи Ивановны и выступить противъ князя Василія Андреевича. И это было совершенно вѣрно, такъ какъ онъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда Лидіи Ивановны въ Петербургъ узналъ изъ достовѣрнаго источника, что она проживаетъ свои послѣднія тысячи. Подойти къ Василію Андреевичу и Глафирѣ Николаевнѣ онъ не рѣшался и прежде всего обратился къ Зинаидѣ Ивановнѣ:

— Каково! Какое несчастье! Волненія ускорили ея смерть. Я ее уговаривалъ не затѣвать

семейной исторіи... Я слишкомъ уважаю князя Василія Андреевича... Но, знаете, трудно было уговорить. У покойницы былъ очень упрямый характеръ. Кромѣ того...

Кормакова строго посмотрѣла на него и перебила:

— Она умерла. Для насъ умерли съ нею всѣ ея грѣхи.

Рыбовскій пробормоталъ:

— Конечно, конечно...

Онъ отошелъ, глубоко оскорбленный, и обратился къ Вѣрѣ Михайловнѣ:

— Здравствуйте, Вѣра Михайловна... Каково! Какое несчастье! Она совсѣмъ напрасно хотѣла поднять семейную исторію по вопросу объ опекѣ. Мнѣ насилу удалось удержать ее отъ враждебныхъ дѣйствій противъ родныхъ... Воображаю, какъ это подѣйствовало бы на несчастную княжну Ксенію Владиміровну!.. Вы замѣтили, княжны здѣсь нѣтъ. Она очень плохо себя чувствуетъ, потому что ее разстроила смерть Лидіи Ивановны и главнымъ образомъ то, что Лидія Ивановна, передъ смертью, хотѣла взять къ себѣ Андрея Владиміровича... Нельзя скрыть, Лидія Ивановна причинила много волненій...

— Это была великая грѣшница, холодно сказала Нефедова,—мы должны возносить къ небу молитвы о спасеніи ея души...

— Вотъ именно, согласился Парменъ Владиміровичъ и понесся дальше, столкнулся съ Мерлономъ. Это была непріятная минута. Они уже года три какъ другъ съ другомъ не разговаривали. Открытой размолвки не было, но всякія отношенія были сведены на нѣтъ.

«Что жъ! Рискну добиться поправки!» рѣшилъ

Рыбовскій, который ко всякой ссорѣ питалъ глубокое отвращеніе.

— Здравствуйте, Степанъ Николаевичъ.

Мерлонъ довольно благодушно отвѣтилъ:

— Имѣю честь кланяться.

Онъ былъ хорошо настроенъ, вслѣдствіе того, что послѣдняя его статья, только что дописанная и посвященная выясненію святости семьи, отлично ему удалась.

Чрезвычайно обрадованный, Парменъ Владиміровичъ поспѣшилъ заявить:

— Какая ужасная смерть! Недѣли не прошло съ тѣхъ поръ, какъ я бесѣдовалъ съ ней въ день ея пріѣзда и упрашивалъ ее оставить Василія Андреевича въ покоѣ...

— А развѣ шансовъ никакихъ не было? съ едва уловимымъ ехидствомъ освѣдомился Мерлонъ.

— По правдѣ сказать, никакихъ... Ольга Антоновна здорова?

— Да. А Василиса Антоновна?

— Благодарю васъ... Какой славный весенній день! Виноватъ, мнѣ пора, до свиданія.

Степанъ Николаевичъ съ величественнымъ видомъ отвѣтилъ на его поклонъ. Короткій разговоръ съ Рыбовскимъ доставилъ ему удовольствіе. Онъ любилъ почтительность и считалъ, что имѣетъ на нее право.

Перебравъ двухъ дамъ и трехъ генераловъ, Парменъ Владиміровичъ увидѣлъ передъ собой Сергѣя Виссаріоновича Хрустова. «Ну, съ этимъ можно говорить совершенно иначе».

— Мое почтеніе, Сергѣй Виссаріоновичъ... И вы явились проводить покойницу?

Старикъ заморгалъ, испуганный неожиданнымъ обращеніемъ. Онъ только передъ тѣмъ задумался,

ушелъ въ мрачныя мысли о смерти. Съ тѣхъ поръ какъ въ Петербургѣ поселилась семья Алекса, онъ сталъ дорожить жизнью. Ему хотѣлось дожить до того времени, когда внуки сдѣлаются большими.

— Да, да, сконфуженно проговорилъ онъ,— я покойницу зналъ... еще когда она была барышнею...

— Преневыносимое было существо. Прямо скажу, отвратительная была кляузница. Представьте себѣ, она хотѣла, чтобы я велъ скандальное дѣло противъ Могиловыхъ-Стольныхъ. Мнѣ пришлось читать ей курсъ адвокатской этики.

Сергѣй Виссаріоновичъ боязливо оглянулся. Онъ опасался того, что ему будутъ поставлены въ упрекъ рѣзкія выраженія Рыбовскаго. И онъ вовсе не сочувствовалъ этимъ выраженіямъ. Однако, онъ не рѣшился это показать.

— Неужели? слабымъ голосомъ протянулъ онъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Алексъ, подошедши,—что разсказываетъ Парменъ Владиміровичъ?

Рыбовскій объяснилъ:

— Я разсказываю о томъ, какъ покойная княгиня Лидія Ивановна хотѣла, чтобы я велъ за нее дѣло противъ князя Василія Андреевича, и какъ я отказался...

Алексъ оборвалъ его:

— Неправда. Вы совсѣмъ не отказались...

— Александръ Сергѣевичъ, помилуйте...

— Не отказались и даже приступили къ дѣйствіямъ.

— Къ какимъ дѣйствіямъ? запротестовалъ Парменъ Владиміровичъ, съ искреннимъ желаніемъ уйти куда-нибудь подальше.

— А къ самымъ непохвальнымъ. Вы въ день

пріѣзда княгини явились отъ ея имени къ Василію Андреевичу и настаивали на томъ, чтобы онъ отпустилъ съ вами княжну къ мачихѣ.

— Что жъ, тутъ нѣтъ ничего противнаго адвокатской этикѣ... я поступилъ какъ знакомый.

Презрительно усмѣхнувшись, Алексъ пожалъ плечами.

— Что за чепуха. Я никакой адвокатской или иной спеціальной этики не знаю и знать не хочу. Я предпочитаю знать одну порядочность, для всѣхъ одинаково обязательную...

Вдругъ онъ замолкъ, обостривъ взглядъ по направленію къ тротуару. Ему показалось, что на перекресткѣ, тамъ, гдѣ стояла большая толпа глазѣющихъ, мелькнуло лицо Кати, его сестры. Каждая встрѣча съ ней его разстраивала, наполняла сердце болью. Лишь бы отецъ ея не увидѣлъ: онъ опять будетъ думать о томъ, что Катю надо вернуть... а Катя возвращаться не хочетъ... Нѣтъ, должно быть, ошибся, показалось.

Онъ снова было обратился къ Рыбовскому, но того уже не было по близости.

Въ началѣ шествія, около колесницы, произошло какое-то смятеніе. Толпа заколыхалась, сгустилась въ одномъ мѣстѣ. Пронеслись слова: «Софьѣ Васильевнѣ дурно».

— Я такъ и зналъ, что этимъ кончится, встревоженно произнесъ Алексъ, — на ней сегодня лица не было.

Онъ кинулся впередъ, помогъ Николаю Васильевичу довести Соню до кареты.

— Я поѣду съ ней, сказалъ молодой князь.

Алексъ отстранилъ его.

— Не ты, а я... Оставайся здѣсь.

Онъ сѣлъ рядомъ съ Соней, у которой въ гла-

захъ едва мерцалъ взглядъ, крикнулъ кучеру: «пошелъ домой!» и захлопнулъ дверцу.

Николай Васильевичъ не обидѣлся, но со злостью упрекнулъ самого себя: «Видишь, всѣ поняли, что ты ни на что не способенъ».

IX.

Соня умираетъ.

По мѣрѣ того какъ тѣло ея слабѣетъ, душа въ ней все меньше и меньше держится за тѣло. Именно такъ и представляется, что душа отъ тѣла отходитъ медленно, постепенно освобождаясь отъ наболѣвшей связи съ безчисленнымъ количествомъ атомовъ. По мѣрѣ того какъ идетъ эта освободительная работа, становится легче. Словно страданіе таетъ, либо мало-по-малу уходитъ куда-то далеко, туда, гдѣ сердце его больше не видитъ... Сонѣ кажется, что эта побѣда духа надъ плотью происходитъ у нея предъ глазами... Смотритъ она тѣми глазами, которые видятъ только несуществующее, испытываетъ громадное наслажденіе, точно ее невѣдомая ласковая сила уноситъ въ пространство, ограждая ее отъ всякаго соприкосновенія жизни... Да, въ томъ радость смерти и заключается, что перестаешь чувствовать жизнь, оставляешь ее гдѣ-то позади себя въ туманѣ, въ чаду перегорающихъ людскихъ страстей... Смерть это счастье, потому что это небытіе, уничтоженіе тѣхъ границъ, которыя охватываютъ личность, держатъ ее въ тюрьмѣ, заставляютъ душу топтать постоянно одно и то же сердце... Смерть это необъятное, упоительно свободное, это свѣтъ и спокойствіе... Смерть возвышаетъ, открываетъ необозримыя простран-

ства... Смерть это вѣчность, безконечность, неизмѣнность. Она послѣднее слово жизни, смыслъ ея... Люди чувствуютъ предъ ней обманчивый страхъ по велѣнію своей природы, безсмысленно и стихійно боящейся всякаго конца... Этотъ страхъ—лживое оружіе жизни, даръ, полученный отъ животныхъ... Люди не знаютъ, не понимаютъ, что нѣтъ болѣе свѣтлаго счастья, какъ умереть, какъ быть воплощеніемъ земного страданія... Не видятъ они того, что видитъ она, Соня, нашедшая правду въ усталости... Едва зародилось въ ней желаніе умереть, какъ открылась для нея вся прелесть смерти и какъ смерть стала приближаться къ ней... Чтобы разстаться съ жизнію, достаточно захотѣть этого... И какъ она лелѣяла это желаніе смерти, согрѣвала въ себѣ, радостно слѣдила за его ростомъ! Когда оно явилось, не помнитъ она... Въ тотъ день, когда она отравилась, оно еще не было сильнымъ, настоящимъ... Создалось оно потомъ, когда она вернулась къ жизни ослабѣвшею... Выздоровѣвъ, она входила въ жизнь такъ, точно возвращалась въ комнату, въ которой давно не была и куда не думала возвратиться... Все то, что она знала раньше, стало представляться ей чужимъ... словно она узнала, что можно быть внѣ того, чѣмъ составляется для людей міръ... И зачалась въ ней глухая работа постепеннаго самоубійства, упорная работа воли, направленной къ тому, чтобы оторваться отъ жизни... «Умирай! Умирай!» твердила она себѣ... Въ ней создавалась и крѣпла желанная смерть... Кончина Лидіи Ивановны ей помогла... О! какъ помогли ея похороны! Идя за гробомъ, Соня видѣла, всей душой видѣла, какъ лежитъ въ гробу тѣло умершей тетки, и стало ей все такъ ясно

и понятно, какъ будто въ той незримой книгѣ, которую она читала, внезапно появились картинки... Сразу смерть придвинулась къ ней близко... Умираетъ она, радостно чувствуетъ это, только это и чувствуетъ... Кругомъ нея стелется жизнь, опостылѣвшая, ненужная... Соня умираетъ... Предъ ней открывается будущее, а прошлое постепенно заслоняется, блѣднѣетъ, обезцвѣчивается... Да и было ли вообще прошлое, не содержалось ли оно цѣликомъ въ чувствахъ, какія вызывались разными посторонними событіями? Какъ далеко отошли люди!.. Они были ей близкіе, пока ихъ она любила или ненавидѣла... Ея душа давала имъ жизнь... давала, а теперь не хочетъ... Будущее открывается, безпредѣльное, безмятежное... Вотъ, вотъ еще немного, и душа все увидитъ, все пойметъ... Озарятся пространства, къ которымъ человѣчество идетъ ощупью... Область Божественнаго разверзается... Вотъ становится видно то, ради чего можно идти на всѣ испытанія... И люди не знаютъ, не видятъ. О! если бы они знали и видѣли...

Надъ кроватью Сони Ксенія стоитъ. Она нагнулась, смотритъ, жадно вглядывается въ лицо умирающей двоюродной сестры, ловитъ ея безсвязный бредъ.

«Что? Что?» мысленно спрашиваетъ она въ порывѣ безумія, озаряющаго ея душу проникновеніемъ въ тайны, неуловимыя для человѣческаго ума. Страданіе ея такъ велико, что переросло ея воспріятіе. Вся ея душа боль, и для нея весь міръ мучительно-злая скорбь. Думается ей, что только въ жизни Сони для нея спасенье... Эту жизнь надо стеречь, не выпускать изъ тѣла, пригвоздить ее къ тѣлу взглядомъ... Соня страдаетъ...

Но почему же улыбается она, какъ будто предъ нею носятся видѣнья? Кто съ ней говоритъ? Къ чьему голосу она прислушивается?

— Соня! вскрикнула она,—проснись! Соня, посмотри на меня... Только одно слово я тебѣ скажу, только одно слово. Послушай, что я скажу, и тогда мы будемъ счастливыя... Соня, не умирай.

Изъ сосѣдней комнаты поспѣшно пришла Глафира Николаевна, заснувшая на нѣсколько минутъ послѣ двухъ безсонныхъ ночей.

— Ксенія, уйди, попросила она,—ты не должна здѣсь оставаться.

Княжна подняла на нее взглядъ, полный слезъ.

— Тетя, сейчасъ Соня умретъ... Свезите меня въ домъ для сумасшедшихъ... Я больше не могу притворяться... Развѣ вы не знали, что я уже давно съ ума сошла?

X.

За обѣдомъ Парменъ Владиміровичъ сказалъ женѣ:

— Однако, сѣдыхъ волосъ у тебя порядочно... Обыкновенно у блондинокъ незамѣтно, а у тебя въ глаза бросается на вискахъ.

Въ сущности онъ преувеличивалъ. Надо было вглядѣться чрезвычайно внимательно, чтобы разсмотрѣть сѣдину въ волосахъ Василисы Антоновны. Но онъ былъ не въ духѣ и ощущалъ потребность причинить женѣ непріятность.

Она обидѣлась и разсердилась. Такъ какъ въ это время вошла въ столовую горничная, Василиса Антоновна не нашла возможнымъ объяснить мужу, что̀ собственно она думаетъ объ его умственныхъ способностяхъ. Прикусивъ губу,

она взглянула на него съ озлобленіемъ. Знаетъ она, какъ ему нравится говорить ей колкости. Когда онъ на нее злится, онъ никогда не рѣшается приступить къ объясненію сразу, а мѣситъ грязь на обходныхъ путяхъ. Знаетъ она также, почему онъ злится.

Горничная вышла.

— Я не скрываю, что мнѣ тридцать семь лѣтъ, небрежно проговорила Василиса Антоновна, — изъ нихъ пятнадцать я провела съ тобою...

Рыбовскій насмѣшливо улыбнулся.

— Можетъ быть, ты желаешь, чтобъ изъ этихъ пятнадцати лѣтъ каждый годъ считался за два?

— Что за пошлость!

Она пожала плечами, съ видомъ глубокаго презрѣнія.

— Каждый годъ за два, съ раздраженіемъ и дѣланнымъ смѣхомъ настоялъ Парменъ Владиміровичъ.

Тутъ его жена поняла, что онъ къ чему-то подбирается, что настоящая пошлость будетъ еще произнесена. Молча посмотрѣла она на него, стараясь какъ можно яснѣе выразить взглядомъ, что болѣе ничтожнаго существа она въ жизни предъ собой не видѣла.

Онъ продолжалъ:

— Я нахожу, что такой расчетъ былъ бы вполнѣ справедливъ, такъ какъ ты все время жила если не за двоихъ, то на двоихъ... Это двойная жизнь...

— Которая для тебя была двойною бухгалтеріей! дрожащимъ отъ злости голосомъ перебила Василиса Антоновна.—Будемъ говоримъ прямо...

Опять появилась горничная. Въ теченіе двухъ минутъ «говорить прямо» не пришлось. Но Ры-

бовскій отъ этого ничего не выигралъ, потому что за двѣ минуты въ его женѣ накопилось еще больше гнѣва.

Едва горничная успѣла уйти за дверь, началось крупное объясненіе.

— Ты намекаешь на то, что я не была безупречною женой?

— Небезупречною? Какое ласковое выраженіе!

— Ну, да, я тебѣ измѣняла...

— Благодарю за откровенность...

— За эту откровенность отплати тѣмъ же. Скажи: «я это зналъ, я бралъ за это деньги».

— Ложь!

Они оба встали, блѣдные, съ ненавистью въ глазахъ.

— Да! да! ты бралъ деньги! кричала Василиса Антоновна, въ полномъ изступленіи. — Ты заставлялъ меня брать и передавать тебѣ... Ты не говорилъ «попроси и дай мнѣ», но ты намекалъ, заставлялъ меня такъ поступать... Я любила другихъ, не тебя... Тебя я никогда не любила, тебя нельзя любить, потому что ты слишкомъ ничтоженъ... И я видѣла, что ты все знаешь, но желаешь, чтобы я деньгами купила себѣ право любить кого мнѣ угодно... Намеки были довольно ясны. Деньги я тебѣ давала... Ты зналъ, что у меня своихъ нѣтъ, но никогда не спрашивалъ, откуда я ихъ достаю...

— Наглая женщина! вопилъ Парменъ Владиміровичъ.—Ты отказалась отъ стыда. Ты хуже всякой падшей...

— Да, потому что я твоя жена.

Онъ швырнулъ салфетку на столъ, ушелъ въ кабинетъ. Василиса Антоновна разбила рюмку и поспѣшила за нимъ.

— Я тебѣ ничего новаго не говорю. Ты все зналъ и радовался, а теперь ты злишься на меня изъ-за...

— Изъ-за твоихъ подростковъ, которыхъ ты развращаешь...

— И которые не доставляютъ тебѣ выгодъ...

Перебивая другъ друга, они съ безумными взглядами швыряли другъ въ друга грязью. Много ея накопилось, въ одну минуту всей не израсходовать. Наконецъ они умолкли. Словъ у нихъ больше не было. Все оказалось произнесеннымъ, все прозвучало. Но разстаться они не могли. Что-то держало ихъ обоихъ въ одной комнатѣ, каждому изъ нихъ представлялось, что нельзя отойти. Ихъ души словно переплелись, вцѣпились одна въ другую оскорбительными фразами... И каждая фраза обозначала столько гадкихъ чувствъ, что она какъ бы трепетала отъ избытка силы... Постепенно гасло наслажденіе, испытанное во время проявленія гнѣва. Вырастала мало-по-малу новая неловкость, придаточная къ тому, что раньше было. Они теперь лучше чѣмъ когда-либо видѣли, почему имъ нельзя другъ друга не презирать. Они собрали весь мусоръ, какой былъ раскиданъ у нихъ въ прошломъ, и уже больше не могли о немъ не думать.

Рыбовскій медленными и нервными шагами ходилъ по кабинету. Ежеминутно казалось, что онъ остановится и возобновитъ схватку. Лицо его покрылось красными пятнами. Онъ тяжело дышалъ. Василиса Антоновна сидѣла около письменнаго стола въ томъ креслѣ, которое обыкновенно занимали кліенты, когда объясняли *Пар*мену Владиміровичу свои дѣла. Она стара-

лась не смотрѣть на мужа. Ей хотѣлось, чтобы разговоръ продолжался, но желаніе это вызвано было исключительно надеждою на то, что теперь пойдутъ болѣе спокойныя слова. Удрученная молчаніемъ, она заговорила первая:

— Ты началъ... Не надо было начинать.

— Началъ, началъ, неопредѣленнымъ тономъ произнесъ онъ и махнулъ рукою.

Поняла Василиса Антоновна, что мужъ ея самъ былъ бы радъ хоть какому-нибудь примиренію.

— Не расходиться же намъ, сказала она.

Онъ даже испугался.

— О! нѣтъ!

Болѣе всего онъ боялся скандала. Если у него произойдетъ гласный разрывъ съ женой, пойдутъ такіе толки о причинахъ разрыва, что репутація пошатнется, а за репутаціей и дѣла.

— Слѣдовательно, надо позабыть о прошломъ, а будущее само собою устроится.

— Вотъ именно, само собой, подхватилъ Парменъ Владиміровичъ и очень обрадовался, услышавъ звонокъ.

— А? Какъ думаешь? Кто бы это могъ быть... У меня сегодня пріема нѣтъ... Можетъ быть, Мерлонъ... Знаешь, я съ нимъ помирился... Или Хрустовъ... Останься, не уходи. Насъ никогда не видятъ вмѣстѣ, точно мы въ ссорѣ.

Вошелъ князь Николай Васильевичъ. Появленіе его не мало смутило Рыбовскихъ. Василиса Антоновна не видѣла его съ того дня, который закончился самоубійствомъ его брата и когда она воспользовалась посредничествомъ сестры, чтобы освободить отъ Могилова-Стольнаго мѣсто, предназначавшееся барону Волю. Съ тѣхъ поръ

она избѣгала встрѣчи съ княземъ. Теперь его приходъ, совсѣмъ необъяснимый, былъ для нея почти несчастіемъ, крайне неудачно завершалъ ея столкновеніе съ мужемъ. А Парменъ Владиміровичъ чуялъ, что отъ Николая Васильевича ему ничего хорошаго ждать не слѣдуетъ. Кромѣ того, князь являлся какъ бы иллюстраціей недавнихъ словъ жены.

— Какой пріятный сюрпризъ! сказалъ онъ, идя навстрѣчу гостю.

Василиса Антоновна проговорила съ улыбкою, которая затерялась въ темнотѣ:

— Мы всегда рады васъ видѣть.

Не ожидалъ Могиловъ-Стольный, что застанетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Онъ неуклюже поздоровался, пока Рыбовскій кричалъ:

— Маша! зажгите скорѣе лампы. Маша!.. Нѣтъ, какъ недогадлива прислуга!

— Я къ вамъ по дѣлу, объяснилъ Николай Васильевичъ.

— Я ухожу, поспѣшила сказать Василиса Антоновна, вставая, — я не хочу вамъ мѣшать.

— Нѣтъ, нѣтъ, удержалъ ее князь,—мое дѣло не кліентское... Оставайтесь, пожалуйста.

Онъ оправился, вполнѣ овладѣлъ собою. Когда лампы были зажжены, свѣтъ озарилъ на его лицѣ кривую усмѣшку и тягостно рѣзкій взглядъ. Пармену Владиміровичу стало совсѣмъ не по себѣ, а жена его притаилась, глубоко ушла въ кресло, съ сильнымъ желаніемъ удалиться въ другую комнату.

— А мы думали, кто бы это къ намъ жаловалъ въ такое время, съ заискивающимъ видомъ произнесъ Рыбовскій,—я даже предполагалъ, что *это* Хрустовъ...

— Какой Хрустовъ? Иванъ Сергѣевичъ? спросилъ князь, мрачный и строгій.

— Да.

— Онъ сегодня утромъ уѣхалъ за границу, на счетъ моего отца, у котораго онъ выпросилъ три тысячи еще четыре дня тому назадъ, въ день похоронъ Лидіи Ивановны.

Сочувственно вздохнулъ Парменъ Владиміровичъ.

— Много огорченій причинилъ вамъ этотъ человѣкъ. Воображаю, какъ несчастна Софья Васильевна.

Крикливымъ смѣхомъ Николая Васильевича были встрѣчены эти слова.

— Соня? Она скончалась шесть часовъ тому назадъ.

Василиса Антоновна всплеснула руками, а Рыбовскій протянулъ:

— О! неужели!

— Это еще не все, съ возрастающимъ озлобленіемъ сказалъ князь,—вы еще не знаете, что Ксенія окончательно сошла съ ума. У нея сейчасъ былъ припадокъ буйнаго помѣшательства.

И онъ посмотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ такимъ взглядомъ, что у его бывшей любовницы холодъ прошелъ по тѣлу, въ то время какъ Парменъ Владиміровичъ отступилъ, испуганный... «Зачѣмъ онъ пришелъ, зачѣмъ? Въ такой день, когда дома столько насчастій...»

— Я спокоенъ, почему же вы волнуетесь?! закричалъ Могиловъ-Стольный.—Кто вамъ далъ право за меня волноваться? А?

— Князь! взмолилась Василиса Антоновна,— развѣ мы можемъ быть равнодушны...

Онъ пожалъ плечами.

— Да, вы правы. Я всегда неправъ. Я всегда какой-то напрасный. Это меня и сердитъ. Но я совсѣмъ не за тѣмъ пришелъ, чтобы сердиться. Я пришелъ, чтобы узнать отъ васъ адресъ Илліодора Ѳедоровича. Я не могу ждать. Я сейчасъ хочу знать адресъ.

— Что вы! Откуда намъ знать? удивился Парменъ Владиміровичъ,—я съ нимъ въ перепискѣ не состою и даже забылъ о его существованіи... Онъ уѣхалъ девять лѣтъ тому назадъ, разсказывалъ, что собирается въ Америку. Мнѣ больше ничего неизвѣстно.

— Больше ничего, подтвердила Василиса Антоновна.

Тяжело дыша, Николай Васильевичъ посмотрѣлъ сперва на Рыбовскаго, потомъ на его жену.

Тѣмъ стало страшно. «Совсѣмъ сумасшедшій... сейчасъ кинется.»

Онъ сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Я чувствую, что вы говорите правду... Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Что съ вами, князь? старательно подчеркивая свою участливость, спросилъ адвокатъ,— почему вамъ нуженъ адресъ Илліодора?

Николай Васильевичъ взглянулъ на него враждебно.

— Ну, это не ваше дѣло. Коль скоро я не могу получить отъ васъ нужное свѣдѣніе, мнѣ больше не о чемъ съ вами толковать. Прошли времена нашего знакомства. Я васъ считаю негодяемъ.

— Князь! съ испугомъ вскрикнулъ Рыбовскій,—отчего вы меня оскорбляете!

Василиса Антоновна, блѣдная, молчала.

Могиловъ-Стольный презрительно улыбнулся.

— Я васъ не оскорбляю. Я только говорю, что вы негодяй. Это не оскорбленіе, а правда. Впрочемъ, если вы чувствуете себя оскорбленнымъ, я радъ дать вамъ удовлетвореніе.

Стараясь скрыть охватившую его дрожь, Парменъ Владиміровичъ трепетнымъ голосомъ проговорилъ:

— Мнѣ мои убѣжденія не позволяютъ вызвать кого бы то ни было на дуэль.

— Такія убѣжденія могутъ подчасъ оказаться стѣснительными для порядочнаго человѣка, сказалъ князь,—а принять вызовъ вы не можете?

— Также нѣтъ, отвѣтилъ Рыбовскій съ большою твердостію, которая исходила изъ мысли: хоть надавай мнѣ пощечинъ, а лба подъ пулю я не подставлю.—Также нѣтъ. Воспрещено закономъ. Уголовнаго преслѣдованія я не жажду.

Онъ мелькомъ взглянулъ на жену и былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что она смотрѣла на него съ презрѣніемъ.

— Можно и безъ уголовнаго преслѣдованія устроиться, спокойно замѣтилъ Николай Васильевичъ, — на это придумана американская дуэль. По жребію, одинъ изъ насъ избралъ бы наиболѣе для него симпатичный родъ самоубійства... Тоже не нравится? Жаль... Впрочемъ, нѣтъ, не жаль... Все сообразивъ, я нахожу, что такъ лучше. Вы остаетесь негодяемъ по убѣжденію.

Онъ направился къ двери. На порогѣ онъ обернулся и со злобой проговорилъ:

— Не воображайте, что вы оба меня сдѣлали пустымъ человѣкомъ. Я одинъ виноватъ.

Ушелъ онъ отъ Рыбовскихъ съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто для него окончательно выяснилось, что будущаго у него нѣтъ и что ото всего прошлаго на него пахнуло гнилью... Еще утромъ было у него такое чувство, а теперь подтвердилось. Смерть Сони, безуміе Ксеніи, эти два несчастья внезапно населили ужасомъ пустоту его души. Охватило его волненіе, которое не давало ему видѣть, чего онъ хочетъ. То представлялось ему, что жизнь отъ него требуетъ, чтобы онъ въ нее вошелъ... то видѣлъ онъ въ себѣ человѣка лишняго, лишняго до преступности... Ему казалось, что души у него больше нѣтъ. И вдругъ явилась злость, порывистая, горячая, замѣняющая душу. Эта злость словно швырнула его къ Рыбовскимъ... Пришедши къ нимъ, онъ началъ говорить объ Илліодорѣ... Но развѣ ему дѣйствительно нуженъ былъ Илліодоръ? Полно. Вовсе нѣтъ. Злоба искала, съ чего бы начать... Тѣми словами, которыя онъ мысленно произносилъ, онъ старался убѣдить себя въ томъ, что сердце въ немъ горитъ ненавистью къ предполагаемому убійцѣ дяди, но это были только лживыя слова мысли, потому что все его существо опредѣленно чувствовало, что энергіи въ немъ больше нѣтъ... Однако, когда онъ увидѣлъ, что Рыбовскій не знаетъ адреса Илліодора, имъ овладѣло отчаяніе... Точно ему сказали: «даже если проснется въ тебѣ энергія, ни на что она теперь не нужна...» Тогда онъ собралъ все, что могъ въ себѣ найти, всѣ желчныя чувства, наговорилъ оскорбительныхъ словъ, въ то время какъ все яснѣе и яснѣе ему становилось, что ему *нужна* людская жалость... Онъ такой несчаст-

ный и такой ничтожный, что онъ нашелъ бы сладость въ томъ, чтобы заплакать въ присутствіи Василисы Антоновны.

Идетъ онъ по улицѣ, въ раннихъ сумеркахъ облачнаго апрѣльскаго вечера. Гдѣ-то недалеко, должно быть, собирается первая весенняя гроза... Николаю Васильевичу представляется такая картина: небо налегло на землю, жадно всматривается въ страданія людей, вбираетъ въ себя избытокъ человѣческой душевной боли, которая постепенно образуетъ темныя облака... и сверху снова проникаетъ въ людскія сердца тягучая скорбь... Скорбь эта пропитала воздухъ, все живущее, все живое и безжизненное, всеобъединяющимъ гнетомъ... Это гроза, которая никогда не разрѣшится ударами грома, а вѣчно будетъ отравлять людей безконечною тревогой.

Попадаются навстрѣчу люди, другіе обгоняютъ, у каждаго въ груди страданіе, и каждый воображаетъ, что это страданіе у него свое... Не видятъ они, что они носятся съ частицами великаго непрощающаго зла, общаго для всѣхъ, по отношенію ко всѣмъ безпощаднаго... Они думаютъ: мы поступимъ такъ-то и такъ-то или добьемся отъ другихъ такихъ-то и такихъ-то поступковъ, и тогда намъ станетъ хорошо... Глупые, жалкіе, обманутые!.. Они не знаютъ, что глупо и безполезно жить.

Идя по набережной Фонтанки, князь остановился у чугунныхъ перилъ, облокотился на нихъ. Внизу вода стлалась темнотою, распространяя вокругъ грязное дыханіе... Это была не вода, а какой-то трупъ воды... Медленное теченіе тоскливо обозначало путь, ведущій отъ мрака къ мраку. Николай Васильевичъ смо-

трѣлъ внизъ на черную безшумную поверхность канала... «Броситься?» подумалъ онъ и понялъ, что ему въ самомъ дѣлѣ хочется броситься туда, въ эту черноту, похожую на смерть.

— Такъ, такъ, прошепталъ онъ, и каждое «такъ» казалось ему гвоздемъ, которымъ онъ прикрѣплялъ къ себѣ свою мысль о самоубійствѣ... Нужна всего одна минута для того, чтобы больше не было минутъ.

— Такъ, такъ, такъ...

Это будетъ очень грязная минута, но послѣдняя... Онъ убьетъ себя и того врага, который въ немъ сидитъ, зальетъ ненавистную пустоту, уничтожитъ ее.

— Такъ...

Развѣ смерть страшна? Нисколько. Ея нѣтъ... Она одинъ мигъ. Пройдетъ этотъ мигъ, и не окажется ни жизни, ни смерти. И какъ все это близко. Стоитъ лишь перегнуться... Вотъ такъ... еще немного... такъ... еще... Кто это кричитъ? Что кричатъ?

Холодъ, мучительный холодъ... вода вездѣ, кругомъ, внутри... съ ума сводящая боль... О, зачѣмъ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Александръ Сергѣевичъ взялъ большой листъ почтовой бумаги, отмѣтилъ число «6 октября 1894 г.» и принялся писать женѣ:

«Увидѣвъ изъ твоего письма, что ты собираешься пробыть въ деревнѣ числа до пятнадцатаго, я, признаться, сталъ хмуриться при мысли о томъ, что мнѣ еще полторы недѣли придется нетерпѣливо ожидать пріѣзда своихъ дорогихъ, милыхъ, славныхъ, безъ которыхъ я жить не умѣю. Право, когда тебя нѣтъ и когда я не слышу возни Сани и Тани, во мнѣ постоянно сидитъ тоска. А что мерещится, Господи Боже мой! То представляется, что кто-нибудь изъ васъ заболѣлъ, то начинаютъ представляться ужасы: не попалъ ли Саня подъ лошадь, не упала ли въ прудъ Таня, не загорѣлся ли домъ... Не смѣйся. Будь ты на моемъ мѣстѣ, съ тобой происходило бы какъ разъ то же самое... Мы съ тобой похожи на людей, которые довѣрили все

свое имущество какому-нибудь легкомысленному лицу и все время съ тревогою за нимъ слѣдятъ, думая: «А вдругъ разоритъ». Въ данномъ случаѣ легкомысленными лицами являются Саня и Таня, которымъ мы довѣрили все свое счастіе, всю свою жизнь. Наши души вложены въ ихъ маленькія хрупкія тѣла. Наша любовь къ нимъ полна страданій и страховъ. И вѣдь нельзя иначе любить, да и возможно ли жить безъ такой любви! Мнѣ кажется, что мы съ тобою самымъ простымъ и вѣрнымъ образомъ поняли жизнь. Смыслъ ея для насъ заключается въ томъ, чтобы заботиться о нашихъ дѣтяхъ. И мы, право, до такой степени слились съ ними душою, что, когда мы умремъ, а они останутся живы, бо̀льшая часть нашего духовнаго существа не будетъ унесена смертію. Слава Богу, они у насъ не избалованы, хорошо учатся, послушны, любятъ насъ и какъ будто ужъ теперь стараются отплатить намъ за наши заботы. Дорогая моя Настя, ты больше меня занимаешься ихъ воспитаніемъ, и я тебѣ долженъ сказать спасибо за наше общее счастіе. Подумаешь, какъ легко добыть это счастіе... а посмотри кругомъ, у многихъ ли оно есть? Многіе ли сумѣли выстроить и застраховать свою семью? Бѣдный отецъ! Мнѣ его очень жаль. Сколько муки доставили ему Иванъ и Катя, я же не доставлялъ ему большой радости, потому что онъ видитъ, что я воспитался и сталъ на дорогу помимо него... Я увѣренъ, что онъ теперь живетъ только тобою, Саней и Таней. Скажи дѣтямъ, чтобы они нацарапали письмо дѣдушкѣ. Ихъ письма его всегда радуютъ до слезъ. Писалъ ли я тебѣ, что онъ собирается *подать* въ отставку? Я это одобряю, потому что

при его мнительности служба причиняетъ ему невольныя волненія. Итакъ, твое письмо меня въ первую минуту немного огорчило, а потомъ я увидѣлъ, что я отчаянный эгоистъ... Оставайся въ деревнѣ какъ можно дольше. Дѣтямъ тамъ хорошо, они забираютъ запасъ здоровья на зиму... А если я и поскучаю нѣсколько лишнихъ дней, то бѣды въ томъ нѣтъ. Я даже увѣренъ, что не буду скучать, такъ какъ я предвижу массу работы.

Въ понедѣльникъ похоронили мы несчастнаго князя Василія Андреевича. Ничѣмъ хорошимъ онъ не отличался, а все-таки я его любилъ, не потому ли, что мнѣ было его жаль? Много несчастій на него обрушилось... Самоубійство Володи, самоубійство Николая, смерть Сони... Всѣ его дѣти, одинъ за другимъ, ушли до него въ могилу, и онъ, малоумный и безсильный, смотрѣлъ на это съ какимъ-то нѣмымъ ужасомъ. Я увѣренъ, что онъ все чувствовалъ, но не умѣлъ выразить свои ощущенія. Теперь, когда видишь передъ собою всю его жизнь, замѣчаешь въ себѣ громадную жалость къ нему, ко всѣмъ Могиловымъ-Стольнымъ, къ семьѣ, отъ которой остались жалкіе обломки: идіотъ Андрюша и сумасшедшая Ксенія, оба неизлечимые, оба душевно-мертвые. Едва не забылъ о княгинѣ Глафирѣ Николаевнѣ, которая въ настоящее время одна въ Россіи носитъ фамилію Могиловыхъ-Стольныхъ... вѣдь Андрюшу и Ксенію считать нельзя. А я помню хорошо то время, когда князь Владиміръ Андреевичъ былъ живъ, какъ его силою и его свѣтомъ держалась и озарялась многочисленная семья, погибель которой пошла отъ смутныхъ дней. Убійца князя Владиміра Андрее-

вича былъ убійцей всей семьи. Онъ внесъ въ нее довершающее потрясеніе, докончилъ работу моего брата, погубившаго Софью Васильевну и Володю. Въ смутные дни было положено начало тому, что̀ дало рядъ ужасныхъ результатовъ. Могиловы-Стольные были всѣ отравлены еще съ 1881 г., а съ тѣхъ поръ бились въ судорогахъ, боролись съ ядомъ. Развѣ Лидія Ивановна не вся создалась въ то время, когда безпринципность носилась въ воздухѣ? Ея послѣдующая жизнь была только логическимъ развитіемъ того, что̀ въ ней лежало. Также и Владиміръ, также и Николай. Оба ненужные, оба возненавидѣвшіе себя, они должны были покончить съ собою, первый со злости, второй съ тоски. Въ эпоху самодурной исторической качки ихъ сбило съ пути, они потеряли курсъ и носились безтолково въ туманѣ. Софью Васильевну выкинуло на берегъ слишкомъ поздно. Ксенію и Андрюшу сразу зашибло на смерть. И какъ ужасна, по-моему, эта картина крушенія Могиловыхъ, дорисовывающаяся въ такое время, когда намъ всѣмъ ясно, что послѣдніе годы были для Россіи годами спасенія...

Настя, сегодня утромъ сердце у меня словно упало, когда я прочиталъ бюллетень о состояніи здоровья Государя... «Въ состояніи здоровья Государя Императора замѣчается ухудшеніе: общая слабость и слабость сердца увеличились»... Мы съ болью въ душѣ читаемъ о физическомъ ослабленіи того, кто въ теченіе тринадцати лѣтъ былъ силой своей родины, великимъ обрусителемъ Руси, свѣтлымъ носителемъ завѣтовъ и красоты самодержавія. Онъ столько намъ далъ, что порою *намъ думается*, не отъ него ли мы получили жизнь.

Отъ смутныхъ дней стоялъ еще туманъ въ ту пору, когда онъ мощною рукой поставилъ Русь на вѣрную дорогу, вдохновленный обаяніемъ святости своихъ великихъ государственныхъ задачъ. Его вдохновеніе распространилось вокругъ него сіяніемъ, образовало зарю возрожденія истиннаго народнаго быта. И отошли въ прошлое смутные дни, эпоха взаимнаго недовѣрія, готовности на всякую ненависть и легкомысленныхъ сомнѣній. Мы познали спокойно-творческую жизнь, Россія крѣпла безъ шума въ періодѣ самостроительства. Работа шла такъ увѣренно и просто, что мы не замѣчали ея успѣха. Эволюція совершалась безъ толчковъ. А теперь мы видимъ, сколь много было достигнуто... И вотъ, почти неожиданно, этотъ ужасъ тревожныхъ вѣстей! Еще лѣтомъ слышали мы о болѣзни... Не вѣрили... Вдругъ стали появляться бюллетени, въ которыхъ каждое слово пугало насъ... Сегодняшній бюллетень въ особенности нехорошъ. Неужели опасенія сбудутся? Неужели нельзя спасти? Возможно ли, чтобы болѣзнь поборола сильнѣйшій организмъ, чья мощь была всегда такъ властно-красива... Сегодня, Настя, я больше писать не могу. Мной овладѣло слишкомъ безпокойное настроеніе. Будьте вы всѣ здоровы. Да хранитъ васъ Богъ! Цѣлую крѣпко тебя и дѣтей».

Алексъ написалъ на конвертѣ адресъ. Въ это время курьеръ подалъ ему визитную карточку.

— Илліодоръ Ѳедоровичъ Рыбовскій! съ удивленіемъ прочиталъ онъ,—проси.

Александръ Сергѣевичъ всталъ, чрезвычайно заинтересованный неожиданнымъ посѣщеніемъ. Почти четырнадцать лѣтъ не было даже слуха объ Илліодорѣ, всѣ о немъ забыли, и вдругъ онъ

появляется вновь. Должно быть, сильно перемѣнился.

«Да, перемѣнился сильно», подумалъ Александръ Хрустовъ, увидѣвъ Илліодора Өедоровича, входящаго въ кабинетъ.

Теперь это былъ совсѣмъ сѣдой человѣкъ, съ морщинистымъ загорѣлымъ лицомъ. Какъ постарѣлъ! А лѣтъ ему сколько? Сорокъ два, не больше.

— Что̀? Трудно узнать? отрывистымъ голосомъ спросилъ посѣтитель и быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, при видѣ протянутой руки Алекса.

— Перемѣнились, но я бы васъ узналъ и безъ визитной карточки, сказалъ Хрустовъ.—Я очень радъ васъ видѣть... Садитесь. Давно пріѣхали?

— Третьяго дня, отвѣтилъ Илліодоръ Өедоровичъ.

Его острый взглядъ съ какою-то невыносимо-тревожною выразительностію уставился въ лицо собесѣдника. Тотъ удивился.

Въ чемъ дѣло?

— И надолго?

— Не знаю... Зависитъ отъ многаго... Скажите, у васъ бываетъ вашъ братъ, Иванъ Сергѣевичъ?

— Иванъ? Вотъ ужъ четвертый годъ, какъ онъ за границей.

Илліодоръ Өедоровичъ нервно повелъ плечами.

— Но если бы онъ былъ въ Петербургѣ, вы бы могли разсчитывать на его посѣщеніе?

— Имѣлъ бы основаніе...

— Въ такомъ случаѣ, онъ у васъ будетъ черезъ десять минутъ. Я его обогналъ въ началѣ *Киро*чной, онъ шелъ пѣшкомъ по направленію

сюда. Послушайте, Александръ Сергѣевичъ, мнѣ нужно съ вами переговорить... Назначьте мнѣ часъ завтра, послѣзавтра...

Алексъ не сразу отвѣтилъ. Извѣстіе о возвращеніи брата его поразило... Опять начнутся тяжелыя впечатлѣнія.

— Переговорить со мной? сказалъ онъ. — Отлично. Хотите послѣзавтра утромъ. Я васъ буду ждать...

Рыбовскій всталъ.

— Благодарю васъ. А теперь я пойду. Не хочу встрѣчаться съ вашимъ братомъ. Простите, четырнадцать лѣтъ я съ нимъ не говорилъ, а отвращеніе у меня къ нему такое, словно я еще вчера имѣлъ съ нимъ столкновеніе.

Его тонкіе длинные пальцы мяли черную мягкую шляпу. Взглянувъ на нихъ, Александръ Сергѣевичъ вспомнилъ разсказы о замѣчательной физической силѣ Илліодора Ѳедоровича.

— Погодите немного... Можетъ быть, Иванъ вовсе и не ко мнѣ. Я даже увѣренъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія меня видѣть... Посидите еще. Разскажите, гдѣ вы провели всѣ эти годы. Въ Америкѣ?

Пристально посмотрѣвъ на него, Илліодоръ Ѳедоровичъ отвернулся, потоптался на мѣстѣ и сѣлъ. Видно было, что его томитъ сильное безпокойство.

— Нѣтъ, въ Америкѣ я не былъ, произнесъ онъ съ непонятнымъ озлобленіемъ,—я былъ въ Германіи, въ Италіи... Такъ, вообще... чего только не было!

Онъ снова взглянулъ на Александра Сергѣевича, словно ткнулъ его взглядомъ, и опустилъ глаза. Онъ теребилъ теперь бронзовую цепель-

ницу, пригнулъ ея края. Противъ воли, Алексъ не могъ отвести глаза отъ его пальцевъ. Внезапно замѣтивъ это, гость снова схватился за шляпу.

— Итакъ, я буду у васъ послѣзавтра...

— Погодите... Кто знаетъ, можетъ быть, вы послѣзавтра и не придете, медленно проговорилъ Хрустовъ.

Илліодора Ѳедоровича точно кольнуло.

— Почему? Почему вы такъ думаете?

— Объяснить не сумѣю. У меня отъ стараго времени, отъ прежней моей службы въ прокуратурѣ осталась привычка подмѣчать свои собственныя впечатлѣнія. И теперь у меня такое впечатлѣніе составилось, будто всякая охота со мной бесѣдовать у васъ пропала.

— Вы больше не служите въ прокуратурѣ? неувѣреннымъ голосомъ спросилъ Рыбовскій.

— Нѣтъ. Я недавно перешелъ въ другое вѣдомство... Развѣ это васъ огорчаетъ? Развѣ я вамъ нуженъ въ качествѣ товарища прокурора?

Илліодоръ Ѳедоровичъ съ дѣланною улыбкой отвѣтилъ:

— Съ какой стати? Нисколько. Вы ошибаетесь... Я непремѣнно приду послѣзавтра. Я бы и раньше пришелъ.

— Въ такомъ случаѣ, почему бы намъ не переговорить теперь? Вы напрасно опасаетесь прихода моего брата.

— А вотъ и онъ! радостно вскрикнулъ Рыбовскій,—слышите? Звонокъ. Я ухожу.

Алексъ взялъ его протянутую руку и не выпустилъ.

— Меня удивляетъ, что вы не задаете мнѣ *вопросовъ*. Неужели васъ не интересуетъ, что *здѣсь* безъ васъ происходило...

— Я и такъ все знаю, сказалъ Илліодоръ Өедоровичъ и вырвался. — Итакъ, до послѣзавтра.

— Какъ вамъ будетъ угодно, холодно проговорилъ Алексъ, — но только знайте, что я предпочелъ бы, чтобы меня миновали ваши объясненія.

Эти слова произвели на Илліодора Өедоровича, повидимому, удручающее впечатлѣніе. Онъ остановился.

— Я васъ не понимаю. Знаете что, мнѣ теперь самому кажется, что я къ вамъ больше не приду.

— И я хотѣлъ бы этому вѣрить, сказалъ Алексъ.

Рыбовскій кивнулъ и торопливо вышелъ, столкнувшись въ дверяхъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, который, посмотрѣвъ съ удивленіемъ ему вслѣдъ, расхохотался.

— Ну, братецъ, на такую встрѣчу я не разсчитывалъ. Никакъ это знаменитый Илліодоръ, вернувшійся изъ пампасовъ!

Онъ имѣлъ видъ самодовольный, хотя костюмъ его не свидѣтельствовалъ о благополучіи: пиджакъ былъ въ пятнахъ, а брюки чрезмѣрно лоснились. На его лицѣ обычное выраженіе наглости стало еще болѣе опредѣленнымъ, нежели прежде, какъ будто это выраженіе жаждало того, чтобы быть замѣченнымъ.

Взглянувъ на него, Алексъ брезгливо произнесъ:

— А ты откуда вернулся и давно ли?

— Ты безумно строгъ и не желаешь со мною цѣловаться? насмѣшливо освѣдомился Иванъ, — что жъ, оно, можетъ быть, и лучше, безъ радостныхъ объятій... Но хоть поздороваемся, въ угоду цивилизаціи. Здравствуй. Откуда я? Изъ Парижа.

Вотъ я каковъ. Давно ли? Сегодня. Ты видишь, я не теряю времени, когда вопросъ касается проявленія братскихъ чувствъ.

— Садись. Сколько тебѣ нужно?

Этотъ вопросъ, произнесенный презрительнымъ тономъ, нисколько не огорчилъ Ивана.

— Ну, вотъ и отлично. Сразу къ дѣлу. Я какъ разъ пришелъ къ тебѣ для того, чтобы потолковать съ тобой о томъ, сколько мнѣ нужно. Если твой темпераментъ этому не противорѣчитъ, дай рублей пятьдесятъ, а затѣмъ мы обсудимъ существенное.

Видя, что Алексъ достаетъ бумажникъ, Иванъ искренно обрадовался.

— Ого! Значитъ, я пришелъ своевременно. Вся наука жизни заключается въ томъ, чтобы своевременно придти и уйти... Напримѣръ, если бы я вздумалъ поѣхать тогда за границу на одну недѣлю позже, величественный покойникъ Василій Андреевичъ не отпустилъ бы мнѣ никакой субсидіи, такъ какъ смерть моей бѣдной жены лишила меня всякаго значенія. За три дня до ея смерти дали мнѣ три тысячи на выѣздъ, а съ минуты ея кончины я не могъ бы разсчитывать на пять копеекъ для совершенія рейса по конкѣ.

— Получай, сказалъ Алексъ, протягивая деньги,—зачѣмъ ты вернулся? Мнѣ извѣстно, что ты передъ отъѣздомъ лишился мѣста и что одновременно съ тобою едва не вылетѣлъ кассиръ, котораго ты придвинулъ совсѣмъ близко къ подлогу. Здѣсь тебѣ ни на что хорошее разсчитывать нельзя.

Иванъ фыркнулъ.

— И ты это говоришь въ ту минуту, когда *я отъ* тебя получаю пятьдесятъ рублей! О

скромность... Вернулся я потому, что мнѣ попался на глаза нумеръ «Новаго Времени» съ извѣщеніемъ о смерти князя Василія Андреевича. Объясни мнѣ, пожалуйста, на какія субсидіи сталъ бы я существовать за границей, коль скоро этого благороднаго человѣка не стало. Пока онъ былъ живъ, я еще могъ разсчитывать, что такъ или иначе его напугаю... А смерть его навела меня на новыя мысли, къ осуществленію которыхъ я спѣшу приступить.

— Теперь все ясно, спокойно проговорилъ Алексъ,—тебя вдохновилъ примѣръ княгини Лидіи Ивановны. Напрасно. Ничего не выйдетъ. Я отлично понимаю, что̀ тебя заставило придти ко мнѣ. Ты зналъ, что отъ меня ты услышишь правду. Итакъ, Иванъ, теперь ужъ ты отъ меня не скроешь, что за границей тебѣ не удалось вывернуться. А ты старался, это мнѣ извѣстно. Одно время ты до нѣкоторой степени процвѣталъ. Это было тогда, когда ты поселился въ Женевѣ и совершалъ періодическія поѣздки въ Монтре, Лозанну, Вевэ. Ты посѣщалъ пріѣзжихъ изъ Россіи, выдавалъ себя за бѣжавшаго изъ Сибири политическаго ссыльнаго и выпрашивалъ вспомоществованія, въ которыхъ многіе не рѣшались тебѣ отказывать, такъ какъ наружность твоя не внушаетъ вообще спокойствія духа... Потомъ ты попалъ въ Туринъ, откуда пришлось тебѣ довольно быстро скрыться, въ виду невозможности утаить свое участіе въ рабочихъ безпорядкахъ. Затѣмъ отправился ты въ Парижъ, гдѣ украсилъ своимъ именемъ списокъ анархистовъ, извѣстныхъ полиціи. Если не ошибаюсь, тебя парижская полиція неоднократно била. Тамъ вѣдь просто на этотъ счетъ. Я думаю, что если бы

ты не выѣхалъ изъ Франціи, тебя оттуда бы выслали...

— Я самъ такъ думаю, не безъ удовольствія произнесъ Иванъ,—не вижу надобности отрицать, что я не сидѣлъ сложа руки.

Но вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ, нахмурился.

— Такъ ты говоришь, что ничего не выйдетъ?.. Развѣ ты не знаешь, что у старика было завѣщаніе, по которому Сонѣ доставалось шестьсотъ тысячъ... Неужели онъ его уничтожилъ?

Алексъ улыбнулся.

— Нѣтъ, оно цѣло. Его вчера вскрыли въ моемъ присутствіи. Оно составлено въ восемьдесятъ пятомъ году. Шестьсотъ тысячъ княгинѣ, шестьсотъ тысячъ Сонѣ и вся недвижимость Николаю Васильевичу... Скажи, пожалуйста, не думаешь ли ты жениться на Глафирѣ Николаевнѣ?

Насмѣшливый тонъ брата разсердилъ Ивана.

— Перестань говорить глупости. Соня умерла, но я имѣю право на вдовью часть.

Засмѣявшись, Алексъ сказалъ:

— Ты не знаешь гражданскихъ законовъ. Ни о какой вдовьей части не можетъ быть и рѣчи. Такъ какъ Соня и Николай умерли раньше завѣщателя и законныхъ по себѣ наслѣдниковъ не оставили, все завѣщанное имъ по закону перейдетъ къ ближайшимъ родственникамъ, то есть по женской линіи къ двоюродной сестрѣ покойнаго Василія Андреевича, къ княгинѣ Чернской.

Иванъ стукнулъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— А я все-таки затѣю дѣло и добьюсь своего! Со мною шутить не совѣтую. Я имъ покажу. Не отвяжусь, пока не поверну по-своему.

Онъ покраснѣлъ, дышалъ тяжело и шумно.

— А то еще, пожалуй, вышлете? спросилъ онъ въ полномъ озлобленіи.

Впервые Алексъ видѣлъ въ своемъ старшемъ братѣ такой гнѣвъ, который пріятно было наблюдать. Несомнѣнно было, что злость Ивана вызвана разочарованіемъ въ надеждѣ на удачное совершеніе подлости. Наглому Ивану казалось невыносимымъ то обстоятельство, что его никто не боится.

— Конечно, все возможно. Пожалуй, и вышлютъ, подтвердилъ Алексъ,—основаній къ тому не трудно подобрать очень много.

Иванъ всталъ, грузно заходилъ по комнатѣ.

— Перестань трунить. Ты можешь меня не любить, даже относиться ко мнѣ враждебно, но съ твоей точки зрѣнія восхитительно-порядочнаго человѣка не слѣдуетъ глумиться надъ тѣмъ, который пропадаетъ... Ну, да, пропадаетъ. Лови это слово, поглаживай его мыслью, радуйся! Вы всѣ меня ненавидите за то, что я совершилъ, а я себя ненавижу за то, чего я совершить не могъ. Неудача, постоянная неудача во всемъ! Теперь я вижу, что ошибся въ расчетѣ, что лучше было бы съ вами не ссориться. Тѣ, отъ которыхъ я чаялъ себѣ поддержки, оказались шушерой, притихли, ждутъ... А развѣ я могу быть тихимъ и ждать...

— Полно, перебилъ Алексъ,— ты намекаешь на то, что всегда было въ тебѣ только бутафоріей. Единственнымъ твоимъ стимуломъ постоянно являлась корысть...

— А? Корысть? Въ томъ-то и дѣло. Скрывать не стану, такъ какъ умнѣе ничего придумать нельзя. Но вѣдь моя корысть ни къ чему не привела. Я хотѣлъ забрать какъ можно больше де-

негъ... Отчего мнѣ ихъ не дали? Эти идіоты Могиловы-Стольные рады были погубить свою дочь, лишь бы мнѣ ничего не досталось. Что же мнѣ теперь дѣлать? Идти въ такъ называемые порядочные люди?

Судейски-безжалостный, Алексъ сказалъ:

— Не думаю, чтобы тебѣ это было возможно.

Иванъ посмотрѣлъ на него внимательно и, отвернувшись, продолжалъ ходить.

— Вѣрно. Время ушло. И на то, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ, требуется привычка.

Вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Да пойми же ты, что мнѣ рано еще пропадать.

— Если не считать, что ты уже давно пропалъ.

«Только бы я не началъ относиться къ нему съ жалостью!» думалъ Алексъ. «Этотъ человѣкъ сдѣлалъ въ своей жизни слишкомъ много зла. Онъ не можетъ жить и не быть вреднымъ. Да и умѣетъ ли онъ страдать? Онъ, изъ-за котораго столько людей мучилось?»

Но, противъ воли, въ немъ постепенно создавалось чувство, похожее на жалость. Видя, что для Ивана начинается наказаніе, онъ пересталъ замѣчать въ себѣ ощущеніе неудовлетворенности, которое до сихъ поръ всегда заставляло его желать, чтобы старшій братъ понесъ кару.

— Давно пропалъ? Ну, это мы еще посмотримъ... Поглядимъ еще другъ на друга и помѣряемся... Дай мнѣ деньги въ руки, такъ я еще покажу себя.

Тонъ Ивана снова сталъ угрожающимъ. Настроеніе его пошло въ гору, раздуваясь и разогрѣваясь.

— Покажу себя... Послушай, ты мнѣ больше денегъ не дашь?

— Нѣтъ, не дамъ.

— Я пойду къ отцу... Да, кстати, онъ живъ еще?

— Живъ. Я его попрошу тебѣ ничего не давать. Все, что я могу для тебя сдѣлать, это предоставить тебѣ жить у насъ на хуторѣ.

Иванъ съ усмѣшкой расшаркался.

— Премного благодаренъ. На хуторѣ! Благодѣтель! Не безпокойся, я еще самъ могу коечто для себя сдѣлать. Такъ ты говоришь, что все переходитъ къ княгинѣ Чернской? Славно. А вотъ пообѣщаю я половину барыша какому-нибудь ловкому адвокату, такъ княгиню заставимъ, небось, повертѣться?

— Какъ знаешь, скучливо произнесъ Алексъ,— я тебѣ объяснилъ, что правъ у тебя нѣтъ, а что касается шантажа, то тебѣ и книги въ руки. Напоминаю, однако, что изъ каждаго осложненія для тебя можетъ возникнуть перемѣна мѣста жительства.

Въ немъ опять возникло враждебное чувство къ брату. Положительно, такого человѣка жалѣть нельзя.

— И пусть высылаютъ! вскрикнулъ Иванъ,— и пусть хоть вѣшаютъ меня, но пока у меня имѣется хоть одинъ зубъ, я буду имъ кусать. А! Вотъ какъ! Вы воображаете, что надо мною можно глумиться. Хорошо. Посмѣюсь я надъ вами. Попомните вы меня.

Онъ зашагалъ быстрѣе. Отъ его грузной походки вздрагивали рамки на стѣнахъ.

Брату онъ надоѣлъ. Алексъ рѣшилъ: «Когда уйдетъ, прикажу его больше не принимать...

Это какой-то пошлякъ злости, желчная пустельга, судорожно-хамствующая».

Вдругъ неожиданная мысль оживила его.

— Послушай, спросилъ онъ, — у тебя былъ ребенокъ отъ Софьи Васильевны?

Иванъ небрежно отвѣтилъ:

— Былъ. Что̀ въ томъ?

— И ты его сдалъ въ воспитательный домъ?

— Ну, да... чего пристаешь... Отдалъ, потому что я считаю дурью возиться съ дѣтьми...

— Ты не знаешь, живъ онъ или нѣтъ?

— Откуда мнѣ это знать. И какое мнѣ дѣло! Наконецъ, какъ я его найду. Расписокъ я не бралъ и даже собственной личности не обнаружилъ...

Алексъ почувствовалъ большое отвращеніе къ брату.

— Такъ. Отлично. Слѣдовательно, считая дурью возиться съ дѣтьми, ты своего ребенка сдалъ въ воспитательный домъ при условіяхъ, окончательно исключающихъ возможность напасть на его слѣды?

Настойчивость Алекса заставила Ивана насторожиться.

Онъ остановился.

— Да. А что?

— Ничего особеннаго. Мнѣ пріятно видѣть, что ты своимъ дряннымъ поступкомъ самъ себя наказалъ. Если бы ты могъ доказать, что у тебя имѣется ребенокъ отъ Софьи Васильевны, къ нему перешло бы все то, что̀ Василій Андреевичъ завѣщалъ своей дочери. Шестьсотъ тысячъ. И ты сумѣлъ бы около нихъ попользоваться. А теперь деньги проскочатъ мимо тебя. *Это я* называю дорогою платой за принципъ.

По мѣрѣ того какъ младшій братъ говорилъ, лицо старшаго наливалось кровью.

«Вотъ, вотъ, сейчасъ ударъ!» подумалъ Алексъ.

— Что̀? прохрипѣлъ Иванъ, съ блуждающимъ, дикимъ взглядомъ.

— Да вѣдь это правда! вырвалось у него крикомъ отчаянія, и сразу затѣмъ наступилъ упадокъ силъ.

Со слезами на глазахъ Иванъ опустился на стулъ. Руки его дрожали.

— Чортъ бы ихъ всѣхъ проклялъ! пробормоталъ онъ,—а ты радъ? Я понимаю, ты долженъ радоваться. Иначе ты былъ бы глупъ. Ну, прощай, а я все-таки что-нибудь придумаю.

Но по голосу было слышно, что онъ только безпомощно хвастаетъ.

Когда братъ вышелъ, Алексъ вернулся къ письменному столу и принялся было работать, но вспомнилъ объ Илліодорѣ Ѳедоровичѣ.

— Странно, прошепталъ онъ,—что̀ его заставило убить князя Владиміра Андреевича? А убилъ онъ. Это несомнѣнно.

II.

По Невскому, въ первомъ часу дня, два пріятеля шли на службу и обмѣнивались на ходу впечатлѣніями. Одинъ изъ нихъ былъ плотный брюнетъ съ большою бородой, а другой худощавый блондинъ съ тщательно расчесанными бакенбардами.

Блондинъ спросилъ:

— Читалъ ты сегодня газеты?

— Нѣтъ, не успѣлъ. Масса работы. Я только посмотрѣлъ бюллетень... Сказано, что Госу-

дарь спалъ нѣсколько часовъ... Вообще бюллетень гораздо лучше вчерашняго. Объ отекѣ ногъ больше не упоминается.

— Да, слава Богу... Есть надежда, что все обойдется...

— Дай Богъ... А почему ты спросилъ, читалъ ли я газеты?

— Хотѣлъ узнать твое мнѣніе о статьѣ Мерлона.

Брюнетъ заинтересовался.

— Какъ? Есть статья Мерлона? А я-то прозѣвалъ! О чемъ онъ пишетъ?

— О значеніи православія въ нашемъ національномъ самосознаніи. Онъ беретъ основнымъ положеніемъ, что только православіе могло создать мощь нашего народнаго духа. Свою мысль онъ развиваетъ прекрасно, просто, выпукло, безъ лукавыхъ мудрствованій.

— Да, Мерлонъ человѣкъ основательный. У меня дома жена даже вырѣзываетъ и сохраняетъ его статьи.

— У него опредѣленные и стойкіе взгляды, сказалъ блондинъ, — сила его заключается въ томъ, что онъ съ полною искренностью излагаетъ свое мнѣніе и тѣмъ самымъ проявляетъ поразительную убѣдительность. Говорятъ, онъ еще довольно молодой человѣкъ.

— Ему тридцать восемь лѣтъ, а на видъ еще того меньше.

— Какъ, ты его знаешь?

— Да, я съ нимъ знакомъ, не безъ гордости объяснилъ брюнетъ.

Блондинъ посмотрѣлъ на пріятеля съ завистью.

— И давно знакомъ?

— Года полтора. Я встрѣтился съ нимъ у Рыбовскихъ. Онъ женатъ на сестрѣ жены Рыбовскаго.

— Везетъ же тебѣ! Со всѣми знаменитостями ты знакомъ. Ну, объясни, что̀ за человѣкъ Мерлонъ...

— Чрезвычайно пріятный и, знаешь, безо всякой фанаберіи. Другой на его мѣстѣ пришелъ бы въ трансъ отъ собственнаго успѣха и старался бы всѣхъ подавлять своимъ величіемъ, а онъ замѣчательно простъ, вовсе не корчитъ изъ себя великаго человѣка. Нрава онъ веселаго и охотно толкуетъ о всякихъ пустякахъ. Жена его довольно безлична. По-моему, жена Рыбовскаго, ея сестра, гораздо интереснѣе.

— Вотъ и Рыбовскій выдающаяся личность, замѣтилъ блондинъ,—на прошлой недѣлѣ я пошелъ въ окружный судъ слушать его рѣчь по дѣлу Колесникова... Что за блестящее краснорѣчіе, какая благородная оригинальность мыслей! И, что всего важнѣе, онъ, по отзывамъ всѣхъ, человѣкъ глубоко порядочный.

— Я думаю, что на него имѣетъ большое вліяніе его жена, поразительно сердечная и умная. Когда бываешь у нихъ, невольно любуешься ихъ согласіемъ. Рѣдко я видѣлъ супруговъ, въ такой степени созданныхъ другъ для друга.

— Съ ними ты тоже давно знакомъ?

— Года два. Мы познакомились въ Павловскѣ, на дачѣ, и съ тѣхъ поръ сохранили добрыя отношенія.

Блондинъ задумчиво произнесъ:

— Я увѣренъ, что талантливые люди всегда являются и хорошими людьми. Дарованіе должно *неизбѣжно служить* гарантіей порядочности.

— Пожалуй, что и такъ... А это что̀ за типъ, которому ты сейчасъ поклонился?

— Именно типъ, типъ несчастнаго человѣка. Его исторія чрезвычайно интересна. Зовутъ его Хрустовымъ...

— Онъ родственникъ вице-директора Хрустова, Александра Сергѣевича?

— Родной братъ. Больше ничего общаго между ними нѣтъ. Александръ Сергѣевичъ безчувственный и сухой карьеристъ, эгоистъ безпримѣрный, а этотъ, Иванъ Сергѣевичъ, какая-то трагическая жертва рока. Не помню хорошо, кто мнѣ разсказалъ его исторію, но, по-моему, она довольно занимательна. Видишь какая между нами разница: ты состоишь на короткой ногѣ со знаменитостями, а я могу сообщать подробности лишь о пасынкахъ судьбы.

И блондинъ засмѣялся.

— Ладно. Разсказывай, чѣмъ твой Хрустовъ примѣчателенъ...

— А главнѣйше тѣмъ, что его избралъ объектомъ ненависти его родной братъ Александръ, который сумѣлъ выжить его изъ дома, чтобы завладѣть безраздѣльно симпатіей родителей и ихъ состояніемъ. Александръ, какъ человѣкъ юркій и сообразительный, отлично пошелъ по службѣ, выгодно женился, а Ивану пришлось кое-какъ перебиваться на службѣ въ страховомъ обществѣ «Спасеніе»... Кстати, я тамъ съ нимъ и познакомился, потому что довольно долго страховалъ свое имущество въ этомъ обществѣ. Разговорились мы какъ-то съ нимъ, онъ мнѣ все и разсказалъ. Но ты слушай дальше. Случилось такъ, что Иванъ влюбился въ княжну Могилову-Стольную...

— Въ племянницу Владиміра Андреевича, перебилъ брюнетъ,—слышалъ я объ этой исторіи. Но мнѣ говорили, что твой Хрустовъ мерзавецъ.

— Полно! Это Александръ Сергѣевичъ распространяетъ такіе слухи. Онъ-то и испортилъ все дѣло. Когда Иванъ женился на княжнѣ, Александръ возстановилъ противъ него родителей княжны, тѣ прогнали свою дочь, а она съ горя умерла. Бѣдный Иванъ Хрустовъ такъ былъ убитъ горемъ, что едва съ ума не сошелъ. Онъ бросилъ страховое общество, много лѣтъ пропадалъ... Разсказываютъ, что онъ едва не сдѣлался монахомъ. Я никакъ не ожидалъ его встрѣтить. Повидимому, онъ до сихъ поръ горюетъ о женѣ. Видъ у него совсѣмъ несчастный.

Брюнетъ возмутился.

— Чортъ знаетъ что! А я-то всегда считалъ Александра Сергѣевича порядочнымъ человѣкомъ...

— Да, братъ, пока не покопаешься въ самой сути, всегда рискуешь впасть въ ошибку.

Они вошли въ зданіе министерства.

III.

Вѣра Михайловна, опустившись на колѣни передъ кіотомъ, шепотомъ произносила молитвенныя слова. Она часто клала земные поклоны, истово-плавнымъ движеніемъ пригибая лобъ къ ковру. Вся въ черномъ, она производила впечатлѣніе монахини. Ея большіе черные глаза сурово и безмысленно смотрѣли на иконы, въ то время какъ правая рука однообразно взлетала въ безпрерывныхъ крестныхъ знаменіяхъ.

День свой она неизмѣнно начинала съ продолжительной молитвы. Каждое утро, отъ девяти до половины десятаго, она стояла на колѣняхъ, въ восточномъ углу образной комнаты. Затѣмъ, послѣ чая и до завтрака она по праздникамъ проводила время въ церкви, а въ будни либо принимала бѣдныхъ, либо занималась своими денежными дѣлами. День она проводила дома въ чтеніи, потомъ посѣщала вечернія службы. Передъ сномъ она также молилась, ровно полчаса. Такая размѣренная и однообразная жизнь ей нравилась. Исполненіемъ молитвенныхъ обрядовъ она гордилась, какъ несомнѣннымъ проявленіемъ благочестія. И послѣ продолжительной молитвы она чувствовала себя достойной уваженія.

Часы пробили. Половина десятаго. Въ тотъ же мигъ замерло на губахъ Нефедовой послѣднее молитвенное слово. Встала она, перешла въ сосѣднюю комнату, позвонила.

— Чай подать! рѣзкимъ голосомъ приказала она горничной,—ты сегодня опять опоздала. Чтобы мнѣ не пришлось опять повторять, что я не терплю неаккуратности!

И, въ ожиданіи исполненія приказанія, она сѣла, съ повелительно-строгимъ выраженіемъ лица.

— Тутъ одинъ бѣдный ждетъ, сказала горничная, ставя передъ ней небольшой подносъ съ чашкой чая.

Вѣра Михайловна отрывисто спросила:—Новый?

— Новый, ваше превосходительство.

Нефедова требовала отъ прислуги, чтобы ее *такъ* титуловали, хотя была вдовой отставного *корнета*.

— А, это хорошо, проговорила она,—пусть подождетъ. А потомъ никого не принимать, кромѣ Пармена Владиміровича.

Она любила, когда приходили къ ней въ первый разъ просить на бѣдность. Это давало ей поводъ сказать просителю поучительное слово, которое сложилось у нея для всѣхъ одинаковое. Впрочемъ, бѣдные къ ней рѣдко приходили вторично.

Чай она пила очень крѣпкій и отъ одной чашки ощущала подъемъ настроенія. Медленно допивъ чашку, она перекрестилась и отправилась къ просителю.

Въ пріемной комнатѣ, у дверной притолки стоялъ небольшого роста человѣкъ съ опущеннымъ взглядомъ заплаканныхъ глазъ. Одѣтъ онъ былъ грязно и бѣдно. При входѣ Нефедовой онъ вытянулся, подобравъ руки по швамъ, и подойти не посмѣлъ, только неуклюже поклонился.

— Здравствуйте, сказала Нефедова, — какъ васъ зовутъ? Что̀ вамъ нужно! Кто васъ прислалъ ко мнѣ? Чѣмъ вы занимаетесь?

Эти вопросы она всегда произносила сразу, убѣдившись въ томъ, насколько они благотворно дѣйствуютъ на просителей, внушая имъ, что праздные разговоры не допускаются.

Не слыша отвѣта, Нефедова приняла особенно суровый видъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Ивановъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ проситель и заморгалъ съ такою быстротой, что Вѣрѣ Михайловнѣ показалось утомительнымъ на него смотрѣть.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Былъ на службѣ, а теперь...

— Ага, были на службѣ и васъ прогнали. Ваше поведеніе довело васъ до того, что вамъ приходится нищенствовать. Знаю, знаю, прошу не перебивать... Кто васъ прислалъ ко мнѣ? Ну? отвѣчайте же... Кто вамъ сказалъ, что я помогаю бѣднымъ?

Заикаясь, Ивановъ объяснилъ:—Никто-съ... старшій дворникъ... потому что я здѣсь въ домѣ, во дворѣ живу, и какъ стали выселять...

Вѣра Михайловна перебила:—Что̀ вамъ нужно?

Проситель молчалъ съ растеряннымъ видомъ.

— Что̀ вамъ нужно? такимъ голосомъ закричала на него Нефедова, что Ивановъ затрясся и, раскрывъ ротъ, ничего произнести не могъ. Нефедова словно напередъ знала, что такъ будетъ.

— Вы пришли просить у меня денегъ, помня слова Писанія, которыя гласятъ: «просите и дастся вамъ», а даже просить не умѣете, потому что всѣ ваши несчастія не научили васъ христіанскому смиренію... «Просите и дастся вамъ», то есть умѣйте просить, сознавайте, что въ просьбѣ вашей должны жить чувства вѣры, надежды и любви, вѣры въ безграничность того милосердія, къ которому вы обращаетесь, надежды на милость Божію и любви къ тѣмъ, которые терпѣливо васъ выслушиваютъ. «Дастся вамъ», говоритъ Писаніе... а вы всѣ воображаете, что достаточно придти и сказать «дай»... Дастся вамъ по заслугамъ вашимъ, по вѣрѣ вашей. А развѣ вѣрующаго человѣка Господь допуститъ до такого положенія, въ которомъ вы находитесь! Вы не молили Его, не прибѣгали къ Нему... Ходите *ли вы* въ церковь?

Ивановъ вздрогнулъ и повелъ губами. Ему было, повидимому, очень тяжело.

— И въ церковь вы не ходите. Не ходите, я это вижу. Вы уготовили себѣ нищенство гораздо худшее, нежели то, которое васъ привело сюда. Нищимъ вы будете въ загробной жизни, будете навѣки голодны въ мукахъ ада. Деньги просить вы можете, а не просите вѣчной жизни въ селеніяхъ праведныхъ. Я должна была бы васъ изгнать отъ себя какъ недостойнаго грѣшника.

У Иванова были слезы на глазахъ. Онъ совсѣмъ притиснулся къ притолкѣ, съ явнымъ желаніемъ уйти.

Нефедова продолжала, понизивъ голосъ:—Но я беру на себя грѣхъ неумѣстнаго снисхожденія. За васъ, какъ и за другихъ, я буду обращать молитвы къ Господу. Можетъ быть, моя молитва васъ спасетъ, и грѣхи ваши найдутъ себѣ прощеніе. Пока вы будете пребывать въ невѣріи и думать только о кускѣ хлѣба, я стану заботиться о вашей душѣ, не ожидая отъ васъ благодарности, по священному долгу христіанскому.

Ивановъ пересталъ плакать. Видъ его показался Вѣрѣ Михайловнѣ до того безчувственнымъ, что она разсердилась.

— Вы не имѣете сердца, сказала она, — вы несчастный человѣкъ. Я вамъ даю рубль, хотя знаю, что вы его не заслуживаете.

Она протянула ему деньги.

Онъ взялъ ихъ. Лицо его дрогнуло.

— Ребеночекъ умираетъ, пробормоталъ онъ, скрививъ ротъ.

Нефедова холодно произнесла: — Когда онъ умретъ, я дамъ еще на панихиду. Ступайте.

Ивановъ вышелъ, а Вѣра Михайловна, услышавъ звонокъ, крикнула горничной:—Принимать только Пармена Владиміровича.

И подумала: «Сколько терпѣнія надо, чтобы имѣть дѣло съ попрошайками!»

Отмѣтивъ въ записной книжкѣ рубль, выданный просителю, Нефедова прошла въ кабинетъ, который поступилъ въ ея владѣніе послѣ смерти мужа. Здѣсь она проводила иногда часы надъ дѣловыми расчетами и обрѣтала пріятныя минуты въ наблюденіи за постояннымъ ростомъ своего богатства.

Вошелъ Парменъ Рыбовскій, оживленный, здоровый, довольный собою.

— Имѣю честь кланяться, Вѣра Михайловна. Изволите быть въ добромъ здоровьѣ?

— Здравствуйте. Я васъ сегодня ждала съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Но я не опоздалъ... вѣдь у васъ только сейчасъ окончился пріемъ бѣдныхъ.

Она возвела глаза къ потолку, вздохнула. — Да, много приходитъ ко мнѣ людского горя...

— И всѣхъ-то вы утѣшаете! заискивающе произнесъ Парменъ Владиміровичъ,—поневолѣ приходится вамъ заботиться о земномъ, чтобы было чѣмъ дѣлиться съ бѣдняками.

— Поневолѣ, согласилась Нефедова и, перешедши на дѣловой тонъ, спросила:—Нашли покупателя?

— Да.

— Сколько?

— Тридцать восемь тысячъ. Купчая его. Это Хапровъ, владѣлецъ сосѣдняго дома. Я такъ и предупреждалъ васъ, какъ только стало извѣстно, что домишко Сидоровой продается... Будь

тогда Хапровъ въ Петербургѣ, онъ сразу купилъ бы у Сидоровой, и у васъ не было бы четырнадцати тысячъ барыша... За двѣ недѣли, знаете, процентъ изрядный...

Вѣра Михайловна сухо оборвала:—Тѣмъ лучше для васъ. Я же вамъ плачу комиссію. Хорошо, устройте это дѣло. Поскорѣй. А теперь объясните, пожалуйста, что̀ за биржевого маклера вы мнѣ рекомендовали?

— А что̀? съ безпокойствомъ проговорилъ Рыбовскій,—развѣ вы имъ недовольны?

— Конечно, недовольна. Мои корытовскія онъ продалъ въ началѣ биржи, а подъ конецъ онѣ поднялись на пять рублей... Я такихъ промаховъ не допускаю. Пришлите другого.

— Непремѣнно, непремѣнно... завтра же...

Вошла горничная, подала письмо.

— Съ посыльнымъ, ваше превосходительство, доложила она,—спрашиваетъ, будетъ ли отвѣтъ.

Вѣра Михайловна поморщилась, узнавъ почеркъ Глафиры Николаевны.

— Иди. Я позову, если будетъ нужно, сказала она горничной и вскрыла конвертъ.

Увидѣвъ первыя слова, Нефедова нахмурилась еще больше, внимательно прочитала коротенькую записку и позвонила.

— Скажите посыльному, что отвѣта нѣтъ.

— Непріятное извѣстіе? участливо освѣдомился Рыбовскій.

— Погодите, сурово произнесла Вѣра Михайловна и, повернувшись къ образу, широко осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

— Княгиня Глафира Николаевна мнѣ пишетъ, что моя мать при смерти... А! Какъ вамъ это нравится?

На всякій случай, Парменъ Владиміровичъ придалъ своему лицу неопредѣленное выраженіе. Онъ не зналъ, чѣмъ собственно обязанъ возмутиться.

— Хотѣла бы я знать, какимъ образомъ я получаю такое извѣстіе черезъ третьихъ лицъ... Неужели мнѣ не могли написать изъ богадѣльни! Испытываютъ они мое терпѣніе. Пользуются тѣмъ, что я беззащитна.

Голосъ ея дрожалъ отъ гнѣва, а большіе черные глаза уставились тупо и сильно въ лицо Рыбовскаго.

Тотъ подумалъ, что слѣдуетъ высказать какое-нибудь мнѣніе. — Видите ли, за послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ здоровье Зинаиды Ивановны стало внушать опасенія, княгиня Глафира Николаевна посѣщала ее ежедневно и...

— Перестаньте мнѣ говорить о Глафирѣ! вскрикнула Нефедова, — я отлично понимаю, что она ѣздила къ моей матери только для того, чтобы лицемѣрить. Ѣздила и, навѣрно, всему свѣту разсказывала, какой она совершаетъ подвигъ... А помолилась ли она за нее? Помолилась ли? Молитвы, небось, никто не видитъ, кромѣ Бога.

Она въ волненіи прошлась по комнатѣ, отрывисто произнося короткія фразы: — Знаю, что всѣ рады меня осуждать... Мои деньги никому покоя не даютъ... Говорятъ: «богата, а мать въ богадѣльнѣ...» Мать сама такъ хотѣла... Иначе быть не могло. У насъ разные взгляды... Я отказалась отъ всѣхъ земныхъ связей... Я отказалась отъ родныхъ, потому что этого требуетъ моя совѣсть.

Рыбовскій смотрѣлъ на нее съ большимъ любопытствомъ.

— Но я прощаю! продолжала она, — я, какъ христіанка, обязана прощать... До сихъ поръ я молилась о томъ, чтобы мать перестала меня несправедливо осуждать... не виновата я въ томъ, что ея упорство оказалось сильнѣе моихъ молитвъ. Замѣтьте, даже передъ смертью она меня не призываетъ къ себѣ... Глафира извѣщаетъ, вотъ и все... Передъ смертью, понимаете, передъ смертью сохранить въ сердцѣ злость, когда съ минуты на минуту она должна представить отчетъ въ своей жизни!.. Но я прощаю... Я буду молиться объ упокоеніи ея души.

— А теперь не поѣдете? рискнулъ спросить Парменъ Владиміровичъ.

Нефедова злобно отчеканила:

— Ни за что.

Гнѣвъ не помѣшалъ ей сообразить, что необходимо чѣмъ-нибудь объяснить такое рѣшеніе.

— Я не поѣду, потому что мое появленіе тамъ нежелательно... И встрѣча съ Глафирой Николаевной меня разстроитъ... Наконецъ, я давно уже порвала земныя связи...

Вдругъ она примолкла, съ очень тяжелымъ чувствомъ въ груди... Совершенно невольно, она представила себѣ, что ея мать въ настоящую минуту умираетъ и говоритъ: «Передайте моей дочери, что я ее прощаю... скажите ей, что я никогда не переставала любить... мнѣ было очень больно, но я все-таки ее любила и только потому страдала, что не видѣла ея ласки... Бога я молю ее простить...» Эти слова прозвучали въ ушахъ Нефедовой такъ ясно, какъ будто дѣйствительно были произнесены около нея.

Она вздрогнула, словно испуганная и пере-

силенная, но тотчасъ же вновь овладѣла собою, пожала плечами.

— Если мать умретъ, я возьму на себя всѣ расходы по погребенію, сказала она Рыбовскому,—кстати, справьтесь, пожалуйста, во сколько это можетъ обойтись. Теперь завелись такія бюро, гдѣ можно огуломъ за все заплатить. Разумѣется, я не хочу платить лишняго. Деньги мои нужны живымъ, а не мертвымъ. Итакъ, наведите справку и сообщите мнѣ сегодня же... И не забудьте относительно биржевого маклера.

IV.

Послѣ разговора съ братомъ, Иванъ Сергѣевичъ увидѣлъ себя совсѣмъ потеряннымъ. Расчеты его не оправдались, и онъ не зналъ, что̀ съ собою дѣлать. Для него уже выяснилось, что за границей онъ ничего не достигнетъ. Примкнуть къ революціоннымъ кружкамъ ему не удавалось, потому что вездѣ его встрѣчали съ недовѣріемъ, а стачка въ Туринѣ причинила ему много непріятностей, не доставивъ никакой прибыли. Умѣютъ же другіе устраиваться! Здѣсь, дома, уже совсѣмъ другое настроеніе. Ничего не добьешься. А мѣсто получить невозможно. Вездѣ спросятъ: «гдѣ вы прежде служили?» Если отвѣтить: «нигдѣ», то и разговаривать не станутъ, а если сослаться на прежнюю службу въ обществѣ «Спасеніе», то наведена будетъ справка, которая захлопнетъ передъ нимъ всѣ двери. И подумаешь, что все могло бы принять другой видъ, будь Сонинъ ребенокъ налицо!

Эта мысль дѣйствовала на Хрустова угнетающе. Онъ не могъ себѣ простить ошибки. Въ те-

ченіе нѣсколькихъ дней, существованіе было для него мучительно.

Опомнившись немного, онъ написалъ княгинѣ Глафирѣ Николаевнѣ грубое письмо, въ которомъ требовалъ денегъ. Ничего не вышло. Глафира Николаевна написала въ отвѣтъ: «Письмо ваше оставляю пока у себя. Если же пикнете— передамъ его градоначальнику...» Итакъ, никакой надежды нѣтъ.

Какъ гіэна въ клѣткѣ, Иванъ Сергѣевичъ топтался въ меблированной комнатѣ, не зная, за что̀ приняться. Время уходило, уходили и деньги. Онъ перебралъ нѣсколько предположеній. Сперва остановился онъ на мысли занять много денегъ, у Рыбовскихъ, что ли, у Мерлона, у кого-нибудь еще... Занять и уѣхать. Но развѣ дадутъ? Очевидно, нѣтъ. Еще до его отъѣзда за границу Мерлонъ пересталъ его узнавать... Пригрозить ему разоблаченіями, такъ опять возникнетъ упоминаніе о градоначальникѣ... А Рыбовскіе даже въ былое время не давали въ долгъ... Нѣтъ, это не годится. Поселиться у отца? Конечно, это возможно. Но съ перваго же дня Алексъ начнетъ выселять... На хуторъ къ Алексу? Ну, а дальше... Не терять же всякую надежду на то, что хоть когда-нибудь надежда будетъ. Забраться на хуторъ онъ всегда успѣетъ. Это— про запасъ. А пока необходимо придумать фортель.

И Хрустовъ придумалъ. Ему пришла въ голову совсѣмъ простая мысль, которая очень ему понравилась.

«Отлично!» рѣшилъ онъ и, позвавъ горничную, поручилъ ей достать у хозяйки на нѣсколько минутъ «Весь Петербургъ». Получивъ толстый

томъ въ красномъ переплетѣ, Иванъ Сергѣевичъ порылся въ немъ, выписалъ нѣсколько адресовъ и отправился въ намѣченную экспедицію.

Бодро шагалъ онъ по улицѣ, съ удовольствіемъ ощущая въ себѣ возрожденіе наглости. Ему было пріятно сознавать, что у него есть цѣль. Мысль о рискѣ его не тревожила. Онъ зналъ, что во всякомъ случаѣ вывернется. Другимъ удавалось, тѣмъ болѣе должно все сложиться удачно у него, потому что сообразительности ему не занимать.

На одной изъ улицъ, пересѣкающихъ Надеждинскую, онъ подошелъ къ подъѣзду большого сѣраго дома, обратился къ швейцару:

— Профессоръ Свѣтляковъ дома?

— Дома... только они въ это время обыкновенно не принимаютъ.

Иванъ Сергѣевичъ пренебрежительнымъ тономъ произнесъ:

— Меня приметъ.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ, оставилъ пальто у швейцара и, справившись о нумерѣ квартиры, быстро пошелъ наверхъ.

У двери, къ которой прибита была металлическая дощечка съ надписью «Петръ Петровичъ Свѣтляковъ», онъ позвонилъ. Настроеніе его было самое хорошее.

— Можно видѣть Петра Петровича? спросилъ онъ лакея,—скажите: баронъ Траубе, по очень нужному дѣлу.

— По очень важному дѣлу, внушительнымъ голосомъ повторилъ онъ, видя, что лакей колеблется, и вошелъ въ переднюю.

Лакей пошелъ докладывать, вернулся.—Просятъ.

А по какой собственно части этотъ Свѣтляковъ профессорствуетъ? съ юмористическимъ отношеніемъ къ своему положенію задалъ себѣ вопросъ Хрустовъ.—Заговоришь объ энциклопедіи права, а вдругъ онъ окажется антропологомъ...

Онъ развязно вошелъ въ кабинетъ и сразу одобрилъ свой выборъ: обстановка указывала на хорошія средства. А вотъ каковъ-то окажется самъ?

За письменнымъ столомъ, заваленнымъ необъятнымъ ворохомъ бумагъ, сидѣлъ старикъ лѣтъ семидесяти, совершенно лысый, съ длинною желтѣющею бородой. При входѣ Хрустова, онъ всталъ, всматриваясь въ него черезъ толстыя очки.

— Баронъ Траубе? привѣтливо улыбаясь, спросилъ онъ,—что̀ прикажете? Будьте добры садиться.

Съ неторопливыми пріемами человѣка, привыкшаго принимать незнакомыхъ лицъ, онъ указалъ Ивану Сергѣевичу на стулъ и сѣлъ самъ только тогда, когда посѣтитель занялъ мѣсто.

— Что̀ прикажете? Чѣмъ могу служить? Вы изволили ко мнѣ пожаловать по важному дѣлу...

У него былъ очень пріятный, ласковый голосъ, и во взглядѣ его замѣчалась застѣнчивость. Видно было, что онъ очень добрый человѣкъ.

«Все благополучно»,—подумалъ Хрустовъ и отвѣтилъ:—Да, профессоръ, я къ вамъ по дѣлу, которое считаю для себя важнымъ. Надо вамъ сказать, что я издавна интересуюсь вопросами науки въ самыхъ разнообразныхъ ея отрасляхъ. Къ сожалѣнію, я не могъ, въ силу ряда обстоятельствъ, посвятить себя научной карьерѣ, о чемъ я въ настоящее время глубоко сожалѣю.

— Жаль, очень жаль, сочувственно произнесъ Свѣтляковъ.

— Конечно, я никогда не переставалъ работать надъ своимъ самообразованіемъ,—продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ,—много читалъ, много путешествовалъ. Особенно плодотворнымъ считаю я свое недавнее пребываніе въ Парижѣ, гдѣ я проводилъ цѣлые дни въ Національной библіотекѣ. Тамъ, между прочимъ, я познакомился съ извѣстнымъ издателемъ Дорбекомъ, имя котораго вамъ, разумѣется, знакомо.

Профессоръ никогда не слышалъ этой фамиліи. Однако, изъ вѣжливости, онъ утвердительно кивнулъ.

— Такъ вотъ этотъ Дорбекъ, послѣ того, какъ мы съ нимъ отлично сошлись,—сообщилъ мнѣ объ одномъ своемъ грандіозномъ планѣ. Онъ приступаетъ къ изданію собранія біографій всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ всего міра за девятнадцатый вѣкъ. Предполагается роскошное изданіе, съ портретами, факсимиле, на лучшей бумагѣ. Оно сразу выйдетъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ и, въ цѣляхъ возможно болѣе широкаго распространенія, будетъ продаваться по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Такъ вотъ, Дорбекъ поручилъ мнѣ доставить ему біографіи русскихъ ученыхъ. Само собою разумѣется, что это обстоятельство должно было привести меня къ вамъ, и вотъ я явился просить васъ снабдить меня вашей фотографическою карточкой, автографомъ и возможно полными біографическими данными.

Сконфузился Свѣтляковъ.

— Помилуйте, какой же я знаменитый ученый.

— Позвольте мнѣ это знать и мнѣ объ этомъ

судить! внушительно произнесъ Иванъ Сергѣевичъ,—я не могу допустить, чтобы ваша скромность лишила нашъ сборникъ одной изъ самыхъ блестящихъ его страницъ.

Профессоръ покраснѣлъ. У него была такая славная простодушная улыбка, что Хрустовъ подумалъ: «На заказъ лучшаго не обрѣтешь».

— Видите ли, съ большимъ смущеніемъ сказалъ Свѣтляковъ, — относительно автобіографіи я, право, не знаю, какъ быть... Ко мнѣ уже нѣсколько разъ обращались, и я всегда старался какъ-нибудь уклониться... вѣдь это такъ трудно, когда смотришь на свою собственную жизнь, различать существенное отъ несущественнаго... Ну, о чемъ я могу говорить съ увѣренностью, что читателямъ это будетъ интересно? И какъ-то неловко... похоже на хвастовство, на рекламу... Съ другой стороны, вы такъ любезны, что мнѣ не хотѣлось бы вамъ отказать... Не удовольствуетесь ли вы тою статьей, которая была напечатана въ «Вѣстникѣ Біологіи» по поводу моего сорокалѣтняго юбилея? Это было недавно... Статью написалъ мой товарищъ безъ моего вѣдома... Она, можетъ быть, слишкомъ доброжелательна, но всѣ факты и даты вѣрны, а также довольно точно перечислены всѣ мои сочиненія.

— Чего лучше! пробасилъ Иванъ Сергѣевичъ, — пожалуйте мнѣ эту статью, а я ее положу въ основаніе своего изложенія.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ ее дамъ.

Профессоръ сталъ рыться въ ворохѣ бумагъ, отягощавшемъ его письменный столъ, заглянулъ въ ящики, осмотрѣлъ нѣсколько книжныхъ полокъ, волнуясь, торопясь и приговаривая:

— Простите, пожалуйста... Мнѣ очень совѣстно,

что я васъ задерживаю... А! Вотъ она... Возьмите. Видите, тутъ и портретъ приложенъ и факсимиле моей подписи... Вы получаете все сразу.

Онъ засмѣялся, дѣтски довольный тѣмъ, что могъ исполнить желаніе любезнаго посѣтителя.

— Вотъ и отлично! одобрилъ Хрустовъ,— всѣ матеріалы у меня въ рукахъ. Они завтра же будутъ розданы въ нѣсколькихъ спискахъ переводчикамъ.

— А знаете ли, признаться, я очень доволенъ, простодушно заявилъ Свѣтляковъ, — не за себя, конечно, а во имя русской науки... пусть иностранцы знакомятся, пусть!

Иванъ Сергѣевичъ сказалъ:

— Совершенно вѣрно. Мнѣ теперь остается получить отъ васъ пятьдесятъ рублей.

Удивился профессоръ, оторопѣлъ.

— Пятьдесятъ рублей, проговорилъ онъ и сталъ краснѣть.

— Ну, да! А то какъ же! засмѣялся Хрустовъ,— вы же не можете не понимать, что роскошное изданіе можетъ быть выпущено за дешевую цѣну только въ томъ случаѣ, если заинтересованныя въ его успѣхѣ лица примутъ участіе въ расходахъ. Дорбекъ не милліонеръ, да и я самъ, несмотря на свой титулъ, живу исключительно своимъ трудомъ. Ваша біографія мнѣ необходима, и я не думаю, чтобы вы, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, вынудили меня дать эти пятьдесятъ рублей изъ моего кармана. Я такъ же, какъ и вы, нахожу, что иностранцевъ слѣдуетъ знакомить съ завоеваніями нашей науки. Не имѣя средствъ, я этому дѣлу посвящаю свои *силы*.

Пока Иванъ Сергѣевичъ говорилъ, на лицѣ Свѣтлякова все опредѣленнѣй и явственнѣй обрисовывалась печаль. Взглядъ его сталъ грустный, безъ недавнихъ искорокъ.

— Верните мнѣ статью, тихо произнесъ онъ,— а деньги получите... вамъ онѣ, должно быть, очень нужны.

Онъ досталъ изъ письменнаго стола двѣ двадцатипятирублевыя бумажки, протянулъ ихъ Хрустову.

Тотъ взялъ ихъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Кому не нужны деньги, многоуважаемый профессоръ, по нынѣшнимъ временамъ не скоро ихъ заработаешь.

Онъ чувствовалъ потребность завершить разговоръ понахальнѣе.

— Довольно, довольно, брезгливо пробормоталъ Свѣтляковъ,—я очень занятъ... Прошу извинить.

Скорбнымъ взглядомъ проводилъ онъ Ивана Сергѣевича. Старикъ былъ огорченъ, словно ему нанесли незаслуженное оскорбленіе.

«Итакъ, система превосходна!» самодовольно думалъ Хрустовъ, спускаясь съ лѣстницы. «А теперь куда?»

Надѣвъ пальто, онъ заглянулъ въ составленный списокъ... Композиторъ Дашкевичъ, скульпторъ Пеленкинъ... Къ нимъ вполнѣ примѣнима система, давшая превосходный результатъ у Свѣтлякова... Князь Чавровъ, милліонеръ... для него нужно придумать что-нибудь новое.

Вообще жить можно, надо только умѣючи браться за дѣло.

V.

Noel! Noel!
Remontez au ciel,
Beaux anges, à l'instant même...
Dans le ciel bleu
Demandez à Dieu
Qu'il aime celui que j'aime!

Тихимъ и красивымъ голосомъ пропѣла эти слова Ксенія, и взглядъ ея затуманился, преломился въ слезахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ее перевезли въ лечебницу доктора Морнига, ей часто вспоминалась эта пѣсенка, а то, пожалуй, и не вспоминалась, а сама какъ-то складывалась, безъ участія сознанія. Помнить, вспоминать Ксенія больше не могла. Послѣ буйнаго припадка, случившагося съ нею въ день смерти Сони, прошлаго у нея какъ будто не стало. И она вступила въ періодъ тихаго неизлечимаго помѣшательства. Иногда она ничего не чувствовала, застывала на нѣсколько дней, съ неподвижными глазами и мертвымъ лицомъ. А потомъ наступали дни, когда она видѣла и замѣчала все окружающее, которое тогда казалось ей ежеминутно новымъ, потому что каждая минута, умирая, уносила съ собой и свои впечатлѣнія.

Только пѣсенка переходила изъ минуты въ минуту. И Ксеніи казалось, что поетъ не она, а кто-то другой, несчастный и добрый. У нея въ часы успокоенія постоянно было такое чувство, словно рядомъ съ нею живетъ другое существо и это существо она, живущая какъ-то *рядомъ* съ ея тѣломъ. Ничего страннаго она въ *томъ не* находила, да и не могла находить, по-

тому что внѣшнія впечатлѣнія вызывали въ ней только чувство, а не мысль. Для нея не было потребности въ томъ, чтобы объяснить себѣ происходящее вокругъ нея. Она даже не ощущала разницы между собою и окружающимъ, какъ будто для нея стерлась грань, отдѣляющая ее ото всего остального въ мірѣ. То, что̀ рядомъ съ нею существуетъ другая она, принималось ею какъ непреложная правда. Себя, другую, она не видѣла, но опредѣленно ощущала. Она знала, что есть другая Ксенія, совершенно такая же, какъ она сама, вмѣстѣ съ ней прислушивающаяся къ пѣнію, одновременно съ нею смотрящая, слушающая и тоскующая. Тоску свою она видѣла. Это были сѣрыя волны, плавно передвигавшіяся въ пространствѣ, то подступающія близко, то отходящія немного. Въ этихъ волнахъ для нея терялось ощущеніе времени и быстро замирали впечатлѣнія. Каждое впечатлѣніе умирало раньше, нежели успѣвало коснуться слѣдующаго. Такъ бывало въ добрые тихіе дни, которые смѣнялись днями тишины зловѣщей, полнымъ омертвѣніемъ впечатлительности, періодами окончательной душевной неподвижности, когда Ксенія замирала въ тискахъ необъятной и злой душевной муки. Наступали часы такого страданія, которое душило со всѣхъ сторонъ, снаружи, изнутри. Это было одно сплошное чувство терзанія, насѣдающее кошмаромъ, парализующее тѣло. Ксенія даже пальцемъ шевельнуть не могла, точно убитая болью. Когда этотъ ужасъ находилъ, онъ сразу становился какъ бы вѣчнымъ. Не помнилось, когда было его начало, не ожидалось его конца. Другая Ксенія исчезала. И ничего въ мірѣ не было, кромѣ той Ксеніи, въ

комъ сосредоточивался цѣлый міръ злобной темноты. Душу охватывалъ такой летаргическій сонъ, который весь состоялъ изъ бреда.

— Конецъ? тревожно спрашивала княгиня Глафира Николаевна, когда ей случалось заставать княжну въ такомъ состояніи.

И каждый разъ Морингъ отвѣчалъ:

— Несчастная проживетъ еще долго.

Длилось такое положеніе день, два, три, проходило вдругъ. На смѣну приносилось полубытіе съ проблесками сознательной тоски. Снова возникала вторая Ксенія, невидимая, сидящая рядомъ съ первою и охваченная тѣми же сѣрыми волнами грусти.

Все гуще и гуще становится сѣрая окраска волнъ, все сильнѣе и тревожнѣе ихъ прибой, подчасъ заглушающій звуки пѣсенки:

Noel! Noel!
Remontez au ciel
Beaux anges, à l'instant même.
Dans le ciel bleu
Demandez à Dieu
Qu'il aime celui que j'aime...

VI.

Мерлонъ написалъ очень трогательный фельетонъ о судьбѣ падшихъ женщинъ. Въ немъ онъ удачно воспользовался цѣлымъ рядомъ общихъ мѣстъ и съ немалымъ мастерствомъ прикрылъ нѣсколько позаимствованій изъ чужихъ статей. Этотъ фельетонъ глубоко подѣйствовалъ на Екатерину Сергѣевну Хрустову. Все то, что напоминало ей о ея недавнемъ положеніи, въ послѣднее время неизбѣжно вызывало въ ней мучи-

тельное настроеніе. Вотъ уже почти годъ какъ она перемѣнилась и какъ будто сама съ собой не можетъ ужиться. Въ сущности, перемѣна началась раньше, еще въ тотъ день, когда отравилась Соня, потому что тогда впервые содрогнулась душа, внезапно населенная неожиданнымъ ужасомъ. Но Екатерина Сергѣевна только испугалась тогда, а не опомнилась. Въ теченіе долгаго времени она вспоминала этотъ ужасъ, но не ощущала его. Въ ея душѣ происходила подготовительная работа, которой она не замѣчала, такъ какъ воспріятіе было у нея немного грубое. Поэтому, когда подготовительная работа завершилась и когда Катя увидѣла въ себѣ отвращеніе къ своему образу жизни, всѣ зародившіяся въ ней чувства ей показались внезапными.

И вотъ уже мѣсяцъ, какъ она ушла отъ той жизни, въ которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ пошла за весельемъ. Она въ одинъ день рѣшилась на это, въ нѣсколько часовъ порвала всѣ свои знакомства, ставшія для нея отвратительными, переселилась на другую квартиру. Отъ прошлаго у нея остались деньги. Она живетъ на нихъ, не рѣшается ихъ швырнуть отъ себя. Смутно понимаетъ она, что слѣдовало бы работать, либо вернуться къ отцу. Но ни на какую работу она неспособна, а къ отцу вернуться мѣшаетъ ей злость, грубая, неуклюжая, безграничная. Стыдъ, раскаяніе, скука, все переработалось у нея въ озлобленіе, въ желаніе никого не видѣть изъ тѣхъ, кто сумѣлъ бы разгадать ея раскаяніе и ея стыдъ. И угнетало ее сознаніе того, что она осталась среди живущихъ одна, съ пустою душой. А дальше что? Все ничего, пустота, неопредѣленная жуткость. Въ тридцать

четыре года никто не пожалѣетъ. Да, пожалѣетъ отецъ, но пожалѣетъ не зная, на вѣру... А ей хотѣлось бы, чтобы къ ней шла со всѣхъ сторонъ заслуженная жалость, чтобы всѣ искренно ее полюбили. Ей казалось, что она достойна прощенія и любви. А такъ какъ ни того, ни другого она не замѣчала, то досада въ ней неустанно поддерживала озлобленіе.

Прочитала она статью Мерлона, половины не поняла, потому что ея мысль не привыкла слѣдить за развитіемъ логическихъ выводовъ, изложенныхъ затѣйливымъ языкомъ. Но то, что было уловимо для ея ума, произвело на нее большое впечатлѣніе. Мерлонъ ясно говорилъ, что падшихъ женщинъ надо жалѣть и что ихъ слѣдуетъ спасать. Онъ объяснялъ, что это не трудно: стоитъ лишь обществу улучшиться. Вообще цѣлая вереница трюизмовъ была связана рядомъ старыхъ мыслей, выраженныхъ новыми словами. Степанъ Николаевичъ не отступалъ и передъ выраженіями декадентскаго характера, лишь бы показаться оригинальнымъ.

Эта статья разстроила Катю, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставила ей удовольствіе. Она увидѣла, что есть гдѣ-то жалость, та самая, какая ей нужна. Ей стало лучше, злость улеглась немного. Она принялась уже думать о томъ, что до сихъ поръ у нея были ошибочныя чувства, какъ вдругъ ея смутило неожиданное появленіе ея брата Ивана.

— Вотъ кого не чаяла! воскликнула она, когда онъ размашистою походкой ввалился въ комнату.—Сколько лѣтъ прошло!

Радости въ ней не было, никакой. Нельзя же радоваться, когда видишь такого человѣка. Но не было и тяжелаго чувства, потому что Иванъ

Сергѣевичъ не могъ для нея относиться къ числу тѣхъ, передъ которыми дѣлается совѣстно дурныхъ поступковъ.

Совершенно оправившись, она спросила:

— Какъ ты сюда попалъ и зачѣмъ?

Хрустовъ съ хохотомъ объяснилъ:

— Былъ въ сосѣдней квартирѣ, а меня оттуда вытолкали, потому что я болѣе нажалъ педаль, нежели просителю подобаетъ... И вдругъ вижу твое имя на двери. Дай, думаю, загляну, но не съ корыстною цѣлію... Вѣдь ты на удочку біографіи не поддашься, а даже наоборотъ.

Онъ хотѣлъ притвориться самоувѣреннымъ и развязнымъ, но надлежащій тонъ у него не получался. Очевидно, онъ только что подвергся непріятности, и крупной.

Катя смотрѣла на него недружелюбно.

— Я совсѣмъ не хотѣла тебя видѣть.

— Я тоже. Да такъ вышло. О! Знаю! Знаю! Ты теперь направляешь стопы въ сторону добродѣтели... Смотри, перещеголяешь Нефедову... Однако, здравствуй... А? Сколько лѣтъ? Ничего себѣ, мало измѣнилась. Отъ хорошей жизни, должно быть. А? А я? Все еще живемъ. Двухъ недѣль нѣтъ, какъ я вернулся, а уже въ смыслѣ доходовъ себя обезпечилъ. Живешь ты недурно. Да, конечно, и о добродѣтели можно было вспомнить...

Его отрывистая рѣчь звучала нервно и лживо.

— Уйди, попросила Катя. — Ну, зачѣмъ ты пришелъ? Самъ знаешь, всякому безъ тебя легче.

Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ.

— Уйду, не бойся. Предпочитаю не торопиться. Вчера былъ у отца, онъ тоже отнесся ко мнѣ странно. Едва душа въ немъ держится, а тутъ же морщится. Все Алексъ. Его фокусы.

— Развѣ отецъ плохъ? вырвалось у Кати.

— Не важенъ. Ослабѣлъ и зачахъ. А тебѣ что за дѣло? Ты его знать не хочешь и отлично дѣлаешь...

Отъ этихъ словъ сердце ея шелохнулось. Въ пересказѣ брата ея отношеніе къ отцу внезапно представилось ей непростительно дурнымъ.

— Мнѣ его жаль, сказала она съ такимъ чувствомъ, котораго у нея давно не было.

— Ха! Воображаю, какъ онъ тебя жалѣетъ. Хорошо, если только про себя называетъ потаскухой.

Катя закричала.

— Врешь! Меня никто такъ не смѣетъ называть...

— Ой ли? А по-моему, всѣ могутъ. Подумаешь, станутъ стѣсняться... Что̀ было, то не сплыло, а приплыло и плотно пристало.

Задрожала Катя и вдругъ почувствовала, что злость, ее охватывающая, уже не мучительна, а пріятна... Пріятна оттого, что это не безпричинный и огульный гнѣвъ, а такая злоба, которая знаетъ свою цѣль.

— Не тебѣ осуждать, горячо произнесла она.— Ты хуже меня, ты хуже всѣхъ тѣхъ въ родѣ меня, какихъ я только встрѣчала... Мы оба себя продавали, только я продавала себя тѣмъ, кто хотѣлъ радости, а ты продавалъ съ собою чужое счастье и чужую жизнь. Я никого не погубила, кромѣ себя, а ты столькихъ затянулъ въ трясину! Другіе тамъ задохлись, а тебѣ въ грязи жить хорошо. Плоха я, очень плоха, а тебѣ до меня далеко...

— Это все на чьи деньги куплено? съ кривою *усмѣшкой* проговорилъ Хрустовъ, указывая на

мебель, на картины,—всѣхъ, пожалуй, и не перечтешь... Я вчера отцу сказалъ, что ты капиталецъ, навѣрно, отложила и чтобы онъ не разсчитывалъ тебя видѣть... Вотъ, съ голодухи пришла бы...

Катя замерла въ ожиданіи дальнѣйшихъ словъ. Онъ сказалъ такъ отцу? Что̀ же отецъ отвѣтилъ? Что̀?

Спросить она не смѣла, зная, что отвѣтъ будетъ ложью.

— Такъ и сказалъ? едва слышно произнесла она,—что жъ... отлично... это правда...

— Такъ и сказалъ. Чего мнѣ стѣсняться? Въ его возрастѣ слезы въ родѣ дѣтскихъ.

«Онъ заплакалъ!» мысленно крикнула она.

Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ:

— Нѣтъ, милая, теперь «ау», не уйдешь отъ того, что сама натворила... Точно я не вижу, о чемъ ты думаешь... Это у кого изъ насъ трясина глубже—надо еще помѣрить.

— Не уйдешь! безсознательно повторила Катя, и вдругъ все существо ея возмутилось. Всю ту черноту своей жизни, которая ее угнетала, она видѣла теперь усугубленною тѣмъ, что къ этой чернотѣ прибавилась чернота Ивана... Ко всему прибавился Иванъ... Онъ приблизился, сталъ съ нею на одну сторону... и вотъ теперь-то захотѣлось уйти, скорѣй, оставить Ивана и свое прошлое позади себя. Отчего нельзя уйти? Кто можетъ все оставить, тотъ всегда можетъ уйти... Она выйдетъ отсюда одна, ни одной частицы послѣднихъ лѣтъ съ собою не возьметъ.

— Прощай! сказала она брату, поблѣднѣвъ, съ широко раскрытыми глазами.

Онъ усмѣхнулся.

— Да я еще посижу. Погоди прощаться.

Засмѣялась она, неожиданно торжествующая, какъ будто радость наступила для нея, едва она приняла рѣшеніе, которое словно давно ждало и шептало: «такъ нужно поступить»!..

— Я ѣду къ отцу, навсегда, теперь... Оставайся здѣсь... Тебѣ тамъ и мѣсто, гдѣ я столько сквернаго оставляю.

Лихорадочно-торопливая, она позвала горничную:

— Шляпу мнѣ! Скорѣй, я уѣзжаю... Маша, если этотъ господинъ захочетъ что-нибудь унести, не мѣшайте ему... Я ему все дарю... Покажите ему, гдѣ лежитъ серебро... И себѣ можете взять, что̀ хотите...

Хрустовъ пожалъ плечами.

— Все это можно было бы сказать умнѣй. Ты еще повтори для вѣрности.

Но Катя не слышала.

Ея уже не было въ комнатѣ. Поспѣшно застегивая кофточку, она вышла на лѣстницу съ такимъ чувствомъ, словно за нею бѣгутъ.

VII.

«Пожалуйста, Алексъ, приди ко мнѣ сегодня. У меня большая радость: вчера вернулась Катя. Сегодня утромъ посылалъ къ тебѣ на квартиру, но посланный тебя не засталъ. Постарайся пріѣхать пораньше».

Эти строки, написанныя дряблымъ почеркомъ отца, Александръ Сергѣевичъ нашелъ у себя въ служебномъ кабинетѣ, въ министерствѣ. Съ утра ѣздилъ онъ по городу по дѣламъ, рано выѣхалъ

изъ дому и попалъ на службу только въ третьемъ часу.

— Катя вернулась къ отцу, проговорилъ онъ вслухъ,—что жъ... очень хорошо.

Онъ рѣшилъ, что это радостное событіе, но что радоваться онъ будетъ послѣ, когда справится въ ворохомъ бумагъ, ожидающихъ его просмотра. Въ теченіе послѣднихъ дней работы было у него столько, что имъ овладѣло нервное настроеніе, вызванное боязнью не успѣть и задержать движеніе дѣлъ. Сѣлъ онъ за письменный столъ, принялся читать бумаги, торопливо излагать поправки и отмѣтки на поляхъ.

Вошелъ экзекуторъ, старикъ Андрей Андреевичъ.

— А? Что? спросилъ Александръ Сергѣевичъ,— еще бумаги? Положите, дорогой другъ, на столъ. Некогда теперь... Да, скажите, всеподданнѣйшій докладъ по прибалтійскому дѣлу вернулся изъ Ливадіи?

Андрей Андреевичъ подалъ ему листокъ.

— Не докладъ, а вотъ что пришло изъ Ливадіи... Бюллетень отъ сегодняшняго утра... должно быть, послѣдній.

Голосъ его дрожалъ.

Схвативъ бюллетень, Хрустовъ прочиталъ, съ быстро возрастающимъ волненіемъ: «Ночь Государь Императоръ провелъ безъ сна. Дыханіе сильно затруднено. Дѣятельность сердца быстро слабѣетъ. Положеніе крайне опасно»... Подписи: Лейденъ, Захарьинъ, Гиршъ, Поповъ и Вельяминовъ.

Блѣдный, Александръ Сергѣевичъ спросилъ:

— Что же? Конецъ?

Экзекуторъ развелъ руками. Подъ очками у

него блеснули слезы. Ничего не отвѣтилъ онъ, а поскорѣй отвернулся и вышелъ.

Конецъ? Разумѣется, конецъ... «положеніе крайне опасно... дѣятельность сердца быстро слабѣетъ»...

Алексъ всталъ, съ громадною тоской подошелъ къ окну. Смотрѣть было не на что. Окно упиралось въ желтую стѣну одного изъ флигелей министерства, а между тѣмъ онъ долго простоялъ, опираясь на подоконникъ, съ неподвижнымъ взглядомъ. Съ минуты на минуту надо ждать извѣстія, которое разольется горемъ по всей Руси... Можетъ быть, уже совершилось... пока еще телеграмма дойдетъ и будетъ распубликована! Тамъ, далеко, на почти оторванномъ отъ Россіи кускѣ, слабѣетъ пульсъ, который въ теченіе тринадцати лѣтъ мощно отмѣчалъ біеніе сердца великой родины... Безвременно завершается жизнь того, кто, воспріявъ власть въ смутные дни, озарилъ свой путь сіяніемъ державнаго величія, вдохновенно вѣрующій во все для русскаго духа родоначальное.

«Пойти? Узнать?» подумалъ Александръ Сергѣевичъ, но тутъ же рѣшилъ, что лучше не выходить изъ кабинета. Сослуживцы знаютъ только то, что ему извѣстно... А говорить объ этомъ тяжело.

Взволнованный, онъ вернулся къ письменному столу, но не могъ работать. Внезапная мысль заставила его позвонить.

— Попроси Андрея Андреевича телефонировать въ «Правительственный Вѣстникъ», приказалъ онъ сторожу,— онъ знаетъ о чемъ, онъ пойметъ... и пусть пришлетъ мнѣ записку.

Хрустовъ надѣялся, что получено извѣстіе,

успокаивающее тревогу. Онъ торопливо, нервно повернулъ двѣ кнопки, залилъ кабинетъ электрическимъ свѣтомъ, и тотчасъ же стало ему еще хуже: получилось такое впечатлѣніе, словно наступила ночь. О! Какъ невыносима неизвѣстность, когда она состоитъ вся изъ страха.

Сторожъ вернулся, подалъ ему записку. Андрей Андреевичъ писалъ: «Получена телеграмма министра императорскаго двора о томъ, что въ 10 утра Государь Императоръ въ полномъ сознаніи сподобился пріобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ».

Знакомъ Хрустовъ приказалъ сторожу выйти.

Больше нѣтъ надежды. Конецъ! Въ десять часовъ... А теперь четыре. Господи, одной Твоею волею живетъ Русь!

Дверь растворилась, вошелъ курьеръ Семеновъ, бравый расторопный старикъ, увѣшанный медалями.

— Въ чемъ дѣло?

Семеновъ доложилъ:

— Господинъ Рыбовскій.

— Господинъ Рыбовскій, безсознательно повторилъ Александръ Сергѣевичъ, — постой! Постой! Вѣдь ты сегодня долженъ былъ отвезти министру бумаги въ Государственный Совѣтъ и привезти ихъ обратно... Развѣ засѣданіе департамента экономіи уже кончилось?

— Такъ точно-съ... Потому перерывъ сдѣлали... Отъ камеръ-лакея знаю. И нашъ министръ изволили проѣхать къ министру внутреннихъ дѣлъ... Говорятъ, батюшки нашего не стало.

И сквозь молодцоватость курьера почувствовалась такая печаль, что у Алекса сдавило горло.

— Ступай, ступай, поспѣшно приказалъ Александръ Сергѣевичъ,—да, Рыбовскій пусть войдетъ.

Семеновъ вышелъ.

— Ну, да, все кончено, прошепталъ Хрустовъ и, увидѣвъ предъ собой Илліодора Өедоровича, вздрогнулъ.

— Я и не слышалъ, какъ вы вошли...

Рыбовскій былъ замѣтно взволнованъ.

— Простите, что я отрываю васъ отъ дѣла въ служебное время, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ,—и простите также, что я не былъ у васъ въ условленный день... Я пришелъ сегодня, потому, что дольше такъ оставаться не могу.

— Знаю, знаю! съ гнѣвомъ и отвращеніемъ сказалъ Алексъ, — вы убили князя Владиміра Андреевича и хотите мнѣ въ этомъ признаться... Какое мнѣ теперь дѣло до того, что вообще князь Могиловъ-Стольный былъ кѣмъ-нибудь убитъ, когда Государь умираетъ, можетъ быть уже скончался!.. Чего вы отъ меня хотите? Зачѣмъ вы идете со своимъ возмутительнымъ грѣхомъ ко мнѣ? Доносить на васъ я не намѣренъ, а словъ оправданія я для васъ въ себѣ не найду...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, съ Илліодоромъ Өедоровичемъ происходила перемѣна: выраженіе лица стало спокойнѣе, взглядъ сдѣлался болѣе увѣреннымъ.

— Я очень радъ, тихо произнесъ онъ, — что вы меня избавляете отъ необходимости признаваться. Я пришелъ къ вамъ съ этимъ, потому что вы порядочный человѣкъ. Вы мнѣ скажете, какъ я долженъ поступить: искать кары отъ другихъ или самъ себя наказать.

Александръ Сергѣевичъ махнулъ рукой.

— Вы столько лѣтъ молчали и не умерли... Ясно, что вы сами себя не накажете. Попросите другихъ.

— Что жъ, это исходъ, спокойно сказалъ Рыбовскій, — прощайте.

— Подождите, удержалъ его Алексъ, — объясните, какъ это случилось...

— Мнѣ кажется, съ этого надо было начать... Я вамъ все разскажу, но, во всякомъ случаѣ, оставляю вашъ преждевременный приговоръ въ силѣ. Я самъ себя не наказалъ и все еще живу послѣ столькихъ лѣтъ молчанія! Такъ вы сказали? О! хорошо! хорошо! Вы будете удовлетворены.

Голосъ его звучалъ глухо, глаза смотрѣли злобно.

— Я слушаю, нетерпѣливо произнесъ Алексъ, — садитесь. Можете не бояться, здѣсь никто не услышитъ...

Рыбовскій усмѣхнулся.

— Развѣ не все равно, коль скоро я рѣшилъ сказать всѣмъ. Такъ слушайте... Вы помните, что въ день убійства я долженъ былъ уѣхать за границу... Поѣздъ отходилъ вечеромъ, въ тридцать пять минутъ одиннадцатаго... Можно было поѣхать съ другимъ, но я избралъ этотъ, потому что онъ былъ дешевле... Ѣхать медленно мнѣ было не страшно, лишь бы уѣхать изъ Петербурга, отойти отъ того угара, который стоялъ въ воздухѣ... Ну, слушайте же... въ восемь часовъ вечера я отправилъ вещи съ человѣкомъ на вокзалъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ... Слушайте. О чемъ вы думаете?.. Должно быть, въ половинѣ девятаго прошелъ я по Малой Морской и, подходя къ Исаакіевской площади, внезапно заторопился, какъ иногда бываетъ передъ отъѣздомъ... Показалось мнѣ, что на вокзалѣ будетъ легче, чѣмъ на улицѣ, потому что вокзалъ уже не го-

родъ... И прогулка не успокаивала мнѣ нервовъ. Я сталъ нанимать извозчика и въ это время почувствовалъ, что меня ударяютъ сзади по плечу. Оглянулся: князь Владиміръ Андреевичъ. «Прошу васъ зайти ко мнѣ, я долженъ съ вами переговорить», сказалъ онъ... Встрѣча съ нимъ мнѣ понравилась... Понимаете, я именно такъ долженъ выразиться: понравилась, а не обрадовала... Почему, не знаю. Я ему объяснилъ, что тороплюсь на поѣздъ, но онъ настоялъ, и я пошелъ за нимъ. Я всегда видѣлъ отъ него только хорошее... я долженъ былъ исполнить его желаніе... Наконецъ, такъ повелѣвала судьба. Ей нужна была смерть князя, а то бы зачѣмъ *она* ухватилась за меня? Не я, такъ другой, но я подвернулся. О! Не воображайте, что я хочу оправдаться. Я только разсуждаю... Итакъ, я вошелъ вмѣстѣ съ нимъ... Я прошелъ мимо швейцара, съ поднятымъ воротникомъ... Самъ я этого не помнилъ бы, но въ газетахъ такъ было сказано... Какъ странно потомъ было читать въ газетахъ! Совсѣмъ такое чувство, такъ будто видишь трупъ... То, что произошло, было живо, понимаете, а все написанное мертво... Сравниваешь, и жутко дѣлается... Ну вотъ, вошли мы въ квартиру... Князь самъ захлопнулъ за мною дверь... Ага! Вы теперь слушаете... Я нацѣпилъ пальто на вѣшалку и пошелъ за княземъ въ кабинетъ... Прямо говорю, чувствовалъ я себя нехорошо... Я видѣлъ, что старикъ недоволенъ чѣмъ-то, и это меня сердило... Вы знаете, какой я прежде былъ бѣшеный. Вспылю и вдругъ ничего не вижу, туманъ передъ глазами, а въ рукахъ сила удваивается... Въ прошлый разъ вы потому все *угадали*, что посмотрѣли на мои пальцы... Я такъ

понялъ... Ну, начинается разговоръ... Старикъ спрашиваетъ меня, извѣстно ли мнѣ о связи его племянника съ женой Пармена... Я-то при чемъ! А? я-то! Злоба меня взяла. Я отвѣтилъ, что до этихъ гадостей мнѣ нѣтъ дѣла... А онъ все допрашиваетъ и смотритъ на меня такъ, словно я лгу... Все труднѣй и труднѣй мнѣ было... Тутъ я впервые узналъ отъ него, что Парменъ тянетъ деньги съ Николая... И вдругъ, понимаете, слова: «А на чей счетъ вы ѣдете за границу»... Ни терпѣнія, ни сознанія, ни жизни моей больше не стало... Я закричалъ: «врешь, негодяй», а онъ показалъ мнѣ на дверь... Руки у меня сами такъ и бросились впередъ, схватили его шею. Я въ ту минуту не могъ не убить, и я убивалъ, именно не убилъ, а какъ-то убивалъ, различая каждую секунду, каждую частицу своего преступленія... И потомъ, вдругъ, когда я его отпустилъ и онъ упалъ, одной секунды было достаточно, чтобы я понялъ весь ужасъ. Я рванулся вонъ... Узналъ я, что дверью зашибъ Андрюшу... Потомъ узналъ все изъ газетъ... Тогда я ничего не слышалъ и не видѣлъ... Пальто я надѣлъ, поднялъ воротникъ и вышелъ въ вестибюль. Вотъ когда на меня налегло все сознаніе и такое тяжелое спокойствіе, словно я хлороформа надышался... Вѣроятно, я самою естественною походкой прошелъ мимо швейцара и вышелъ на улицу... По улицамъ я шелъ, шелъ все быстрѣй и быстрѣй, съ какимъ-то ужасомъ позади себя... Вы думаете, мнѣ пришло въ голову, что я долженъ отправиться въ полицію и во всемъ признаться? Нѣтъ. Ни на одинъ мигъ. Я только о томъ и думалъ, что я спасенъ, что никто не знаетъ... Да... Вотъ не помню я, гдѣ нанялъ извозчика... На вокзалъ

я поспѣлъ за полчаса до отхода поѣзда... А въ Гатчинѣ, знаете, нашъ поѣздъ осматривали, заглянули во всѣ паспорта... Очевидно, по телеграммѣ убійцу искали... Мальчика! Усовъ моихъ не видѣли... Ну, что потомъ? А? Разсказать? А вы не думаете, что нужно тринадцать лѣтъ, чтобы разсказать эти тринадцать лѣтъ? Два года прожилъ въ Кенигсбергѣ... Все казалось, что лучше быть поближе, чтобы вернуться... потому что мнѣ хотѣлось вернуться, да смѣлости не было... Не суда я боялся, не ссылки, а того ужаса, который я позади себя оставилъ... Понимаете?.. А потомъ я самъ себя убоялся... Уѣхалъ подальше... Да что вамъ въ прошломъ, когда оно все привело къ тому, что я вернулся! Я больше такъ жить не могу. Я чувствую, что долженъ расплатиться... Тринадцать лѣтъ дробилъ я свое страданіе и все-таки оно осталось такимъ же большимъ и тяжелымъ. Я работалъ, чтобы жить... былъ переводчикомъ, носильщикомъ, рудокопомъ, кондукторомъ... Но всегда и вездѣ я чувствовалъ себя преступникомъ... Теперь я вамъ все разсказалъ... Что же для меня вы избираете, судъ или самоубійство? Я хочу суда... въ самомъ дѣлѣ... Меня будутъ судить... Выяснится, что я не политическій преступникъ... Давность выручитъ... а потомъ можно и застрѣлиться? А?

Илліодоръ Ѳедоровичъ постарался засмѣяться, но только смѣха у него не вышло.

— Я выслушалъ васъ, сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—и я думаю, что вамъ нѣтъ большаго наказанія, какъ безнаказанность. Я бы хотѣлъ, чтобы вы ушли... Уйдите, Илліодоръ Ѳедоровичъ... Уйдите, я васъ больше видѣть не могу.

Рыбовскій всталъ.

— Прощайте. Какъ вы полагаете, проще всего— заявить полиціи?..

— Проще всего, подтвердилъ Хрустовъ и равнодушно посмотрѣлъ вслѣдъ уходящему Илліодору Ѳедоровичу.

«Развѣ не все равно»! подумалъ онъ, когда остался одинъ. «Нужно ли мнѣ, чтобы убійца понесъ наказаніе?.. Нужно ли это кому-нибудь теперь, когда мигъ злодѣянія разбавился долгими годами и когда кара была бы только мщеніемъ».

Онъ позвонилъ. Появился курьеръ Семеновъ.

— Мнѣ тебя и надо, старикъ, сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—послушай, вѣдь ты служилъ при князѣ Могиловѣ-Стольномъ, когда его убили?

— Такъ точно, отвѣтилъ курьеръ съ явною тоской,—заснулъ я тогда... попустилъ Господь...

— Знаю, знаю,.. Не въ этомъ дѣло... Вотъ что̀, говорятъ, убійца нашелся.

Семеновъ очень спокойно отнесся къ этому извѣстію.

— Понимаешь, нашелся... Его будутъ судить...

Курьеръ махнулъ рукой. — Его сіятельство князь Владиміръ Андреевичъ поди теперь сами забыли, что ихъ убили... На што намъ теперь убійца... Лучше бы такого доктора найти, который бы вылечилъ князька бѣдненькаго.

У старика въ голосѣ послышались слезы.

— Вѣрно, со вздохомъ произнесъ Алексъ,— иди, братецъ...

Въ дверяхъ Семеновъ едва не столкнулся съ Андреемъ Андреевичемъ.

— Александръ Сергѣевичъ, директоръ васъ проситъ. Онъ въ моей комнатѣ... Сегодня вечеромъ панихида, завтра присяга.

— Панихида!

Молча, экзекуторъ кивнулъ, съ глубокою печалью на лицѣ. Алексъ опустилъ глаза, безмолвный. Нѣсколько беззвучныхъ секундъ пронеслось.

Перекрестившись, Александръ Сергѣевичъ сказалъ:—Идемте.

Семеновъ отошелъ въ сторону на одинъ шагъ. Проходя мимо него, Хрустовъ замѣтилъ, что лицо старика искажено плачемъ.

Болѣзненно дрогнуло его сердце, словно онъ увидѣлъ горе цѣлаго народа, плачъ безыменной толпы, отблескъ того вдохновенія въ страданіи, которымъ создается нравственная мощь *Руси*.

Stanford University Libraries
3 6105 124 449 906

PG
3460
G6408

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.